Екатерина Дей

Я однажды приду...

Часть I

Екатерина Дей

Я однажды приду… Часть I

«Издательские решения»

Дей Е.

Я однажды приду… Часть I / Е. Дей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907575-8

Книга Е. Дей «Я однажды приду…» — первая часть серии книг в жанре любовного фэнтези. История невероятной любви Тёмного командора Глеба, погибающего от агрессии своей Силы, и его предначертанной жертвы человеческой женщины Катерины. Капля воды меняет океан, капля любви меняет мир.

ISBN 978-5-44-907575-8

© Дей Е.

© Издательские решения

Я однажды приду… Часть I

Екатерина Дей

© Екатерина Дей, 2018

ISBN 978-5-4490-7575-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Просыпаться не хотелось. Но мозг уже о чём-то думал, хотя я и не могла осознать полностью мысль, которая тревожила и требовала открыть глаза. Я пошевелила пальцем, и мысль сформировалась: тонкий шёлк, очень нежный и слегка прохладный. Открыв один глаз, я увидела цвет – морская волна, прозрачная и переливающаяся. Тут уже я широко открыла оба глаза, и перестала дышать: я лежала на гигантской морской волне, и другая волна меня полностью покрывала. Мне показалось, что я сейчас утону. Но тело одновременно осознавало, что я не погружаюсь, а просто лежу на чём-то мягком. Видимо сон меня ещё удерживал в своих сетях и мешал воспринимать реальность. Я снова закрыла глаза и крепко зажмурилась, до цветных кругов и ярких вспышек, несколько раз глубоко вздохнула и решилась осмотреться вокруг.

Я лежала на гигантской кровати, которая стояла в центре огромного зала, потолок уходил далеко ввысь и исчезал в темноте, невероятного размера люстры свисали как бы из тёмного воздуха и освещали пространство зала мягким светом. Говорят, что нужно ущипнуть руку и сразу придёшь в себя, морок рассеется и придёт осознание реальности. Ничего подобного – я ущипнула три раза, но всё осталось на своём месте. Добавились картины на стенах, золотые панели, шкафчики с какими-то предметами, невидными мне с кровати.

И ещё одно открытие повергло меня в шок – я лежала в кровати совсем голая. В моём преклонном возрасте такое открытие обязано приводить женщину в шок, а я даже в молодости не отличалась хорошей фигурой и стеснялась себя всегда. Натянув одеяло до подбородка, я стала оглядываться вокруг в поисках какой-нибудь одежды. И, о счастье, заметила кресло, на котором лежало нечто, похожее на халат. Осталось добежать до него и надеяться, что халат будет достаточно велик, чтобы я в нём поместилась. И именно в тот момент, когда я выскочила из кровати и побежала к креслу, в зал кто-то вошёл. Я мгновенно запуталась в рукавах и поясе халата, теряя рассудок от страха и стыда. Но то, что произошло потом, объяснению не поддается. Зал был невероятных размеров, как небольшой стадион, и кто-то, ещё невидимый мне, входил из самого дальнего угла от кровати, я надеялась хотя бы успеть накинуть на себя халат, и чуть не подпрыгнула, когда жёсткие мужские пальцы легли мне на запястья. Потом они спокойно взяли халат из моих дрожащих рук и накинули на меня со спины. К счастью, халат оказался самого того размера, даже немного велик, и я запахнулась в него всем своим большим телом. Теперь нужно набраться храбрости и обернуться.

Рубашка очень дорогая, пиджак небесно-голубого цвета, с едва заметными искринками. Сколько можно рассматривать белоснежную рубашку и отвороты пиджака? Я смотрела минуты три, прежде чем уговорила себя поднять глаза выше. Ещё по минуте я рассматривала очень крепкую шею и властный подбородок. Владелец всего этого стоял молча, и, видимо, рассматривал мою макушку, так как она была примерно на уровне его плеч.

Я вспомнила всё. Удивительные серо-голубые, такие же холодные как зимнее утро глаза вернули меня в действительность. Я даже не закричала, просто оцепенела всем телом. У меня есть одна особенность лица – оно редко выдает моё истинное состояние. Только в обществе

близких мне людей, а их очень немного, я могу выражать свои эмоции на лице. Обычно моё лицо выражает вежливое внимание или отстраненность, хотя и вежливую. И в эту минуту внутреннего ступора каким-то мозжечком я чувствовала, что моё лицо не перекосилось в разные стороны, а осталось внешне спокойным, бежать я не могла, потому что превратилась в соляной столб. Мой ужас произнёс спокойным и даже ласковым тоном:

– С пробуждением.

У меня получилось только медленно кивнуть головой, без всякой надежды открыть рот и произнести хотя бы звук. Видимо, он тоже не мог ничего больше придумать, потому что просто стоял и смотрел на меня. Так мы стояли долго. Я поняла, что оживаю по тому, что почувствовала холод пола босыми ногами. Ну что ж, умирать, так с музыкой! Сиплым голосом спросила:

– Ты сейчас меня убьёшь или сначала покормишь?

Вот такой реакции я совсем не ожидала. Он рассмеялся, громко, с удовольствием и каким-то человеческим выражением лица. То лицо, которое я видела раньше, было маской боевого робота с совершенно ничего не выражающими глазами. Всё, что я вспомнила, грохотало в голове и не давало возможности как-то адекватно реагировать на этот смех. Я даже не смогла отодвинуться от него, так и стояла, высоко подняв голову, а его смех всё перекатывался по огромному залу. Успокоившись, он весело сказал:

– Тебя ждет завтрак, или ужин, в Неаполе уже вечер.

Снова практически потеряв способность говорить, я прошептала:

– Где?!

– Ты в моём доме, недалеко от Неаполя.

Медленно, на негнущихся ногах, подошла к окну. За окном было море, закат и огни большого города вдалеке.

В сознание меня привели сильным шлепком по щеке. На этот раз всё вспомнилось достаточно быстро, возможно потому, что щека горела и помогала соображать. Как будто ничего не произошло, он спросил:

– Есть будешь?

Умирать, так хоть попробовав итальянской кухни. Помолчав немного, уже чистым голосом я ответила:

– Теперь обязательно – завтракать, обедать и ужинать.

Меня охватило странное спокойствие. Возможно, а почему возможно, совершенно чётко: я самая настоящая, абсолютно полная, без всяких изъянов дура и без всякой надежды поумнеть хоть на смертном одре. Почему одре? Просто в виде завтрака, обеда или ужина.

Он церемонно взял меня за локоть и повёл к задрапированному тяжёлыми шторами выходу на балкон. Огромное тёмное, с невероятным количеством ярких звёзд, небо, небольшой балкон и столик на двоих, уставленный всякими непонятными яствами и цветными свечами. Чем не романтическое свидание? С одной маленькой поправкой – в любой момент едой могу стать я.

Всё было вкусно, я даже не удивилась своему аппетиту и просто пробовала блюда, не обращая внимания на внимательный взгляд своего соседа, молча покуривающего сигарету. Наевшись, я попросила:

– Теперь, пожалуйста, угости меня сигаретой.

Так же молча он достал из нагрудного кармана… пачку моих сигарет. Слегка помятую, недокуренную там, в санатории. Я уставилась на пачку, и даже не смогла поднять руки, чтобы взять сигарету. Он подождал, рассматривая меня, потом достал и раскурил сигарету, подал мне. В разных книжках по психологии описывают много способов восстановить самообладание, я их не вспомнила. Моя рука даже не просто дрожала, она тряслась и никак не хотела успокаиваться, сигарета не удержалась в пальцах и упала на стол. Так же молча он раскурил

вторую сигарету и опять подал мне. Я смогла поднять на него глаза и мгновенно успокоилась, положила упавшую в пепельницу и взяла новую сигарету. С удовольствием затянулась.

Мы молча курили. Я смотрела на закат, он смотрел на меня. В моём пустом мозгу неожиданно промелькнула совершенно сумасшедшая мысль – а как я выгляжу? Сама себе ответила – как старая, толстая, в широком халате тётка. И опять, совершенно нелогично, это меня привело в какое-то состояние неги и физического спокойствия. Голова пуста, желудок полон и доволен – жизнь удалась хотя бы на ближайшие пять минут. Я ошибалась. Времени на физическое и душевное спокойствие мне не дали.

– Хочешь знать, как ты попала в Неаполь?

Вопрос прозвучал неожиданно, и я вздрогнула. Как всегда, ответила раньше, чем подумала:

– Хочу.

Вот нет во мне никакого чувства самосохранения! Сиди и наслаждайся сытостью и закатом! Хотя бы до завтра, какая разница, как ты сюда попала. Всё равно понятно, чем закончится. Но почему, неясно – зачем тащить такой старый шницель так далеко, через столько границ в бессознательном состоянии? Он махнул рукой и из-за портьеры неожиданно возник ещё один участник событий в санатории, видимо, уже давно стоявший там. Это был Олег, тот самый Олег, который, кивнув в сторону молоденьких девчонок, кучкой сбившихся за моей спиной, сказал совершенно бесцветным голосом: «При необходимости мы успеем убить всех до прихода военных или ракетного удара».

Надо отдать мне должное, я справилась с собой лучше и быстрее. Олег спокойно поздоровался:

– Добрый вечер

Он стал убирать со стола посуду на большой поднос как заправский официант, полотенцем вытер стол, и неизвестно откуда поставил передо мной ноутбук. На экране я сразу увидела себя. Там, на переговорах о заложниках. Непроизвольно вдавилась в кресло: степень самообладания оказалась не так высока, как надеялась, воспоминания рухнули на меня и задавили как лягушку на асфальте.

Наверное, это была оперативная съёмка военных, потому что камера вздрагивала и фиксировала неожиданные ракурсы участников переговоров. Я была телезвезда, центральная фигура. Совершенно спокойным голосом, внимательно рассматривая с обязательной дежурной полуулыбкой участников переговоров, я говорила о количестве заложников – девочек из группы гимнасток – нейтральными фразами описала напавших, ни разу не упомянув при этом ничего конкретного ни о внешности, ни о составе. И высказала свою уверенность в том, что девочек убьют, если я не вернусь. Рассматривая запись со стороны, я сразу поняла, почему военный чин обвинял меня в защите нападавших и требовал арестовать немедленно, а ещё лучше расстрелять на месте. Только трезвый ум женщины из ФСБ не позволил взорвать санаторий вместе с нападавшими и заложниками, она единственная услышала мою фразу о необычных способностях нападавших и то, что они всё равно успеют уйти раньше взрыва, а девочки погибнут. Она меня дважды переспросила о требованиях, не сразу сообразив, что их нет, есть только заявление о своём существовании. И она смогла убедить всех участников переговоров отпустить меня назад, в здание санатория, и встретиться с нападавшими. Оказывается, я шла назад очень быстро, почти бегом, хотя тогда мне казалось, что иду медленно, еле двигаюсь.

Вторая запись была сделана в здании санатория, напавшие вели съёмку постоянно, с ворот. И я опять увидела девочек. Мне пришлось обеими ладонями прикрыть себе рот, чтобы не закричать. Просматривая запись, я снова удивилась тому, что они со мной подружились, ведь некоторые годились по возрасту во внучки. Попала я в их здание совершенно случайно, и они сразу потянулись ко мне, уже через пару дней делились со мной своими очень важными секретами и просили совета по самым разным вопросам: от цвета заколки до страданий

по мальчикам, оставленным в летних лагерях и школах, могли просто прибежать, и обнимая, посидеть со мной, уткнувшись в плечо. А я восхищалась их красотой, грацией, удивительным изяществом и какой-то неземной воздушностью. Не будучи никогда уверенной в себе, я просто любовалась ими и чувствовала себя счастливой в их окружении.

Мы были в гимнастическом зале на очередной тренировке, девочки почему-то любили, когда я тихонечко сидела на верхних рядах и смотрела на них, даже тренер ничего не имел против моего присутствия, когда всё и произошло. Никто сразу не заметил присутствия посторонних в зале, потому что выступала Любочка. Все её так и называли – Любочка. Тоненькая как тростинка, совершенно невесомая и с удивительными ясными огромными глазами. Она показывала часть выступления с булавой, и мы заметили посторонних только тогда, когда булава, брошенная Любочкой почти к потолку, каким-то образом оказалась в руках неизвестного молодого человека. И на всех как-то сразу опустилась тишина. Абсолютная. Было такое ощущение, будто воздух мгновенно загустел и все оказались в вязкой субстанции, не позволяющей двигаться. Даже тренер, который всегда начинал громко кричать на работников санатория, случайно заглянувших в зал, молчал и смотрел на молодых парней, расположившихся по периметру зала. Как они оказались там никто не заметил. Стоявший ближе всех ко мне оглянулся в мою сторону и приказал: «Спускайся».

Я спустилась к девочкам, сбившимся в кружок вокруг тренера. Он начал что-то лепетать о невозможности присутствия на тренировке посторонних лиц, но очень неубедительно и как-то визгливо, как щенок от страха. И в это время в зал вошёл он. Сразу стало ясно, что он главный. Даже не тем, что выглядел внешне старше остальных, а какой-то властностью в фигуре и движениях. Очень высокий и широкоплечий, с правильными чертами лица, густой тёмной шевелюрой и холодными серо-голубыми глазами. Тайны женской психики никто и никогда не сможет понять, сами женщины особенно, несмотря на неясность ситуации и страх, только увидев его, я подумала – вот идет мужчина моей мечты. Между прочим, такие мысли приходят, несмотря на возраст, ситуацию и ясное осознание своей внешности.

Тренер продолжал что-то говорить, но всё тише и тише, а потом совсем замолк и неожиданно юркнул за спины девочек. А я вдруг подумала об охране, которой было много на территории санатория, и мальчики были бывшими десантниками, так как в санаторий иногда приезжали на несколько дней высокие чины администрации. Куда же они делись? Так я подумала тогда, а сейчас видела тела охранников у ворот и на территории санатория в самом начале записи. То, что произошло потом, повергло всех нас в шок: один из парней подошёл к нашей группе, как-то очень быстро вывел тренера и на глазах у всех укусил в шею. Он пил его кровь, а мы даже не понимали, что происходит. Никто не произнёс ни звука. И только когда он отпустил из рук безжизненное тело, все закричали и бросились врассыпную. Но никто никуда не добежал. Парни выловили нас так быстро, что мы это поняли только тогда, когда очутились на полу в центре зала. Девочки замолчали и тихонечко всхлипывали, прижавшись друг к другу, а я лихорадочно пыталась обнять всех, до кого доставала руками, и шептала: «Тихо, девочки, тихо».

Я смотрела запись, вжавшись в кресло и вцепившись руками в подлокотники. Казалось, что моё тело распадается на кусочки и сейчас рухнет кучкой на пол. И когда я уже ощущала про себя стук падающих кусочков меня, вдруг услышала голос хозяина дома:

– Если не хочешь смотреть, мы прекратим.

Не сразу я смогла разомкнуть онемевшие от напряжения губы и ответить:

– Я хочу посмотреть всё.

А в это время на экране он достал из кармана пиджака сотовый телефон и куда-то позвонил. Сказал только две фразы: «Отправляй заявление. Команда юниоров по женской гимнастике».

В разных фильмах в таких ситуациях главные герои сразу начинают искать выход или ведут умные переговоры с бандитами. Моя голова была занята чем угодно, но не поисками выхода. Я поправляла на девочках форму, гладила по плечам, утирала слёзы на лицах и приговаривала: «Тише девочки, тише». Как будто от того, как тихо они будут сидеть, что-то может измениться. Так мы и сидели в центре зала, а они стояли по периметру.

Прошло какое-то время, мне казалось, что прошли часы, когда снова зазвонил телефон и он ответил: «Да это я. Требования? Никаких. Сейчас вам перешлют кино». И кивнул парню с каким-то аппаратом в руках: «Олег». Олег что-то понажимал в аппарате, и мы снова услышали крик тренера, когда один из напавших укусил его в шею. Девочки встрепенулись как стая перепуганных воробьёв и снова закричали. А я пыталась усаживать их на пол и приговаривала: «Тише девочки, тише». В трубке послышался громкий мужской голос – он что-то кричал, но слов было не понять. Видимо, он уже получил кино с убийством тренера и одновременно слышал по телефону крики девочек.

На этом моменте записи я подняла глаза и посмотрела на красивого мужчину, сидевшего напротив за изящным столиком и невозмутимо курившего очередную сигарету. Я ни о чём не думала, просто рассматривала его. Мне нужно было на какой-то момент выйти из того состояния, в котором находилась, просматривая запись и почти физически ощущавшую себя там – на полу гимнастического зала. Он никак не отреагировал на мой взгляд, даже не отвёл глаза, и я снова стала смотреть в экран.

Там он кивнул одному из парней и тот мягкой кошачьей походкой двинулся в нашу сторону. Я сразу поняла, что сейчас произойдёт – только вместо тренера будет одна из девочек. Как вскочила и побежала я только сейчас увидела на записи. Тогда поняла, что делаю, уже сказав всё, вернее, прокричав в лицо парня: «Не трогай их! Возьми меня, я понимаю, что это уже не то – пить мою кровь, но вам же сейчас всё равно – кто, вам нужна просто запись для тех, для устрашения. Оставьте их, таких нет в природе, они уникальны! Потом найдёте себе на обед других, таких как я или ещё каких, но этих не трогайте! Пусть живут и радуют всех просто тем, что они есть! Ведь таких больше нет, и, может быть, никогда уже не будет, а таких как я много, нас уже не жалко! Возьмите меня!»

Парень остановился и стоял, рассматривая меня как экзотическое животное, оттолкнуть меня ему ничего не стоило, но он этого почему-то не делал. Видимо, ждал указания. И оно последовало: «Приведи её».

Парень подвёл меня к нему и сразу отошёл. Теперь сверху вниз на меня смотрели в упор эти самые ледяные глаза. Какой он большой я осознала, только когда меня поставили рядом с ним – почувствовала себя маленьким жучком рядом с огромной ледяной глыбой. Тон вопроса был таким же ледяным, как и глаза: «Так ты согласна отдать свою жизнь за одну из этих гимнасток?». Свой ответ я выдала быстрым шёпотом: «Да. Пощадите их, возьмите меня». И зажала рот руками, чтобы ничего больше не сказать и не спровоцировать на какую-нибудь ещё большую жестокость.

Тут опять зазвонил сотовый телефон. Не спуская с меня глаз, он ответил: «Да, это я». Долго слушал, а потом в его глазах что-то изменилось. Я не могу сказать, что они смягчились, но слегка изменили цвет, самую малость – на микрон. «Хорошо, через десять минут в парке у памятника будет наш человек».

Во мне всколыхнулась надежда – будут переговоры! Кто-нибудь что-нибудь придумает и всех спасут! Но когда я увидела его глаза во мне всё замерло – они опять стали того же ледяного цвета, без всякой надежды. Убрав телефон, он позвал того самого Олега – я хотела отойти, но он взял меня за локоть и остановил, сказал: «Они могут использовать любое оружие, даже ракету. Возможно ещё во время проведения переговоров». Олег подумал секунду и ответил, кивнув в сторону молоденьких девчонок, кучкой сбившихся за моей спиной в центре зала: «При необходимости мы успеем убить всех до прихода военных или ракетного удара и уйти».

Когда Олег отошёл, повинуясь еле заметному движению руки, он повернул меня лицом к девчонкам и сказал: «Ты слышала, попробуй их спасти на переговорах. Если ты не вернёшься – мы убьем их».

Я смотрела на девочек и понимала – всё, вот теперь всё. Лучше бы он сразу меня убил. Слишком хорошо я себя знаю, никогда и ничего у меня не может получиться ни на каких переговорах, ни с кем и никогда. Это не он их убьет, это я их убью. Кролик, всегда живший во мне, уже умер от страха и лежал маленьким серым комочком на самом дне души. Вот так и получается – хотела отдать за них жизнь, а убью своей никчемностью. И тут до меня дошла, наконец, ещё одна мысль, он сказал «наш человек», это значит я, как это называется – соучастник? Из их компании?! Я машинально подняла глаза и спросила: «Я – ваш человек?». Ответ огорошил: «Теперь да. Раз ты хочешь их спасти, спасай от всех. Они, чтобы уничтожить нас не пожалеют никого, даже команду уникальных гимнасток». Мне показалось, или в его голосе действительно прозвучала ирония? Размышлять об этом времени у меня уже не было – к нам подошёл Олег: «Пора идти».

Вырвав локоть из твёрдых пальцев, я побежала к девочкам, обняла тех, до кого дотянулась и всё время повторяла: «Девочки я вернусь, обязательно вернусь, нас спасут, ничего не бойтесь, вас не тронут, всё будет хорошо».

Мне бы мою уверенность! Я ведь не имею никакого понятия о том, что мне обсуждать на этих самых переговорах, кроме борьбы за их жизни, только вот как это сделать, совсем не знала. Мне никто ничего не сказал о требованиях, что они хотят, кроме того, что я поняла сама – люди должны знать, что они такие есть, невероятно сильные и быстрые, могут выпить кровь и убить человека, как животное! Мы для них пища! Не личности, а коровы, только им не нужно молоко, а нужна наша кровь и для этого они нас будут убивать! Всё сложилось в мгновение: они были всегда, а теперь решили легализоваться, так сказать, официально, объявить – мы есть, и мы будем вас есть! И я должна как-то выкрутиться на этих самых переговорах между теми, кто хочет нами питаться и теми, кто убьет всех, чужих и своих в борьбе с ними. И главное – каким-то образом спасти девчонок от одних и от других.

Меня как пушинку оторвали от девочек и поставили на ноги, несмотря на мой вес и лёгкое сопротивление. Олег приподнял на мне футболку и прилепил на живот какой-то маленький аппаратик, я даже не успела возмутиться. И последовало предупреждение: «Это транслирующее устройство, мы будем слышать всё. Если ты поведёшь себя неправильно, оно взорвётся». Я лишь уточнила: «Как это – неправильно?». Ответ успокоил: «Понять это ты не успеешь». С таким напутствием меня повели к выходу из зала. Я ещё пыталась обернуться и помахать девочкам, но меня подхватили и практически вынесли из здания.

Мельком я увидела тела охранников, лежащие в разных местах и в совершенно невероятных позах. Они, наверное, не успели даже понять, кто их убивает. И вдруг услышала какие-то голоса, обернувшись на окна административного здания, увидела работников санатория, они махали мне руками и что-то кричали, я радостно кивнула головой. Они не убили их, а только заперли в здании!

Я сама нажала на паузу и взяла сигарету.

– Почему ты не убил всех, как это сделали в других городах?

Он очень долго молчал, прежде чем ответить:

– Не видел необходимости, достаточно было команды гимнасток.

Если он и ожидал от меня какой-то реакции, то не дождался. Да и ответ, наверное, меня не очень интересовал. Мне нужен был тайм-аут. Сами переговоры я смотреть ещё раз уже не хотела. Героизма моего там не было, я плохо понимала, что говорю, так как речь придумывала на ходу. Выйдя за ворота санатория, я увидела огромное скопление военных, полиции и просто толпу людей за ограждением метрах в ста от памятника неизвестному государствен-

ному деятелю, имя которого все уже забыли, а надпись стёрлась. Какие ракеты? Они сами себя взорвут!

Кстати, на этой записи переговоров и не было, она закончилась, когда я подошла к памятнику и мне навстречу пошли несколько мужчин и одна женщина.

Я выкурила уже две сигареты, а он продолжал смотреть на меня и не включал следующую запись. Потом встал и подошёл к ограждению балкона. Не оборачиваясь, вдруг сказал:

– Передающее устройство не могло взорваться, Олег так пошутил.

В книжках и фильмах героини в такой момент кидаются разными предметами и чего-то там вопят. Но это героини несуществующих в жизни ситуаций. Всё там придумано: и эмоции, и чувства, и сами героини. А может я такая неправильная, но кидаться ничем не хотела. Может потому, что совсем забыла о том, что транслятор может взорваться, лишь сообщила участникам переговоров – на мне прослушивающее устройство.

Так и не дождавшись от меня никакой реакции, он вернулся к столику и включил следующую запись. Она велась от самых ворот, так как я почти бежала навстречу камере. Я плохо помню, как добралась в зал, и на камере изображение оказалось каким-то размытым, будто камера очень быстро перемещалась в пространстве и не успевала фиксировать изображение. И вдруг тела девочек на полу и мой крик: «Ты обещал оставить их в живых, я же вернулась! Они согласились! Они ждут вас!». Я, конечно, не успела добежать до него – меня перехватили. Зажатая как в тисках, я продолжала на него кричать: «Убей теперь и меня! Ты обещал, как я могла тебе поверить?! Пусть лучше бы они меня расстреляли там!». Он подошёл ко мне и слушал мои вопли, пока я не обессилела от горя и усталости. Потом поднял моё лицо двумя пальцами и сказал: «Они живы, просто немного поделились кровью. Поспят, и завтра будут тренироваться». Видимо, он дал какой-то знак меня отпустить, потому что я упала на пол и поползла к девочкам, лежащим в ряд у стены. Они действительно были живы, но без сознания. На руке у Любочки я увидела два пятнышка на запястье, кровь там уже остановилась и запеклась тёмно-бордовым цветом. Не в состоянии даже плакать, просто прислонилась к стене и закрыла лицо руками.

Меня опять подняли и слегка встряхнули, чтобы я пришла в себя. «Теперь иди и скажи: мы уходим, команда жива». Глаза цвета льда смотрели на меня без всякого выражения. Того микрона во взгляде не было – один лёд. Кто-то подхватил меня под руки и быстро вынес из зала. Камера чётко зафиксировала, как я выхожу из двери здания, слегка пошатываясь, как пытаюсь сказать людям в окне административного здания, что всё хорошо, но потом, махнув рукой, иду дальше к воротам. У памятника ждали военные и женщина из ФСБ. Она, остановив остальных резким движением руки, пошла мне навстречу. Я только успела сказать, что все живы, и что они уходят, как какое-то смазанное изображение перекрыло меня и я… исчезла. Некоторое время на экране оставалось удивлённое лицо женщины, а потом запись закончилась. Я ещё долго тупо смотрела на пустой экран и ничего не понимала. А я-то куда делась? Наконец подняла недоумённые глаза с большим вопросительным знаком.

– Тебя забрал Олег. Он, пробегая, подхватил тебя на руки и вскоре догнал нас.

– Пробегая?

– Наша скорость передвижения значительно выше человеческой.

– То есть, пока я шла к воротам, вас уже не было в санатории?

– Нет. Мы были далеко, а в аэропорту нас ждал самолет.

На несколько минут повисла напряжённая тишина.

– Зачем? Убить? Это можно было сделать там. Ведь вас не смогла бы остановить никакая охрана. Вас видели и девочки, и работники санатория… я не единственный свидетель.

Он долго смотрел на меня, потом стремительно подошёл, взял за руку и сказал:

– Отдыхай, завтра мы поедем смотреть Неаполь.

Слегка пожав мне руку, он ушёл.

Сколько я не пыталась привести мысли хоть в какой-нибудь порядок ничего не получалось. Воспоминания мешали сосредоточиться, и я сдалась. Решила, что утро вечера мудренее, жива и слава Богу. А сейчас нужно найти ванну, ведь моются же они где-то. Ванну я нашла, вернее, купальный зал. Никакой одежды, кроме халата, у меня не было, и я решила воспользоваться наличием бассейна и быстро искупаться, пока никто не вошёл. Наивная. Вода оказалась очень тёплой и такой уютной, что я стала плавать и нырять, почти успокоив растерзанные нервы. Когда я очередной раз вынырнула, то увидела стоящего у края воды Олега. От неожиданности чуть не утонула: стала захлебываться и махать руками, сразу забыв, что умею плавать. И вдруг он оказался в воде. Одним прыжком Олег выскочил из воды и поставил меня на ноги. Второй раз за день меня голую обнимает мужчина.

– Я тебя так испугал?

– Купальника я не нашла, а в моём возрасте голяком уже не купаются.

Ура! Я уже могу острить. Он поднял со скамейки полотенце размером с простыню и обернул меня в него.

– Пошли, я всё покажу.

Олег открывал передо мной дверцы шкафов и шкафчиков, объясняя, что где лежит. Выдал новый халат и тактично прикрыл меня дверцей шкафа, пока я одевалась, хотя, что уже теперь стесняться? Когда я закрыла дверцу, он тоже был в сухой одежде. Может сам стеснялся. Меня?! Потом он повёл меня на кухню, размером чуть меньше, чем бассейн, но зато с двумя холодильниками, полными разнообразных продуктов. Интересно для кого? Неужели для меня это изобилие? Вопрос вертелся на языке, но я промолчала. Видимо он понял мой взгляд:

– Здесь часто бывают люди. Хочешь чего-нибудь?

Подумав, я решила взять манговый компот. Съев его, взяла ещё кусочек торта и запила удивительно вкусным чаем.

– Я тебе покажу твою гардеробную.

А вот это уже было выше моего понимания. Моя гардеробная? Мы вернулись в мой спальный зал, и когда он открыл одну из золочёных панелей, я замерла: на трех кронштейнах висела разнообразная одежда – от белья до нескольких шуб. Всё. Мой организм получил за один вечер слишком много. Буду жива завтра, вот и перемеряю. Олег пожелал мне доброго сна и куда-то сразу исчез.

Это, видимо, входит в привычку – спать голяком, потому что я забыла поискать в моей гардеробной (?!) ночную рубашку, а возвращаться уже не хотелось. Я только придвинула кресло и аккуратно сложила на нём халат, чтобы можно было одеть его, не вставая с кровати. Я уснула сразу и спала без сновидений, что очень удивительно для меня, так как обычно я очень плохо засыпаю и всегда с какими-то бурными событиями во сне.

Проснувшись утром, я уже не испугалась волны и просто нежилась в её тепле и уюте. Думать совсем не хотелось, но мысли приходили сами и тревожили, требуя ответов на вопросы. Возник и самый главный вопрос – что я здесь делаю? Вспоминая события вчерашнего вечера, никак не могла понять поведения хозяина дома и Олега. К счастью, я больше пока никого не видела. Даже мысли о гардеробной не могли отвлечь. Всё-таки надо вставать, лежа в кровати ничего не узнаешь. Я нашла в гардеробной купальник и решила поплавать. Вчера я не увидела зеркала на всю стену и когда заметила движение, не сразу поняла, что это я. Передо мной стояла толстая тётка с немытыми волосами в тёмно-синем закрытом купальнике. Ну что ж, приведём шницель в относительный порядок – в смысле помоем голову и почистим зубы.

Накупавшись, я вышла на балкон. На столике уже стоял завтрак, лежала новая пачка сигарет. Почему-то вспомнила, что утро у меня обычно начинается с таблеток. Ничего, кровь будет чище, значит, вкуснее. А может хозяин дома любитель экзотических блюд и сейчас меня просто откармливают как бурёнок для более вкусного мяса?

А ведь я даже не знаю, как его зовут.

– Доброе утро.

А вот и хозяин, только вспомни черта.

– Наверное доброе.

Он видимо нажал какую-то кнопку, потому что над балконом опустилась конструкция напоминающая зонт, покрывшая тенью весь балкон. И опять в его руках был ноутбук.

– Я решил, что ты должна знать.

Это был репортаж центральных российских новостей о событиях в санатории. А потом показали тренера на больничной койке, который, к счастью, оказался жив, и девчонок. Они ничего не помнили! Последнее воспоминание – начало выступления Любочки! И, видимо, работники санатория тоже ничего не помнили, так как никаких фотороботов не последовало. Тут я всё поняла – ему нужен был живой свидетель его действий! На переговорах женщина из ФСБ сказала мне, что таких ситуаций по миру в этот день было много и везде все заложники убиты, нигде никаких свидетелей. Я одна на целый мир?! Мало того, что он оставил заложников в живых, пусть ничего не помнящих, так ещё и свидетеля увёл из под носа у всех! Мои мысли неслись, обгоняя друг друга, одна страшней другой. Меня будут искать все: как говорят – и наши и ваши. И ещё – я теперь ходячий повод для объявления войны. Вернее, война уже идёт давно, но скрытно, в тёмных переулках и осталась бы там, но они решили выйти из подполья, громко заявить о себе. Только сказано это было не для простого обывателя, а для тех, кто вершит судьбы и историю государств, и им не нужны свидетели. А военным генералам не нужен свидетель их решимости всех уничтожить, лишь бы победить. Аминь. Лучше пойти и повеситься самой.

Наверное, на этот раз все мои умозаключения были написаны крупными красными буквами на лице, потому что он сказал:

– А ты умнее, чем я предполагал. Ты же не боялась умереть там, в санатории, чего же боишься сейчас?

Он меня не убьет. Будет кормить, холить и лелеять. Пока я ему буду нужна в какой-то его интриге. Он прав, ведь я ещё там решилась на смерть и теперь мне бояться нечего – я уже тогда умерла. А вот эта мысль, которая тоже отразилась на моём лице, ему почему-то не понравилась. Он как-то помрачнел и резко захлопнул ноутбук.

– Я хочу показать тебе дом и познакомить с его обитателями. Через несколько минут я зайду за тобой.

Как он исчез, я даже не заметила. Всё померкло. Вчера, несмотря на ужасы воспоминаний и неясность ситуации, мне почему-то не было так тоскливо и до слёз обидно непонятно за что, как стало в этот момент. Эмоции не просчитать – никогда не знаешь, почему вдруг всё меняется в ту или иную сторону. Вместо того, чтобы радоваться, что есть хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне, я вдруг рухнула в омут какого-то жгучего, до слёз, отчаяния. И дело даже не в том, что я не очень уверена, насколько долго он будет задействовать меня в своей интриге и конец всё равно один независимо от победителя. Что-то очень глубоко личное было в этом отчаянии, совершенно не касающееся всей этой истории.

2

Мне казалось, что комнатам, залам и коридорам дома не будет конца. Зачем мне это показывать, если я никогда не смогу в этом лабиринте разобраться? В таких домах в каждой комнате должны лежать подробные путеводители со стрелочками жёлтого цвета, как можно из этой комнаты найти выход куда-нибудь. В общем – Эрмитаж итальянского разлива. Хорошо, что я надела тонкие джинсы, широченную блузку и мокасины и поэтому ещё могла передвигаться в пространстве. Поразительно, мне всё подходило по размеру, даже бельё. Меня что, измеряли, пока я валялась в бессознательном состоянии? Даже по подбору цветов всё понра-

вилось. Интересно, кто же это организовал? Я так ясно представила, как хозяин дома размышляет, какого цвета мне купить белье, что даже улыбнулась. Хозяин дома заметил мою улыбку и тоже как-то повеселел. Когда он зашёл за мной, я сидела в кресле и смотрела в одну точку на картине и безуспешно пыталась применить технику по восстановлению душевного равновесия, даже глубоко дышала по счёту. Но ничего не получалось. В груди поселился кусок льда, и никакие техники не могли его растопить.

Хозяин вёл меня из комнаты в комнату, иногда комментируя короткими фразами типа: библиотека – книги на восемнадцати языках, в том числе и на русском, или аппаратная – можно посмотреть любой фильм из фильмотеки, которая занимала шкаф размерами с небольшой кинозал, даже монтировать и что-то там ещё делать.

Никто не встретился по пути, и я уже решила, что обитатели этого дома только они с Олегом, когда мы неожиданно вошли в ресторан. Ну, мне так показалось. Или тронный зал. Потому, что в правом углу, на некотором возвышении, стоял только один стол. Вот за ним и сидели трое: двое мужчин и одна женщина.

Конечно же, я сразу обратила внимание на женщину. Удивительно красивая, с шикарными огненно-рыжими волосами, ниспадавшими крупной волной с плеч, ярко-зелёными глазами миндалевидной формы и чётко очерченными полными губами. На вид ей можно было дать не больше тридцати лет, даже, наверное, меньше. Но я, естественно, определила возраст чуть старше. Она была одета в платье изумрудного цвета с низким декольте, что ещё подчеркивало прекрасные глаза, на шее сверкали бриллианты. О фигуре лучше даже не думать.

Мужчины были одеты значительно проще. Одному, в просторном светлом костюме, было тоже лет тридцать, и он выделялся густой, чёрной до синевы шевелюрой. Он сидел, закинув нога на ногу, и курил огромную сигару. Второму, блондину с короткой стрижкой, сидевшему рядом с ним, около двадцати лет, и одет он был в соответствии с возрастом – яркая футболка и джинсы.

Все они обернулись, когда мы вошли в зал. Мужчины сразу встали и мне показалось, что слегка подтянулись как военные при виде генерала. Женщина осталась сидеть и на её лице появилась улыбка.

– Представляю вам нашу гостью. Её зовут Катерина. Она будет здесь жить под моим покровительством, сколько захочет. В моё отсутствие она будет под покровительством Олега.

Последняя фраза меня, мягко говоря, удивила. Что значит – под покровительством Олега? И – сколько захочет?

– Катерина, позволь представить тебе Анну, Виктора и Андрея.

Он поочередно назвал имена, мягким жестом указывая на того, чьё имя называет.

Я всегда чувствую себя неловко в первые минуты знакомства с людьми, а сейчас, учитывая обстоятельства, должна была находиться в состоянии ступора. Но, видимо, занимаясь техникой по восстановлению душевного равновесия, я всё-таки чего-то добилась, или же где-то внутри полностью примирилась с положением шницеля, которому всё равно, есть ли на нём кетчуп. Я была спокойна как сфинкс, только улыбалась дежурной полуулыбкой.

Хозяин дома посадил меня рядом с собой, тут же откуда-то появился молодой человек и поставил передо мной хрустальную вазочку с ломтиками манго и мороженым, пачку сигарет. Неужели Олег вывесил где-то для меня меню? И тут как облили холодной водой – человек здесь только я. Больше ни у кого не было еды. Даже стаканов с водой. И сразу же поняла фразу про покровительство – меня никто не может съесть кроме них с Олегом. Почему-то мне эта мысль даже понравилась, я стала с удовольствием помешивать ложкой в вазочке и вылавливать кусочки манго. А что с меня взять – шницель он и есть шницель. Тем более, такой старый. Шницель с маразмом. Хозяин сам виноват, что у него такой извращённый вкус. В общем, играем дурочку. Не удалось.

– Я показал Катерине новости о ситуации в санатории, и она сразу поняла свою роль.

Вот это да! Дал бы хоть манго доесть! Аппетит пропал, и я мрачно уставилась на присутствующих. Анна слегка приподняла бровь, Виктор внимательно посмотрел на меня и вынул сигару изо рта, Андрей мягко улыбнулся.

– У нас мало времени, её ищут и люди и наши. Виктор, что показало обследование?

– Больших проблем нет, но нужно показать Катерину Самуилу. Кое-что подлечить.

Виктор обернулся ко мне и добавил:

– Это не страшно. Самуил у нас гений и руки у него золотые.

Обследование? Меня может просканировали и на наличие драгметаллов? Что ещё они со мной сделали, пока я была без сознания?

– Андрей, на тебе связь и договорённости. Мне нужны все кланы.

– Будет сделано.

Андрей приложил два пальца ко лбу.

– Анна, на тебе охрана и оружие. Замени всех по внешней линии и определи ходы экстренного движения. Олег тебе поможет, пока я буду здесь.

Анна недовольно спросила:

– Зачем мне Олег?

– Он знает многих в лицо, пересмотрите все записи от ноля.

Повернувшись и внимательно посмотрев в глаза, он взял меня за руку:

– Дай каждому подержать свою руку, и мы сможем найти тебя на большом расстоянии. Так будет легче обеспечить тебе охрану. И ещё – мы слышим лучше вас. Тебе достаточно громко кого-нибудь позвать и тебя услышат в любом конце дома.

Вот это уже очень интересно. А может и мысли здесь все читают? После процедуры пожимания моей руки все снова расселись по своим местам. Хозяин дома негромко позвал:

– Олег, подойди.

Тот тут же проявился ниоткуда и встал рядом.

– Я хочу прояснить для всех один момент. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Катерину обратили.

Интересно, что это значит? Видимо, что-то похуже, чем просто убить. Ответ я получила сразу:

– Чтобы ты стала такой, как мы.

Произнося это, Олег не улыбался,. Ответить мне было нечего, и я решила доесть манго. Видимо, для меня информации опять было с избытком, и я не могла ни о чём думать, кроме того, как смогу вернуться в свои покои. Мне захотелось закопаться на кровати в волны одеяла и больше никогда оттуда не вставать, не дадут ведь.

Олег посмотрел на хозяина дома каким-то странным взглядом, а потом обратился ко мне:

– Я провожу, и ты сможешь немного отдохнуть.

Наконец-то хоть кто-то вспомнил, что я старая тётка и быстро устаю! Я встала и неожиданно для себя сказала:

– Рада была со всеми познакомиться.

Какие же у них были лица! Оказалось, я тоже могу ввести их в ступор.

Пройдя несколько комнат, я решила воспользоваться своим положением особо важного гостя и спросила Олега:

– А у вас тут нет какого-нибудь транспорта для езды по апартаментам?

Он улыбнулся, быстро подхватил меня на руки и… это даже нельзя описать. Комнаты проносились с такой скоростью, что я зажмурилась. Открыла глаза только тогда, когда поняла, что торнадо, державшее меня на руках, замерло. Я смогла только пролепетать, когда меня аккуратно опустили на кровать:

– Спасибо.

Всё-таки я неправильная тётка, думала я, возлежа на шёлковых волнах. В моём возрасте надо сидеть на лавочке во дворе и сплетничать о молодежи, смотреть слезоточивые сериалы и ложиться в девять часов спать. Видимо то, что у меня нет семьи, наложило свой отпечаток. А может быть, родилась такой неправильной. Но, наверное, именно потому, что я читала всякие книжки подростковые, смотрела фильмы не о том и помогает мне сохранить остатки разума сейчас. Могла ведь просто сойти с ума, забиться в какой-нибудь угол и выть от ужаса. А я даже пытаюсь иногда острить. Может быть потому, что меня никто особенно нигде не ждёт. Да, пострадают родители, может некоторые друзья поужасаются какое-то время, но ежедневный быт достаточно быстро приведет всё в привычную колею. И я опять вспомнила санаторий. Как мне было хорошо с этими девочками! Они были такими искренними, такими добрыми, даже в каких-то ссорах мелких, очень чистыми, как роднички. Именно об этом я, наверное, кричала тогда, а не о внешней красоте, хотя и были они удивительно красивы. Именно за это готова была отдать жизнь. И за то, что они потянулись ко мне, не оглядываясь на возраст.

Я вдруг кожей ощутила чей-то взгляд. Ну конечно, кто же ещё.

– Если ты отдохнула, мы можем ехать.

Медленно поднявшись с постели я, наконец, задала интересующий меня вопрос:

– А как мне к тебе обращаться? Или никак не обращаться и просто выполнять твои приказы?

– Можешь называть меня Глеб. У меня было много имён.

– Ты русский?

– Однажды я был им.

– Хорошо, пусть будет Глеб. Форма одежды?

– Свободная. Мы едем на консультацию к Самуилу и покатаемся по вечернему Неаполю. Может ты хотела бы сначала пообедать?

Подумав, я решила отказаться – буду худеть.

На удивление гараж оказался довольно близко. Мы просто через две комнаты спустились по лестнице в подвал. А может быть, тут было несколько гаражей. Ведь говорил же Глеб о каких-то направлениях движения Анне. Хотя удивительно, такая красивая женщина и вдруг – охрана и оружие.

Это была не машина, а небольшой броневик с сильно тонированными стёклами, даже какими-то зеркальными. По крайней мере, я увидела своё отражение в стекле очень чётко. Глеб открыл передо мной дверь рядом с водителем, а сам сел за руль.

И это называется – посмотрим вечерний Неаполь? Машина двигалась с невероятной скоростью, притормаживая и лишь изредка останавливаясь перед светофорами. По телевизору я бы хоть дома увидела.

Машина въехала в подземный гараж какого-то здания, почти не сбавляя скорости. Долго крутились по крутому серпантину и всё вниз. Скоро будем в аду? Глеб на ходу достал какой-то пульт, нажал на кнопку, и неожиданно появившаяся перед нами стена уехала в сторону. Всё, приехали.

Навстречу нам вышел совершенно седой мужчина с внешностью старого мудрого еврея и глазами, полными вселенской тоски по несбыточному, и – о, ужас – в белом халате.

– Здравствуй, Самуил. Это Катерина.

– Здравствуй, Глеб. Привет, Катенька.

Самуил взял мои руки обеими ладонями и внимательно посмотрел в глаза, ослепительно улыбнулся и сказал фразу, от которой у меня всегда поднималось давление в любой клинике:

– Давай мы посмотрим, где у тебя болит.

Сопротивляться было бесполезно, и я безропотно пошла за ним. Куда делся Глеб, я не заметила – его просто не стало.

Несколько часов спустя совершенно измотанная, я сидела за столиком в маленькой, уставленной всякими зелёными насаждениями комнатке и пила ароматный чай из огромной, похожей на советский ширпотреб, кружки. Сигареты я забыла взять с собой и ужасно страдала от их отсутствия. Хотя здесь, наверное, нельзя курить.

Открылась дверь и в комнату вошёл Глеб, заполнив собой всё пространство. В руках у него была пачка сигарет.

– Ты забыла.

Затягиваясь сигаретой и высматривая пепельницу, я уточнила:

– А здесь можно курить?

Он подал мне какое-то блюдце и сказал:

– Тебя Самуил простит.

– А почему только меня?

– Ты только из России. Он многолетний эмигрант с жуткой ностальгией.

Больше ничего сказать он не успел, потому что вошёл Самуил. Он на ходу жевал бутерброд с колбасой и сыром, что очень меня обрадовало.

– Катенька, не слушай его. Моя ностальгия его совершенно не касается. Он болтается по всему миру и понятия не имеет, что такое Ностальгия.

Самуил так и сказал – с заглавной буквы. Что-то их связывало, что-то очень глубокое, что-то такое, отчего лёд в глазах Глеба несколько бледнел.

– Итак, девочка моя…

У меня просто глаза полезли на лоб, я была почти одного возраста с ним, по крайней мере, мне так показалось.

– … мне нужно две недели, я поставлю тебя на ноги и сделаю тебе голливудскую улыбку. Такая красавица как ты должна смело улыбаться жизни. Будешь приезжать каждое утро и уезжать поздно вечером. Я бы оставил тебя здесь на эти две недели, но, думаю, некоторые будут сильно против.

– Против. Когда меня не будет в городе, приезжать будет Олег. Только он.

– Хорошо. Я жду вас завтра утром. Пока, красавица. Глеб, позвони мне позже.

Подниматься по серпантину вверх было как-то спокойнее. А потом был ночной Неаполь. Я представить себе не могла, что Глеб выберет такие романтические места. Из машины мы так ни разу и не вышли. Он ставил машину таким образом, что я переставала дышать от восхищения. Чтобы показать мне эти виды, надо было их найти, а значит искать в соответствующем состоянии души. Небо, звёзды, море, вулкан, удивительным образом подсвеченные здания с определенного ракурса образовывали такую картину, от которой в душе у меня начинал таять кусок льда и растекаться слезами из глаз. Я не стеснялась своих слёз – не всё ли равно, что обо мне думает этот хозяин моей жизни и смерти. И даже была благодарна ему, потому что в своей прошлой жизни я бы этого никогда не увидела. За всю поездку Глеб не сказал ни слова, просто останавливал машину и смотрел на меня. А потом было море.

Мы выехали на какую-то узенькую дорогу, машина едва протискивалась между домами, и долго ехали в полной темноте, фары освещали только глухие щербатые стены. И вдруг стены закончились, свет фар ничего не осветил, и мне показалось, что мы сейчас рухнем в пустоту. Машина остановилась, Глеб вышел, открыл дверцу с моей стороны и спросил:

– Хочешь услышать море?

Я подала ему руку и пошла за ним, от избытка эмоций говорить ещё не могла. Мы куда-то шли в темноте, и чтобы я не упала, он вёл меня за руку.

– Садись и слушай.

Глеб помог мне сесть на какой-то камень. Сначала я ничего не слышала кроме шелеста волн. Потом стала выделять отдельные звуки то выше, то ниже общей тональности. И вдруг эти звуки образовались в мелодию. Это невозможно описать словами. Мне казалось, что я

плыву в полной темноте, а мелодия пронизывает каждую клеточку моего тела, всё внутри меня звенит и переливается всеми цветами радуги. И так же неожиданно всё закончилось, остался только шелест волн. Я лихорадочно, со всхлипом вздохнула, оказалось, что не дышала, пока звучала мелодия. Нельзя так издеваться над старой женщиной, подумала я, пытаясь восстановить дыхание и найти в кармашке блузки сигареты.

– Ты услышала.

Он не спрашивал – констатировал факт. Какое-то время мы курили в полной темноте под звуки всё усиливающегося прибоя, пока он не сказал каким-то изменившимся тоном:

– Пора ехать.

Всю обратную дорогу я думала лишь об одном: как могут сочетаться убийство и мелодия моря, прозрачный от переливающегося света закат на фоне Неаполя и девочки на полу гимнастического зала?

Я продолжала об этом думать, плавая в бассейне и ужиная в одиночестве на балкончике. Лучше бы я об этом не думала. Потому, что чем больше об этом думала, тем сильнее перевешивали мелодия волн и закат над Неаполем. Совершенно нелогично и нереально. Попытки привести себя в чувство воспоминаниями событий в санатории и мыслями о своём неясном будущем ни к чему не привели. Тогда я применила последний способ, самый жестокий. Скинув халат перед зеркалом, я долго рассматривала себя. Подействовало.

Несмотря на то, что легла под утро, проснулась я бодрой. Видимо моральная экзекуция перед зеркалом возымела действие. Завтрак уже ждал на балконе. Попивая чай, я пыталась решить насущный вопрос – как же мне теперь себя вести с Глебом после вчерашнего. Вопрос решился сам собой – вошёл Олег и сказал, что к Самуилу меня несколько дней будет отвозить он. Куда делся Глеб, он не стал уточнять, а я не спросила.

Последующие три дня превратились в сплошной больничный кошмар. Мне делали уколы, ставили капельницы, чем-то очень дурно пахнущим обмазывали всё тело и заворачивали в настолько горячую и тяжёлую махровую простыню, что я казалась себе цыпленком табака. А так как в клинике работали только итальянцы, процедуры сопровождались громкими весёлыми разговорами на непонятном мне языке. Самым страшным для меня был, конечно же, кабинет стоматолога, там священнодействовал Самуил. Он фиксировал мою челюсть в держателе – я так обозвала конструкцию, которая не позволяла мне дёргаться во время лечения – и начинал задавать различные вопросы о жизни в России, на которые сам же и отвечал. Ошибался он редко. Чтобы я не умерла от такого лечения, меня иногда кормили какими-нибудь бутербродами и поили то чаем, то кофе. Когда процедуры заканчивались, Самуил сам провожал меня в ту маленькую комнатку, где я была в первый день, и разрешал выкурить сигарету. Олег всегда уже ждал меня там.

На четвертый день я сидела в комнатке Самуила и потягивала какой-то овощной коктейль через трубочку, так как есть уже не могла: остатки моих зубов были частично удалены, частично запилены так, что не только есть – разговаривать невозможно. Олега почему-то всё не было. Неожиданно в комнату вошёл Глеб и спросил вместо приветствия:

– Как дела?

Я что-то промычала в ответ и показала на свой рот, даже довольная тем, что официально могу не разговаривать. Он изменился за дни отсутствия. Как будто принял решение, но пока не знает, что с этим решением делать. Эта мысль пронеслась в голове, и я почему-то испугалась её. За эти дни, состоящие из медицинских процедур и одиноких вечеров на балкончике, я опять же совершенно нелогично успокоилась. Больше ни разу не встретив других обитателей дома, кроме Олега, я привыкла к мысли, что, наверное, не увижу их, в том числе и Глеба. Конечно же я думала о нём. Но решила, что после того вечера он найдёт для себя выход из положения и, естественно, избавится от меня – отдаст одной из сторон за выгодную

для него цену. Видимо, этот день настал. Обидно, что я даже не смогу ничего напоследок сказать из-за отсутствия физической возможности.

– Поехали домой.

Ну да, теперь этот неаполитанский домище мой дом! Но не мне спорить с хозяином своей жизни, и я только кивнула головой. В гараже стояла другая машина, длинная и очень чёрная, с такими же зеркальными тонированными стёклами. Глеб подвёл меня к месту рядом с водителем и, открывая дверцу, сказал:

– Мне нужно с тобой поговорить.

Конечно! Поговорить со мной, когда я даже рот толком не могу открыть, не то, что звуки издавать! Широко раскрыв глаза, я не удержалась в покорности судьбе и стала грозно мычать, ну я так думала, что грозно. Уже в машине он сказал:

– Ты только выслушай меня.

Но за всю дорогу больше ни слова не сказал. Сначала я ёрзала и пыталась посмотреть ему в глаза, а потом решила – зачем приближать кошмар? Когда наступит, тогда и наступит.

Он наступил за ужином. Когда Глеб пришёл с ноутбуком в руках, я чуть не уронила йогурт из рук. Ничего хорошего это не предвещало. На экране возник известный российский журналист и стал комментировать кадры из записи переговоров. Вот это да! Они всё-таки раскопали запись, или им кто-то помог? Я вопросительно посмотрела на Глеба.

– Мы к этому не имеем никакого отношения.

Потом корреспондент стал говорить обо мне. Обвинения сыпались одно за другим: я заранее устроилась в санатории, вошла в доверие команды и организовала нападение и так далее и тому подобное. Я посмотрела на Глеба. Он, как и в прошлый раз, смотрел на меня без всякого выражения. Так как говорить я не могла, то просто затянулась сигаретой и сделала вид, что любуюсь закатом. Теперь возвращение для меня уже просто невозможно. Всё равно найдут и, в лучшем случае, посадят, хотя, всего скорее, я тихо исчезну навсегда. А собственно говоря, почему я расстраиваюсь? Бежать всё равно не смогу, это я понимала, да и хочу ли? Эта мысль неожиданно возникла и повергла меня в шок. О чём я думаю?! Плохо, когда женщина физически не может говорить. Я бы уже давно несла какие-то глупости, и у этой мысли не было бы возможности сквозь эти глупости пробраться. Но сейчас она уже прочно засела голове, и мне пришлось её думать. Собственно, что уж такого странного в том, что пожилая тётенька влюбляется в красавца мужчину, кем бы он ни был, и хочет оставаться с ним даже под угрозой смерти? Просто иногда видеть, иногда разговаривать, знать, что он где-то рядом. Вот и призналась себе. Всё остальное не страшно.

Я так глубоко задумалась, что даже не услышала, как Глеб мне что-то говорит. Когда я подняла на него глаза, он сразу замолчал. Я долго рассматривала его лицо, старательно обходя взглядом глаза, знала – этот лёд не растопить никогда, тем более мне. Пусть будет так. Мои чувства это только моё дело, знать о них ему не обязательно. Тем более, долго это продолжаться не может, меня или убьют другие, или он сам. Он был прав – мне нужно было только услышать, но не его, а себя.

Видимо, Глеб догадался, что во мне идет какой-то мыслительный процесс, потому что не стал повторять свои слова, а пожелав доброй ночи, ушёл. На следующий день меня к Самуилу отвёз Олег.

Наконец, все медицинские экзекуции закончились. Самуил торжественно преподнёс мне в подарок удивительной красоты зеркало, сделанное непонятно из чего, так как оно не разбивалось, падая на пол, что он и продемонстрировал. Я слегка похудела, могла смело улыбаться жизни новыми зубами, что особенно меня порадовало, и, вообще, внешне стала лучше выглядеть. Конечно, я не превратилась в Царевну Лебедь, но всё равно приятно. Хотя и непонятно, зачем всё это совершать со старым шницелем.

Глеба всё не было, и я в одиночестве просиживала вечера на балконе, покуривая и любуясь закатами. Думать мне особенно было не о чем, всё было продумано уже десятки раз и оставалось только ждать каких-нибудь событий, которые внесут ясность в дальнейшую мою жизнь. Или смерть. По дому я старалась не ходить, не желая встречаться с другими обитателями или просто потеряться. Общалась только с Олегом, но он был молчалив, и наши разговоры сводились только к обсуждению моих желаний, которые не отличались особенным разнообразием. Моя тоска опять превратилась в кусок льда и с каждым днём всё больше поражала меня изнутри.

Приглашение на ужин удивило и даже обрадовало. Я уже с трудом справлялась со своей тоской. Мне не хватило смелости спросить у Олега, будет ли Глеб, я только уточнила – как здесь одеваются на ужин. Он улыбнулся:

– По настроению.

Что ж, тогда мне придётся завернуться в чёрный плащ и кирзовые сапоги. Почему именно кирзовые, не знала сама, но представила почему-то так. Пересмотрев весь гардероб, я выбрала удлинённое тёмно-зелёное платье с атласной отделкой и тонкую, удивительной вязи золотую цепочку. Однажды, от нечего делать, я поинтересовалась содержимым красивой шкатулки и обнаружила украшения из золота, некоторые даже с бриллиантами. Раз эта шкатулка было в моей гардеробной, значит, я могу воспользоваться этой цепочкой.

Олег повёл меня на ужин каким-то коротким путем, потому что добрались мы достаточно быстро. Глеба не было, за столом сидели Анна, Виктор и Андрей. Мужчины встали при моём появлении и поздоровались, Анна только кивнула головой.

На этот раз Олег сел с нами за стол. Видимо в отсутствие Глеба его статус значительно повышается. Вот только один вопрос меня интересовал – из чего будет состоять ужин для них? Приведут жертв и будут поедать их, положив на стол? К счастью, на столе никто не лежал, а мне принесли еду в красивой посуде и вазочку мороженного.

Анна внимательно рассмотрела меня и, улыбнувшись, почти доброжелательно сказала:

– Пребывание в Неаполе пошло на пользу нашей гостье, да и Самуил постарался.

В этих словах я неожиданно почувствовала какую-то угрозу, хотя и не поняла, с чем она была связана. Слова обычные, да и тон спокойный, но что-то в них было такое, от чего у меня прошёл мороз по коже. Ну что ж, в бой так в бой.

– Мне нравится здесь. Море, солнце, оздоровительные процедуры Самуила. Я чувствую себя как в санатории.

Не знаю, почему сказала это слово. Может, хотела дать понять всем, что осознаю своё положение, а может, это было что-то очень женское, не поддающееся никакой логике.

– А ты не так проста, как хочешь казаться.

– Я обычная женщина своего возраста.

Мужчины молча курили, не ввязываясь в нашу беседу с Анной, но внимательно смотрели именно на меня. Рассматривали как ценный экспонат. Интересно, чья это была идея – пригласить меня?

– Катерина, тебя назвали так в честь царицы Екатерины?

– Нет, когда я родилась, в нашей стране уже не называли детей в честь цариц, даже великих. Это имя понравилось кому-то из родителей.

– У тебя нет своих детей, почему же ты так бросилась защищать этих девчонок?

– Все дети – дети.

– Но на записи ты что-то говорила об их уникальности.

– Уникальности по сравнению со мной. Выбор между мной и ими может быть только в их пользу. Природа дала им много талантов и может больше не повторить такой набор.

Виктор вступил в разговор:

– А в чём твой талант?

– У меня нет талантов, я обычный человек.

– Видимо, это не совсем так, если Глеб решил тебя забрать с собой, такого раньше никогда не было.

Наверное, Андрей сказал что-то не то, потому что Олег посмотрел на него тяжёлым взглядом и предложил поиграть на пианино, стоявшем у стены.

Играл он очень хорошо, насколько я могла понять своим неразвитым или вернее полностью отсутствующим, слухом. Мне просто очень понравилась сама музыка, нежная и слегка печальная. Но на Анну музыка никак не подействовала.

– И всё-таки, в чём же твоя уникальность? Скажи нам, может быть, в тебе есть таланты, которые ты скрываешь. Мне просто интересно.

– Значит, я их не знаю сама.

Неожиданно Виктор встал и подошёл ко мне:

– Ты танцуешь?

– Не очень хорошо. Было мало практики.

Он взял меня за руку и повёл на середину сцены. Андрей заиграл медленную мелодию и запел на итальянском языке, у него оказался приятный голос с лёгкой хрипотцой. Я не волновалась, но так как действительно танцевала плохо, боялась наступить на ноги партнеру. Однако всё прошло гладко, Виктор по окончании танца поцеловал мне руку и сказал, помогая мне сесть за стол:

– Не талант, но очень неплохо.

Это что, вечер определения моих возможных талантов? Они, видимо, действительно не могут понять, почему Глеб привёз меня сюда. Значит, были другие возможности выхода из ситуации в санатории, и появление меня было для них неожиданностью, а не запланированной акцией. Интересная информация.

Я решила остановить своеобразное тестирование на первом этапе:

– И ещё: я не пою, не пишу прозу и стихи, плохо знаю математику и все точные науки, не умею шить, вяжу на спицах и крючком.

Олег усмехнулся, но не успел ничего сказать, так как Анна встала и подошла ко мне:

– У каждой женщины есть талант.

Я ответила, даже не оборачиваясь к ней:

– Если бы я была юной красавицей, может быть, ещё стоило подумать о возможных женских талантах, но увы – это совсем не так.

Виктор рассмеялся, пожелал всем доброй ночи и ушёл. Вслед за ним ушёл и Андрей. Я попросила Олега проводить меня и попрощалась с Анной. Она мне улыбнулась в ответ и пригласила прийти завтра, я согласилась. Всё лучше, чем сидеть одной в тоске на балконе. Да и интересные подробности выясняются.

Так и повелось. Весь день я была одна в своих думах, а вечером шла на светскую беседу с мужчинами и пикировку с Анной. Иногда кто-нибудь отсутствовал, чаще всего Андрей, но Анна и Олег были всегда. Наряды я меняла редко и считала не зазорным прийти в одном два вечера подряд. Сегодня моё внимание привлекло чёрное закрытое платье с чёрной же накидкой удивительной красоты из кружева, чем-то напоминавшего вологодское. Из украшений к нему ничего не подходило, и я решила надеть на руку браслет с зелёными камнями, возможно изумрудами. Как-то не было у меня возможности научиться разбираться в драгоценностях.

Весь вечер Анна смотрела на этот браслет и почти не разговаривала со мной, она явно знала его. Зато Виктор доставал меня вопросами о развитии России на современном этапе и под конец выдал странную фразу:

– Глеб прав. Всё совершенно иначе.

Я даже представить себе не могла, как мои умозаключения, совершенно, как у нас говорят кухонные, могли привести к такому выводу. И главное – в чём прав?

Виктор тут же попрощался и ушёл. Мы остались втроём: я, Олег и Анна. Олег, который очень редко участвовал в наших разговорах, просто слушал и лишь изредка высказывал своё мнение, сегодня не сказал ни слова, но внимательно наблюдал за Анной. Наверное, он тоже знал этот браслет. Я решила не напрашиваться на неприятности и попрощалась с Анной. Но она не выдержала:

– Откуда у тебя этот браслет?

– Он был в шкатулке. А шкатулка в гардеробной.

Больше она ничего не сказала и быстро ушла.

Всю обратную дорогу мне хотелось спросить о браслете у Олега, но я останавливала себя одной фразой – не дело шницеля про бриллианты узнавать. Уже пожелав мне доброй ночи, Олег вдруг обернулся и сказал:

– О браслете можешь не волноваться. Он твой.

– Нет. Здесь нет ничего моего. И быть не может. Ты сам понимаешь – игра скоро закончится.

Это был наш первый разговор с Олегом, когда я заговорила о своём положении в доме. Он подошёл ко мне почти вплотную, и мне пришлось высоко поднять голову, так как он был почти одного роста с Глебом. Это придало мне внутренней решимости продолжить разговор:

– Я ничего не знаю о вас, кроме того, что видела сама. Но думаю, что всё также сложно, как и у людей. А значит, исполнив свою маленькую роль, я буду уже никому не нужна, вернее, стану мешать. Тем более, что жизнь людей для вас ничего не значит.

Олег смотрел на меня сверху вниз и молчал.

– Ты был там и всё видел. Пытаясь спасти девчонок, я готова была тогда умереть, готова и сейчас. Ничего не изменилось.

– Ты не понимаешь своей значимости.

– От степени значимости моей роли для игры ничего не меняется.

Он хотел что-то ещё сказать, но вдруг резко повернулся и исчез. Я просто рухнула на кровать, столько сил у меня забрал этот вечер и особенно разговор с Олегом. Шницель решил высказать своё мнение!

На следующий день я решила не идти на ужин. Не было у меня настроения. Не хочу и всё. Ледяной ком в груди разросся до невероятных размеров. Я просто лежала на кровати, совершенно бездумно, зарывшись в шёлковые волны одеяла. Наверное, это называется депрессия. Так я пролежала два дня.

– Добрый вечер.

Я вздрогнула под одеялом всем телом. Сердце бешено заколотилось, и потемнело в глазах как у подростка, взрослая тётка называется. И мне понадобилось время, чтобы ответить:

– С приездом.

– Не хочешь прокатиться?

– Хочу.

– Я зайду за тобой через пять минут.

Ну почему так?! Когда я постарела, превратилась в старую толстую тётку, вдруг попадаю в совершенно киношную ситуацию и встречаю мужчину своей мечты, которому нужна… нет не так, я ему не нужна, я просто под руку случайно попалась, и он получил возможность использовать меня как некое орудие в игре. Именно так. Мои одинокие размышления на балконе возымели действие – пусть уж скорее всё закончится. Пока Глеба не было рядом, я могла как угодно убеждать себя в том, что смогу побороть в себе это чувство или хотя бы не показывать его. Но как только он появился, во мне опять всё рухнуло.

Готова я была через минуту.

Мы выехали на какую-то объездную дорогу, так как Неаполь остался в стороне, и опять понеслись на сумасшедшей скорости. Глеб остановился возле небольшой церквушки рядом с дорогой и сразу повернулся ко мне:

– Я хочу рассказать тебе про браслет.

Наверняка Олег отчитывался перед ним о событиях в доме во время его отсутствия.

– Не нужно. Этот браслет не может иметь ко мне никакого отношения, какую бы тайну он в себе не носил. Эта тайна касается только тебя. Для меня он может быть только аксессуаром костюма.

Я смотрела прямо перед собой и не могла видеть его реакции. Ну и зачем ему это нужно?! Просто бы объяснил условия игры и не травил мне душу, изображая заинтересованность во мне. После недолгого молчания он спросил:

– И тебе совсем не интересно, какая женщина носила этот браслет?

Вот гад! Тут я уже повернулась к нему всем корпусом и посмотрела в глаза. Они смеялись! Эти глаза могли смеяться! Из-за какого-то браслета!

– Не интересно. Совсем. Я и так знаю, что носила его женщина, которая погибла от роковой любви к тебе.

Глеб хохотал так, что сотрясалась машина. И смеялся бы, наверное, ещё долго, но вдруг зазвонил телефон. Лицо его изменилось мгновенно, и ответ был коротким:

– Я еду.

Ничего не объяснив, он рванул с места так, что я вдавилась в кресло как космонавт на взлёте. Спрашивать, что случилось, было бесполезно, и я изо всех сил вцепилась в ремень, чтобы не вылететь из машины на ходу. Я зря боялась: где-то в машине брякнуло, и дверцы защёлкнулись, а стекла стали настолько тёмными, что я перестала вообще что-то видеть. А потом он выключил фары, и мы на предельной скорости понеслись в полной темноте. Так как Глеб был одет во всё чёрное, я перестала видеть и его. Он кому-то позвонил и сказал на английском одну фразу, после чего выбросил телефон в окно.

Видимо, нас уже ждали, потому что мы на полной скорости въехали во двор какого-то дома и ворота за нами сразу захлопнулись. Дверь с моей стороны открылась, кто-то подхватил меня на руки и быстро внёс в дом. Обернувшись на Глеба, я увидела, что машины уже не было.

Меня куда-то несли в полной темноте и полной тишине. Я вцепилась в шею несущего меня парня и тряслась как осиновый лист. Ну и где вся моя храбрость и достоинство? Всего-то темнота и неизвестность.

3

Комната, в которой я оказалась, была очень маленькой, но дверь выглядела как в сейфе крупного банка в Америке, судя по фильмам. А может, это действительно хранилище банка, я же не знаю, как выглядит, например, депозитарий, для меня это только слово, не имеющее визуального подтверждения. Так я думала часа два, сидя на диванчике и выкурив уже почти всю пачку сигарет. Кстати, я даже не успела заметить, кто же меня принёс в эту комнату. Меня просто закинули на диван и быстро захлопнули сейф. Всё просто – обо мне забудут, и я задохнусь, проблема будет решена.

Наконец в сейфовой двери звякнуло, и она открылась, вошёл Олег. Выглядел он ужасно: одежда порвана, на руках рваные раны, но кровь только на одежде.

– Поехали домой.

– Лучше не спрашивать, что случилось?

– Нет.

Но уже в машине он решил внести ясность:

– За тобой приходили.

– Так поранить тебя люди не могли, значит, это ваши.

– Да.

Больше мы не говорили. Нас никто не встретил, и Олег проводил меня наверх. Ран на руках уже не было – гладкая чистая кожа.

– Ты поселишься в другой комнате, её уже подготовили.

Это оказалась действительно комната, а не зал. Уютная и очень солнечная. Такое ощущение, что она со всех сторон освещена яркими лучами восходящего солнца. Я пожалела лишь об одном – бассейн, видимо, теперь исключён. Как быстро привыкаешь к роскоши, можно подумать в моей маленькой квартирке в прошлой жизни был бассейн. И тут у меня началась истерика. Я, конечно, не выла и не бегала по комнате, а забилась с головой в подушки и начала рыдать. Меня трясло вместе с кроватью, а слёзы лились ручьем. Нервы не выдержали многодневного напряжения, и отсутствие бассейна оказалось последней каплей. Осознав эту мысль, я стала смеяться хриплым истерическим смехом. Закончилось всё так же быстро, как и началось: никаких мыслей, никаких сил. Сколько это продолжалось, я не осознавала. Просто пустота.

Видимо я заснула, потому что когда открыла глаза, был уже вечер. Надо встать и умыться. Ванная напоминала римские бани, и в центре голубел маленький бассейн. Я чуть не утонула несколько раз от хохота, пока плавала. Интересно, здесь каждая комната имела свой бассейн?

И, конечно же, в самый неподходящий момент я вспомнила, что сказал Глеб: громко позови и тебя услышат в любом конце дома. Значит, услышали все. Ну что ж, шницель имеет право на истерику, у тётеньки сдали нервы, пусть радуются, что это происходит не каждый день по два раза.

Гардеробная оказалась значительно меньше, но одежда практически та же. Интересно, а кормить меня сегодня будут или посадят на жёсткую диету, чтоб истерик меньше было? Балкона здесь не было, а я не знала, как самой пройти в ресторан. Крикнуть что ли? Но кричать не пришлось – зашёл Олег и пригласил на ужин в соседнюю комнату, там был сервирован столик.

– Я буду рядом.

Мне очень хотелось спросить, где Глеб, но я удержалась. Его не было ещё три дня.

Опять наступили тоскливые дни полного одиночества, Олег не в счёт. Я знала, что он где-то рядом и всегда проявляется, как только стоит о нём подумать, но мне нужен был не он. Окна в комнате были из толстого бронированного стекла и просто аккумулировали свет, так что мне приходилось днём зашторивать окна. Олег, заметив это, почему-то попросил всегда оставлять хотя бы одну часть окон открытой, сам он при этом не заходил в комнату. И я поняла – они боялись солнечного света. Мы выезжали из дома только глубоким вечером, а тогда в санатории был очень сумрачный день.

Вот появится сейчас Глеб и скажет – пора. Или ничего не скажет. Но появился Олег и пригласил меня на ужин. Он был в чёрном костюме, а не в футболке и джинсах как обычно, и я догадалась, что идём в ресторан. Видимо что-то решилось. Я очень тщательно выбирала платье, ведь может быть это мой последний вечер. Взгляд остановился на тёмно-лиловом, с белоснежными вставками по рукавам и краю широкого отложного воротника. Никаких украшений решила не одевать, вспомнив историю с браслетом.

Дорога заняла всего несколько минут, так как комната оказалась намного ближе к ресторану, чем бывший зал. Там сидели все – в том числе и Глеб.

Олег проводил меня к стулу рядом с Глебом, сам сел напротив. Как обычно, мужчины при моём появлении встали, Глеб тоже, Анна лишь кивнула головой:

– Катерина не посещала нас в последнее время, кажется ей с нами не интересно.

Анна произнесла это очень спокойно, но с лёгким прищуром в глазах. Глеб хотел что-то сказать, но я положила ему ладонь на руку и ответила сама:

– Я наслаждалась солнцем и водой, продолжила процедуры санатория.

Мой жест заметили все. Я видимо совсем перестаю соображать в присутствии Глеба и веду себя как идиотка. А почему нет, я этот, почётный гость, или торжественный обед, по ситуации. Глеб был поражён моим жестом не меньше остальных, потому что продолжал молча смотреть на меня. Ладонь я убрала, лишь докончив фразу.

Виктор решил разрядить обстановку и спросил:

– Кстати, Катерина, ты разобралась в зеркале, которое тебе подарил Самуил?

Честно говоря, я и не думала в нём разбираться, просто пользовалась по назначению. Я так и сказала. Виктор ослепительно улыбнулся:

– У этого зеркала много тайн, я когда-нибудь расскажу тебе о нём.

– Зачем? Нашей красавице вряд ли понадобится знать тайны этого зеркала. Она уже и так добилась своего.

– Может быть, ты мне расскажешь, чего я добилась?

– Самого главного – внимания к себе.

Я чуть не взорвалась на мелкие кусочки – это я добивалась внимания?! Но зазвучала музыка, это Андрей сел за пианино, и Глеб подал мне руку:

– Потанцуем?

Я машинально подала свою ладонь. Виктор попытался пригласить Анну, но она лишь отрицательно покачала головой. Олег сидел мрачнее тучи.

Мой гнев прошёл мгновенно, как только Глеб обнял меня и повёл в танце. Сердце ухнуло куда-то в пустоту и в глазах потемнело. Ну что же я за дура! Коснулся меня мужчина моей мечты, и я забыла всё – и то, что было, и то, что будет! Во мне всё дрожало и вопило от счастья! Да и видела я его всего несколько раз, и сказал он всего несколько слов, лучше даже не вспоминать каких, и всё – любовь до гроба, благо, ждать недолго. Ну, зачем ему всё это, ужины эти, этот танец! Игра ведь не должна включать в себя психологическую обработку шницеля. В чём необходимость влюблять в себя старую тётку, понимает же, что таким как он даже пальцем щёлкать не надо, посмотреть только в сторону любой красавицы и пожалуйста – стаей прилетят. В общем, я опять всё испортила сама. Вместо того, чтобы просто наслаждаться его присутствием рядом, я довела себя практически до состояния нервного срыва и с каждой секундой покрывалась новой корочкой льда.

Глеб что-то почувствовал, остановился, и, подняв моё лицо ладонями, спросил:

– Что случилось?

– Ничего.

Я освободила лицо из его рук.

– Просто не вижу смысла в этих разговорах и времяпрепровождении. Вряд ли вам действительно интересно, что я думаю и чувствую. Честнее запереть меня в бронированном подвале и просто отдать в нужный момент победившей стороне.

Все замерли. Я тоже. И посадят, причём по собственной просьбе. Не будет итальянских ужинов, бассейна, моря и огней Неаполя. Свою тронную речь я сказала, практически уткнувшись в грудь Глеба, и не сразу смогла поднять голову. В его глазах бушевал вихрь: цвет менялся от яркого синего до прозрачного, с чёрной точкой зрачка.

– А почему бы и не выполнить просьбу нашей гостьи?

Анна уже стояла рядом в своём алом, до рези в глазах, платье. Но Глеб не обратил на неё никакого внимания, а продолжал смотреть мне в глаза. Потом взял мою руку и повёл к выходу из ресторана.

– Ты устала, тебе нужно отдохнуть. Олег, проводи Катерину.

Я ожидала всего: что он действительно сразу отправит меня в подвал, шею свернёт или ещё что-нибудь в этом духе, но вот так! Олег подхватил меня на руки и в одно мгновение перенёс в комнату.

Всю оставшуюся ночь я пыталась решить – а собственно, чего добиваюсь? Ведь сама нарываюсь на неприятности. Сиди себе тихо, пока жива. Кормят, поят, выводят иногда на прогулки, зубы даже вставили, а я ещё выпендриваюсь. И под утро поняла – я действительно пытаюсь обратить на себя внимание Глеба, Анна права. Я изо всех сил пытаюсь заставить его относиться ко мне как к личности, женщине, а не как к куску мяса и сгустку крови. Сам виноват, посадил бы сразу в подвал, бросал раз в день кусок хлеба, я бы и сидела тихонько, радовалась каждый день, что пока жива. А то море, романтические виды, разговоры за столом. Вот и сносит крышу тётке. И ещё один момент заставлял меня бодрствовать – вдруг проснусь утром уже в подвале?

Но меня разбудил странный аромат. На столике у кровати в изящной вазе тонкого стекла стояли розы. Я долго тупо смотрела на них и не могла понять, что это – галлюцинация или я просто сошла с ума, даже потрогала лепестки. Розы были совершенно снежного цвета, с лёгким кремовым оттенком по краям. Мыслей не было никаких. Я встала и теперь уже долго стояла рядом с цветами. А потом опустила лицо в букет и вдыхала тонкий аромат всей кожей лица – я хотела сделать это всю свою сознательную жизнь. Только вот таких букетов, свежих настолько, что, казалось, они всё ещё растут на кустах, мне никогда не дарили. Да и вообще, истории с букетами у меня были какие-то грустные.

И что мне теперь делать? Натворила дел вчера. Вот зачем я всё это наговорила? Как теперь Глебу в глаза смотреть буду? Он меня спас, привёз к себе, обращается так, как со мной никто и никогда не обращался. Тем более, что мы с ним на первой же встрече договорились – жертва моя за девочек только отложена, а не отменена. Так что, иди извиняться, не делай вид оскорблённой невинности. Ты все эти дни знала кто они, чем они питаются и нельзя теперь делать вид, что вы мне не нравитесь, верните меня на место. Обещала за девочек жизнь отдать – отдавай. Я тяжело вздохнула и пошла умываться, надо с чего-то начинать восхождение на Голгофу.

Но в этот день никто меня на Голгофу не позвал. В соседней комнате так же стоял завтрак, потом обед и ужин. Даже Олега не было, а самой ходить по лабиринтам комнат дома я не решилась.

На следующий день появился свежий букет, и мысли у меня стали ещё мрачнее. Не хотела общаться – пожалуйста, сиди в полном одиночестве, никто тебе не мешает.

К вечеру я уже готова была кого-нибудь позвать. Только никак не могла решить – кого. Позвать Олега и что я ему скажу? Что я дура и теперь не знаю, как мне дальше жить? Он и так знает, что дура, а жить недолго – можешь и потерпеть. Позвать Глеба, а ему что я скажу? Прости, всё осознала, никаких претензий, молчу, как улитка, жду казни? Так ничего не решив, я отложила всё на утро – ведь оно мудренее вечера. А утром был свежий букет.

Посмотрев на себя в зеркало Самуила, я ужаснулась: к моей и так скромной внешности добавились синяки под глазами и очень помятая физиономия. Бедный Самуил, все его старания пошли прахом за несколько дней из-за моей дурости. Осталось найти в гардеробной саван и свечи, встать на колени у двери и ждать. Правда, могу случайно поджечь весь дом. А это даже хорошо – хоть кто-нибудь придёт, хотя бы дом тушить. Так я до вечера ни на что и не решилась. Пусть будет, что будет.

Дождалась. На следующее утро был новый букет, и ко мне пришла Анна. Вот уж кого я меньше всего хотела видеть. Поздоровавшись, она спросила:

– Не скучаешь?

– Нет, отдыхаю.

У меня хватило сил улыбнуться ей своей дежурной улыбкой.

– Поражаюсь я тебе, ты ведёшь себя так спокойно… хотя Глеб сказал, что ты понимаешь свою роль.

– Понимаю. Я лишь стараюсь сдержать своё слово, данное Глебу там, в санатории.

– Умереть?

– Я обещала умереть за девочек, какая разница, где это произойдет. Пусть даже в Неаполе или в другом городе мира.

– А мне кажется, что ты готова умереть не только за девочек.

Я сделала большие глаза и удивлённое лицо. Анна усмехнулась:

– Мы чувствуем биение сердца у людей. Твоё сердце начинает лихорадочно трепетать лишь при одном упоминании имени Глеба. Вот и сейчас оно забилось быстрее. Меня не обмануть.

– Я никого не обманываю. Просто считаю, что моё сердцебиение никого особенно не может волновать. Ни тебя, ни Глеба. Всё обо мне существует только как временное событие в этом доме, поэтому не имеет значения.

– Что меня не должно волновать?

А вот это на сладкое – в дверях стоял Глеб. Анна предложила сладким голосом:

– Катенька, расскажи.

– Никого не может в этом доме волновать частота ритма моего сердца.

– Это она хочет сказать, что влюблена в тебя, но тебя это не должно волновать.

Наступила тяжёлая пауза. Я стояла у окна рядом со столиком, на котором были розы, и опиралась на него, боясь упасть от волнения. И вот я решилась, правда саван так и не надела и свечи не зажгла:

– Глеб, прости меня за тот вечер. Иногда я забываюсь и веду себя не очень адекватно. Больше такого не повторится, надеюсь, и я лишь буду ждать твоего решения. Наша договорённость остаётся в силе.

Он изобразил удивление:

– Какая договорённость?

– О том, что моя решимость в санатории лишь перенесена во времени и пространстве. Всё остальное не имеет никакого значения. Сердцебиение, в частности.

По его глазам ничего нельзя было понять – принял ли он моё извинение, как отнёсся к словам Анны о моём чувстве к нему.

– Анна, мы уходим.

И уже почти в коридоре, спросил:

– Цветы понравились?

– Очень.

И понимая, что он уже ушёл, тихо добавила:

– Таких мне никто и никогда не дарил.

Не зря говорят – скажи себе что-нибудь и об этом будет знать весь мир. Значит, ещё в тот вечер, когда я призналась самой себе, что не хочу никуда уходить от Глеба, он уже всё понимал по моему сердцебиению. Опустившись на пол по стене, я закрыла лицо ладонями.

Думать можно по-разному: логично и совсем без логики. Сначала я думала совсем без логики – отдельные фразы хаотично носились в голове и совершенно не связывались хотя бы в одну мысль. Потом почти в бессознательном состоянии пошла и в чём была, прыгнула в бассейн. Утопиться не удалось – как оказалось, Олег был начеку и сразу достал меня из воды. Опять как в первый день замотал в махровое полотенце и усадил на скамейку. Спокойно спросил, как будто и не доставал неудавшуюся утопленницу из воды:

– Хочешь вкусного торта?

Правильно говорят, что самые простые фразы могут решить мировые проблемы, по крайней мере, мировые для меня. Сладкое всегда мне помогало в трудных ситуациях.

– Хочу.

– Переодевайся, а я принесу.

Съедая очередной кусок торта, и запивая удивительно вкусным и ароматным чаем, совершенно логично я думала о том, как Олег его так вкусно заваривает, если сам не пьёт и не ест. Имеется в виду человеческой еды. Но спрашивать его не стала, мало ли что, вдруг опять моё сердце не так будет биться.

Кусочки торта выровняли фразы в одну логическую мысль – а что, собственно, произошло? Ну, подумаешь, кто-то узнал, что я в очередной раз неудачно влюбилась, как обычно совершенно безнадёжно. Мир, пожалуй, от этого не рухнет. Будем исходить из этого. Главное – я точно знаю, что самому объекту моего чувства совершенно всё равно, бьётся ли учащённо моё сердце в его присутствии. Легче не стало, стало проще. Теперь я могу почти спокойно ждать своей участи. И пусть хоть весь Неаполь слушает моё сердцебиение!

На следующий же вечер судьба решила проверить, насколько я тверда в своём убеждении – меня позвали на ужин.

Я решила одеться как можно скромнее и изображать бедную овечку. Безмолвную. Лучше рыбу. Выбор пал на серый брючный костюм с застёжками под серебро.

Были все, даже Самуил. Он радостно подбежал ко мне и нежно поцеловал в щёку.

– Здравствуй, девочка, здравствуй красавица!

Совершенно не ожидая от него такой бурной реакции, я тоже изобразила улыбку. Олег опять подвёл меня к стулу рядом с Глебом. Я изо всех сил пыталась остановить дрожание пальцев и особенно – лихорадочное биение сердца. Естественно, у меня не получалось ни то, ни другое.

– Катенька, дорогая моя, я вижу у тебя всё хорошо. Выглядишь ты просто прекрасно!

– Любовь всегда украшает женщину.

Я даже не успела вспомнить своё решение о безмолвной рыбе в сером костюме и ответила Анне:

– Любовь украшает любое создание: будь то мужчина или женщина, ребёнок или старик, кошка или лев. Она меняет всех. Нет ничего зазорного в любви, какой бы она не была – ответной или нет. Она просто любовь и живёт совершенно независимо от всех условностей, ведь она счастлива счастьем другого. Если это любовь.

Видимо это моё бессознательное всё обдумало, пережевывая кусочки торта, и выдало свой вердикт. Анна даже не пыталась скрыть своей иронии:

– А это любовь?

– Я надеюсь.

Мне срочно нужен большой рулон скотча. Заклеить не только рот, а всю. С головы до ног. Без отверстия для дыхания. Как куколку какой-нибудь бабочки или жука.

Самуил подбежал ко мне и поцеловал руку в каком-то лихорадочном возбуждении, видимо в своей Ностальгии ему этой любви тоже не хватало. Глеб молчал, я видела только его руку, спокойно державшую сигарету. Ну вот, всё расставлено по местам. Видимо это был какой-то совершенно изощренный опыт – заставить шницель признаться в любви к едоку. Я даже не буду пытаться понять, зачем ему это нужно. Учёные тоже долго мучают мух, пытают их разными химикатами, чаще всего не понимая, зачем они это делают. Так просто, для научного опыта. Опыт удался.

Больше за вечер я не сказала ни слова. Мужчины обсуждали политику итальянского правительства, иногда переходя на итальянский язык, Анна молча курила, Андрей иногда играл лёгкие, нежные мелодии. Глеб активно участвовал в разговоре и, пожалуй, ни разу на меня не посмотрел, по крайней мере я не почувствовала его взгляд. Нам с Самуилом подали десерт: мне мороженое, а ему кусок шоколадного торта.

Наконец этот бесконечный вечер закончился. Первым поднялся Глеб и, пожелав всем доброй ночи, пригласил к себе Самуила. Анна тоже сразу ушла, мило мне улыбнувшись. Олег подошёл ко мне и предложил проводить. И вдруг Андрей, прощаясь со мной, поцеловал мне

руку как матери – удерживая её двумя руками. Это я потом поняла, что как матери, а в тот момент готова была упасть и упала бы, если бы не Олег. А Виктор просто пожелал доброй ночи и улыбнулся.

Женщина существо удивительное. Она всегда на что-то надеется. Даже когда всё понятно сразу и навсегда. Поплачет и опять надеется: что пьяница-муж бросит пить, дети образумятся, начальник подобреет и даст премию, правительство увеличит зарплату, а мужчина полюбит. Каждый раз думает, что вот скоро будет всё хорошо, не очень представляя, что такое это хорошо. Так я думала, лёжа на кровати, как была в одежде. Скотчем я обернусь сама – примерно, как про серую рыбу, обещала себе.

Звук я услышала не сразу, даже не совсем звук, а как бы преддверие звука, какое-то лёгкое шипение. Когда начала прислушиваться, было уже поздно – толстенное стекло лопнуло и упало в комнату. Кто-то стремительно схватил за руку и попытался вылететь в окно, но меня также стремительно схватили за ногу, и я почти порвалась пополам, так мне показалось. Что было потом, я не очень осознавала: вокруг свистело, шипело и мелькало, наконец, меня кто-то схватил в охапку и придавил в пол. Потом был удар, и я потеряла сознание.

Сознание возвращалось медленно. Иногда я видела силуэты, глухо слышала какие-то голоса, потом снова проваливалась в забытьё. Первым, что я увидела, полностью придя в себя, был потолок из крупного красного кирпича. Я его хорошо рассмотрела, прежде чем поняла… подвал. Вот всё и решилось – победитель определился.

Двигаться я не могла, так как была вся перемотана чем-то очень плотным и пластичным: при любом движении ткань начинала тянуться, но тут же возвращалась в прежнее положение. Вот тебе и кокон. Получите, пожалуйста, как заказывали. Здесь, пожалуй, бассейнов не будет, и успокаивать тортиками тоже не станут. Что имеем – не храним, потерявши – плачем. Какая я умная, страшно даже, очень страшно.

За дверью, должна же здесь быть дверь, послышались какие-то глухие удары, и стена из красного кирпича рухнула. Я закрыла глаза от взлетевшей пыли, а когда открыла их, увидела, что передо мной стоит Глеб – весь в крови и клочках одежды, со сверкающими как лазеры глазами. Он подхватил меня на руки и выбежал в проём стены. Видимо у меня действительно что-то было с головой, так как я сразу же почувствовала тошноту и потеряла сознание.

Мне снилось море. Оно плескалось у ног, гладило по руке и нашёптывало ласковые слова. А потом оно стало похлопывать меня по щеке и требовать:

– Катя, открой глаза и попробуй что-нибудь сказать.

Глаза открываться не хотели, но меня продолжали хлопать по щеке, и пришлось приподнять веки. Перед собой я увидела довольное лицо Самуила.

– Я же сказал, что всё у нас будет хорошо. Девочка моя, скажи что-нибудь.

Попробовать, конечно, можно, но у меня получалось только мычание и кряхтение. Самуил дал выпить какой-то гадости, и только после этого я смогла прохрипеть:

– Привет.

Он широко улыбнулся и сказал уже тем, кто стоял за его спиной:

– Подумаешь, головку маленько разбили, главное – личико целое.

Смеяться я не могла и поэтому только улыбнулась, а вот Виктор с Олегом устроили такой хохот, что Самуил замахал на них руками и стал выгонять:

– Идите отсюда, выздоравливающей нужен покой. Мы сейчас сделаем тебе укольчик, и ты поспишь. Теперь всё будет хорошо.

Я уже засыпала, когда услышала слова Самуила:

– Глеб, ты можешь совершенно успокоиться – они не успели её обратить. А головку мы подлечим.

4

Выздоравливала я тяжело, по голове меня действительно ударили сильно. Всё время тошнило и становилось легче, только когда Самуил давал какой-то напиток, от которого летели искры из глаз. Меня по очереди навещали Олег и Виктор, иногда приходил Андрей. Глеб и Анна не появлялись. В первые дни мне было не до вопросов – я практически не могла говорить – а потом всё время спала, напичканная укольчиками Самуила. Когда стало легче, я задумалась – а стоит ли задавать вопросы? И ответят ли на них?

Анна появилась, когда я уже стала вставать. Она выглядела странно: очень бледная и с совершенно бескровными губами, вся её красота как-то выцвела.

– Я пришла попрощаться… выздоравливай.

Её вид меня откровенно напугал.

– Что с тобой случилось?

– Тебе этого не понять. Если выживешь… передай Глебу…

Но фразу не закончила и быстро вышла из комнаты. Тут же появился Олег и спросил:

– Анна была здесь?

– Только ушла, что с ней случилось?

– Болезнь.

И уже у двери, не оборачиваясь, сказал:

– Это она тебя спасла. Мы бы не успели.

Мне нужно срочно на свежий воздух. Я первый раз вышла на балкон – опять лазурное море и яркое солнце, как на картинке туристического буклета. Почти сразу подошёл Самуил.

– Молодец, девочка, надо гулять.

– Самуил, что за болезнь у Анны?

Он сразу как-то обмяк, будто уменьшился в размерах. Долго смотрел на море и потом грустно сказал:

– Мы не можем ничего сделать. Я пытался… но не получилось.

– Но ещё в тот вечер она выглядела прекрасно. Что могло так её подкосить?

– Силы закончились.

Самуил хотел уйти, но я его задержала:

– Олег сказал, что это она спасла меня, на это ушли силы?

Он только кивнул и ушёл.

Дом, в котором мы жили, был небольшим и стоял на скале, с балкона казалось, что он парит в воздухе. У меня опять закружилась голова, и я решила вернуться. Обернувшись, увидела, что ко мне подходит Глеб, мне пришлось схватиться за резной поручень балкона, чтобы не упасть от волнения. Он мгновенно оказался рядом, и поддержал меня за руку.

– Тебе плохо?

– Просто закружилась голова. Я хотела вернуться в дом.

– Я провожу.

Неожиданно совершенно неподходящая мысль родилась в моей больной голове – он вышел на солнце. И ничего не произошло, хотя я замечала не раз, что они все стараются оставаться в тени.

Глеб привёл меня в гостиную и усадил в кресло.

– Тебе что-нибудь подать? Может воды?

– Воды. Глеб, неужели ничего нельзя сделать для Анны?

– Ты уже знаешь.

Он не удивился, лишь констатировал факт.

– Она сама приходила ко мне.

– Анна была у тебя?

– Она зашла попрощаться и пожелать выздоравливать. А ещё она хотела что-то передать тебе, но передумала и ничего не сказала.

Глеб как-то замер, он будто застыл со стаканом воды в руках. И так же, как Самуил, уменьшился в размерах, будто из него выпустили воздух. У меня вдруг появилось страшное желание подойти к нему и просто обнять, но я сразу испугалась своего порыва и крепко сцепила руки, чтобы остановить себя. Он как почувствовал это и обернулся ко мне, я тут же опустила глаза. Проклятое моё сердцебиение! Я пыталась изо всех сил успокоиться и взять себя в руки. Не нужны ему мои объятия, только оттолкнет, и я опять покроюсь слоем льда, буду в нём рыдать и биться о стенку этого же льда. Пусть всё остаётся по-прежнему, мне нет места в их мире, и никогда не будет. Так, временное сотрясение воздуха во время научного опыта.

И опять меня захлестнула волна совершенно дикого отчаяния, до боли в груди и темноты в глазах. Меня будто накрыло чёрным покрывалом и всё кругом потемнело. Ну почему я не могу вести себя как все нормальные люди! Ну и бросилась бы к нему, ну и обняла бы, пусть и оттолкнул, тебе же должно быть всё равно! Он же уже знает, как я к нему отношусь, зачем изображать мудрую стойкость и глупое достоинство. Это уже гордыня, девочка моя, как бы сказал Самуил.

Я была уверена, что Глеб ушёл, но он стоял рядом со мной и как будто мучительно пытался что-то услышать. Наверное, мои внутренние стенания. У меня ничего не придумалось, кроме вопроса – как они меня спасли? Он ответил, подавая стакан:

– Анна услышала звук и добралась до тебя первой, но не смогла их остановить. По оставленной на тебе метке мы и нашли потом тебя.

– Это что – метка?

– Её кровь. Тебя под землей мы бы не смогли почувствовать, а её кровь нашли.

– Они что-то сделали с её кровью?

– Нет. Но силы Анны закончились. Так бывает.

Глеб сказал это уже совершенно спокойным твёрдым голосом.

Всё встало на свои места. Всего скорее, я пребывала в какой-то очередной иллюзии, потому что передо мной опять стоял кусок льда в стальном панцире, рыцарских латах или скафандре. Меня даже физически обдало холодом. Наверное, он, наконец, понял – Анна погибает из-за меня, если бы она не бросилась меня спасать, то ничего бы не произошло. Не зная, как себя вести, я стала вдавливаться в кресло.

Глеб резко развернулся и быстро ушёл. Без всяких мыслей я посидела ещё некоторое время и решила опять подышать воздухом. На балконе от избытка кислорода пришла трезвая мысль – а может эта метаморфоза с Глебом произошла не из-за меня. Почему я всегда во всём обвиняю себя? У него своя жизнь, в ней достаточно, я полагаю, своих проблем, не имеющих ко мне никакого отношения. А уж внутренних тараканов, может быть, побольше моего будет. Тем более с этими сверхспособностями их даже должно быть сверхмного. Эта первая умная мысль за последнее время немного успокоила, и я решила поискать кого-нибудь, благо дом был значительно меньше неаполитанского Эрмитажа.

Проходя мимо одного окна, я услышала голос Олега:

– Глеб, это единственный выход, но всё зависит от вас двоих.

От вас двоих? Кого это? Моё сердце опять лихорадочно застучало, и я быстро пошла обратно.

Кого двоих, я увидела вечером. У нас была гостья.

Мне казалось, что Анна была самой красивой женщиной, которую я видела живьём, а не в кино. Но девушка, которая вошла вместе с Глебом на ужин, была ослепительна: натуральная блондинка, небесно-голубые глаза удивительной формы и яркие губы. Одета в обтягивающий чёрный брючный костюм и ростом чуть выше плеча Глебу. Самое главное – она была человеком, перед ней поставили вазочку с фруктами. Глеб её представил:

– Знакомьтесь, это Юлия. Она погостит у нас несколько дней.

Хорошо, что роль тамады на себя взял Виктор и по очереди представил нас всех, сидящих за столом. Про меня он почему-то сказал, хотя никогда до этого так не называл:

– А это наша Катенька.

Я ничего говорить не могла, слишком сильным был удар, только кивнула головой и сделала вид, что перемешиваю мороженое. О том, как выглядела сама, даже не стала думать. У меня оказались повреждены два ребра, и Самуил иногда одевал на меня толстый, не жёсткий, но очень плотный корсет. И это на мои собственные размеры. А для красоты лица добавились расползающиеся синяки под глазами. В общем – ужас, желательно в ночи. На Глеба я не смотрела.

Когда я стала немного соображать, то удивилась поведению Самуила: всегда весёлый, говорливый и немного экзальтированный, он молчал почти весь вечер, только изредка очень мрачно смотрел на Глеба. Я это замечала, потому что, как и прежде, сидела за столом рядом с Глебом. За весь вечер он только несколько раз обратился ко мне с вопросами о здоровье, я пожимала плечами и что-то мычала. Одна мысль буравила мозг – сбежать. Но как только представила себя: круглую, саму по себе и от корсета, выкатывающуюся из-за стола, то продолжала сидеть. Наконец не выдержал Самуил:

– Катенька, тебе пора отдыхать.

Ко мне сразу подошёл Олег и взял на руки прямо со стула. Я только успела кивнуть всем и пожелать доброй ночи, как он вынес меня из столовой. Видимо, Самуил вколол мне лошадиную дозу снотворного, так как я проспала до следующего вечера.

Первое, что я увидела, выйдя на балкон – Глеба и Юлию. Она прислонилась к нему всем телом и поглаживала по плечу, не хватало только страстного поцелуя. Хорошо, что на мне был корсет, он помог устоять на ногах. Меня спас Виктор. Вообще, он удивлял меня в последние дни своим подчёркнутым вниманием. Он приходил ко мне, пока я лежала, всегда приносил что-нибудь вкусненькое, а представление меня Юлии просто поразило, ну, когда уже смогла думать на ужине. Подхватив меня под локоть, он произнёс коронную фразу из мексиканских сериалов:

– Катерина, пойдём в библиотеку, я хотел тебя кое о чём спросить.

И ведь действительно задавал массу различных вопросов о школьном образовании и медицинском обслуживании в России. Наконец, я не выдержала и спросила:

– Зачем мнение простого обывателя, ведь есть масса источников, официальных и не очень?

Виктор таинственно улыбнулся и опять ответил странными словами:

– Пути господни неисповедимы. Я хочу доказать Глебу, что он прав.

Ну вот, опять! Что же я ему наговорила, если он остался так доволен? Тем более, что соображала плохо после увиденной сцены на балконе.

На ужин идти я не хотела категорически, никакие уговоры Самуила не помогали. Но пришёл Олег, без всяких объяснений взял меня на руки и просто отнёс в столовую. Сопротивляться я не стала, если бы это был кто-то другой, может и попыталась бы, но уже поняла – если Олег что-то делает, то за этим стоит указание Глеба.

Когда Олег внёс меня в столовую, Юлия встретила нас ласковой улыбкой и воскликнула:

– Катенька, зачем же ты себя беспокоишь, можешь спокойно лежать, ведь ты так болеешь! Мы здесь…

Но она не успела договорить: Виктор подошёл к Олегу и попросил посадить меня рядом с ним, так как мы вчера не всё обсудили о дошкольном образовании в России. Я не видела глаза Глеба, но Олег посадил меня на обычное место. Почему-то очень довольный Виктор сказал:

– Ну, хорошо… поговорим завтра.

Всё-таки женская логика очень эмоциональна. Вернее, у женщины просто отсутствует логика. Женщина заменяет логику своими домыслами, жестоко их переживает, а потом говорит на каждом углу – что мужчины никогда не поймут женщин. Я поняла эту истину во время ужина.

Как Глеб что-то мог понять, если я заявляю, что готова сдержать своё слово и умереть за тех девчонок в санатории, потом устраиваю почти сцену ревности, признаюсь в любви прилюдно, закатываю истерику на весь дом, и так далее, и тому подобное. Притом, что было изначально известно, что он просто позволил мне ещё пожить некоторое время в каких-то своих интересах и я на самом деле для него только кусок мяса и сколько-то там литров крови. Думая эту мысль, я не очень обращала внимание на разговоры за столом. Конечно, я не сразу смогла её думать. Некоторое время я смотрела на Юлию, которая почему-то сидела не рядом с Глебом, а напротив, рядом с Андреем. Он ухаживал за ней, что-то напевал в ушко, а она слегка гримасничала и кокетливо смотрела на Глеба.

Юлия для них тоже шницель, только свежий. В отличие от меня. За последние дни после похищения я потеряла ощущение реальности, расслабилась и чувствовала себя со всеми очень свободно и даже уютно, особенно с Самуилом и Виктором. Ледышка в душе, почти растаявшая, опять зашевелилась.

Глеб, что-то обсуждавший с Виктором, неожиданно обернулся ко мне и спросил:

– Тебе плохо?

– Нет, всё хорошо. Просто я немного устала.

Я физически не могла находиться с ними за столом. Со всеми. Даже с Самуилом. Слёзы готовы были брызнуть из моих глаз в любой момент, я их еле сдерживала, высоко подняв голову. Олег заметил моё состояние и сразу подошёл ко мне. Выйдя из-за стола в абсолютной тишине, я сказала:

– Нет, Олег, я пойду сама, мне нужно прогуляться. Всем доброй ночи.

Он, конечно, пошёл за мной, но на некотором расстоянии.

Выйдя на балкон, я долго стояла и смотрела на закат. Оледенение в душе осушило слёзы, стало спокойно и пусто. Голос Глеба вывел меня из этой пустоты:

– Что случилось?

– Ничего. Глеб, ты действительно, можешь больше не волноваться – истерик не будет. Я сейчас пойду спать. Посмотрю на закат и пойду. Я надеюсь скоро уже прийти в себя и больше не доставлять вам никаких хлопот. Олег, проводи меня, пожалуйста.

Появления Юлии никто не ожидал.

– Глеб, дорогой, мы уже все идём спать. Ты с нами? Какой закат бесподобный, я буду стоять с вами и любоваться.

Олег усмехнулся и церемонно подал мне руку. Мне ничего не оставалось делать, как пойти с ним, хотя теперь я бы с удовольствием посмотрела продолжение сцены с закатом.

На следующее утро Самуил придумал мне лечение рёбер, требующее постельного режима. Я лежала вся обмотанная какими-то широкими бинтами, и, отговорившись больной головой, уходила от разговоров. Самуилу это категорически не нравилось:

– Катенька, почему ты не хочешь выздоравливать?

– Хочу. Скоро вам уже не придётся носиться вокруг меня. Я буду полностью самостоятельна. Буду гулять на балкончике и любоваться морем и закатами.

– Мне не нравятся твои грустные мысли.

– Ты знаешь мои мысли?

– Я их вижу по кардиограмме.

Далось им моё сердцебиение.

– Самуил, я уже взрослая девочка и могу сама решать проблемы своего нервного устройства.

– Бог мой, этого я и боюсь! Насочиняешь себе ужасов и будешь страдать.

– Ужасы я уже видела, сочинять нет необходимости.

Он сразу замолчал и как-то съёжился, не ожидал видимо такого оборота. С ним я никогда не говорила о том, что произошло в санатории. Я была как бы простым пациентом, хотя была уверена, что он в курсе – откуда я появилась. Собравшись с духом, он сказал:

– Не волнуйся, девочка… всё будет хорошо.

Больше мы не возвращались к этому разговору. Самуил распеленал меня только после того, как ушёл Олег, присланный пригласить меня на ужин. Вздохнул несколько раз, пожелал доброй ночи и ушёл.

Ночью мне приснился кошмар: я бегала вся в крови по какому-то дому, который оказался гимнастическим залом, и кричала, кто-то в темноте пытался меня поймать, но я убегала в страхе. Волна холодной воды привела меня в чувство. Вся ещё в плену кошмара, я пыталась куда-то бежать, но сильные руки обняли меня и удерживали, пока я окончательно не проснулась. Это оказался Глеб. Наконец, он спросил меня:

– От кого ты убегала?

– Наверное… от себя.

Тут прибежал Самуил, стал хлопотать вокруг меня, и Глебу пришлось уйти. Даже напичканная снотворным, я ещё долго не могла уснуть, вспоминая кошмар и объятия Глеба.

Мои мрачные мысли не отпускали меня и на следующий день. Я оказалась не готова к своему чувству. Несмотря на увеличивающийся ком льда, в моей душе всё больше распространялось чувство любви к Глебу. Оно росло, ширилось, отодвигало лёд, хотя растопить его не могло. Видимо, мне суждено умереть не в интригах Глеба, а от разрыва сердца, которое организуют кусок льда и любовь. Вот будет разочарование для всех.

Утром я решила, что мне давно пора стать здоровой и не давать повода заботиться о себе. Эта забота мешала ощущать реальность положения. Когда пришёл Самуил, так и заявила ему – всё, постельный режим отменяется, ухаживания за больной тоже, и я иду обсуждать с Виктором проблемы дошкольного образования в России. Самуил потерял дар речи и так и остался стоять у двери в палату.

Для начала надо было найти приличную одежду, а не этот балахон, в котором я ходила в последнее время. Хотя бы какие-нибудь джинсы и рубашку. Где же Олег? Он всегда всё знает. Но его не было нигде, как и Глеба, что было странно, они никогда не исчезали вместе. И застыла на полушаге – акция. Как тогда в санатории. Ноги отказали сразу, и я медленно опустилась на пол. Вот к чему сон, всё рухнуло в миг. Все мои размышления о чувствах были пустым сотрясением воздуха – всё значительно проще. Я же не знала, куда исчезал Глеб и остальные. Жила себе в мелких душевных разборках и купалась в бассейне. Правильно – встала с кровати, и сразу развеялся морок.

Их не было и на ужине, к счастью Юлии тоже. Мы с Виктором таки обсудили ситуацию с дошкольным образованием, но все были какие-то напряжённые. Андрей пытался играть, но выходило что-то уж очень грозное, и он просто ушёл. Самуил сидел молчаливый и грустный, даже не ругал меня за нарушение постельного режима.

Ночью я опять кричала, на этот раз первым был Виктор. Он тоже окатил меня водой, и долго тряс за плечи. Я даже не сразу вспомнила сон, такой меня ужас охватил. Но когда фрагменты стали складываться в картину, зашептала сиплым от спазма голосом:

– Они его убьют… за дверью кто-то стоит… там статуя шевелится… у статуи что-то в руке сверкает.

Виктор исчез мгновенно, он просто испарился. Прибежал Самуил и, даже не спрашивая, что случилось, взял шприц в руки.

– Нет, Самуил, нельзя снотворное.

Я не знала, почему нельзя – нельзя и всё. Вдруг в палату вбежал Андрей с каким-то предметом в руках, крикнул:

– Они здесь! Самуил зеркала!

И тут же исчез. Самуил удивительно быстро соорудил из ширм подобие стены и толкнул меня туда, шёпотом спросил:

– Где твоё зеркало?

– На столике.

Он разобрал зеркало на составные части, назначение которых я не понимала, пока он не приложил зеркальную часть к моей груди в области сердца, закрепив её вытянутой из ручки, скрученной в сложную вязь проволокой, а на запястья одел два браслета из ободка зеркала. То же самое он проделал и с собой, достав из внутреннего кармана пиджака зеркало, только потом объяснил:

– Теперь никто не услышит биения твоего сердца.

За стенами палаты слышались странные, похожие на свист звуки, звон разбитого стекла, глухие удары, иногда сильный грохот. Самуил низко опустил голову, несколько раз вздохнул и зашептал:

– Катенька, я должен попросить тебя об услуге… даже не знаю, как тебе это сказать…

– Очень быстро, Самуил, а то китайская стена может рухнуть, и ты просто не успеешь… меня могут убить…

И вспомнила слова Глеба:

– …или обратить.

Он побледнел так сильно, что стали видны прожилки на висках. Схватив его за руку, я потребовала:

– Самуил, обещай мне, что ты этого не позволишь.

– Мне нужна твоя кровь… много, сколько сможешь.

– Начинай и бери сколько нужно.

Переползая по полу от шкафа к шкафу, он нашёл всё необходимое. Под грохот битвы за стенами Самуил переливал мою кровь в какие-то пакетики разных форм и цветов. Я не спросила, зачем она ему – нужна и нужна, у меня её много.

– Всё, хватит. Для тебя опасно потерять столько крови.

Уже почти теряя сознание, я сказала:

– Я могу потерять её всю… бери ещё. Придет Олег, накормит меня тортиками и всё восстановится…

5

В абсолютной пустоте появилась точка и стала быстро расширяться, потом она беззвучно взорвалась множеством разноцветных искр. Они метались в пространстве сначала хаотично, затем сложились в единое круговое движение и снова собрались в точку. Это повторялось многократно: точка и искры, искры и точка. А кто же я – точка или искра? Невероятное ощущение полета в нигде: ты знаешь, что летишь, но движения не ощущаешь. Значит – я искра.

– Самуил, сделай что-нибудь.

Я не поняла, кто это сказал, но прокричала:

– Только не укол…

– Она что-то прошептала, ты слышал?

– Глеб, всё хорошо, это просто лёгкий бред, он сейчас пройдёт. Дай мне пару часов.

– И пару тортиков.

– Тортиков?

Открыв один глаз, потом второй я увидела всю компанию. Они стояли вокруг стола, на котором я лежала, и почему-то держали меня за разные части тела: кто за ноги, кто за руки, рука Глеба лежала на моей груди. Первым облегчённо улыбнулся Андрей, потом все остальные, только Глеб не улыбался.

– Девочка моя, сейчас Олег принесёт тебе и тортиков и чай заварит, всё что захочешь.

Самуил светился как светлячок среди гигантов, так как был значительно ниже всех ростом.

– Всё мальчики, теперь оставьте выздоравливающую, у нас много дел. Глеб, все уходите, мы с Катенькой будем пить чай в тишине и радоваться жизни. Про ваши подвиги я сам расскажу, а то вы слишком себя будете расхваливать, знаю я вас.

В двери уже стоял Олег с подносом – на нём стоял многослойный торт и большая кружка чая. Жизнь началась снова.

Самуил действительно рассказал мне, правда, очень коротко, без особых подробностей, что произошло. На Глеба действительно напали именно там, где я указала по видениям сна, но уже предупреждённый он «наказал всех», так сказал Самуил. Я решила не уточнять – как и кого он наказал. А к нам пожаловали наёмники, которых наняли люди.

– Люди нанимают ваших как наёмников?

Моему изумлению не было предела. Почему-то улыбнувшись, он ответил:

– Всякую шушеру за большие деньги. Они знали, что Глеба с Олегом здесь нет, и решили, что спокойно смогут убрать всех. Андрея с Виктором они не приняли в расчет… а зря, очень зря.

– Почему зря?

Приподняв на подушках, Самуил кормил меня из маленькой ложечки кусочками торта и через соломинку давал запить чаем.

– Андрей по реакциям практически не уступает Глебу, а Виктор по силе не уступает Олегу. Моя работа.

И вдруг понял, что проговорился. Я ничего не сказала, но вопрос повис в воздухе. Самуил повёл губами, вздохнул и признался:

– Я генетик и гематолог, стоматология – хобби. Гематолог, это…

– Я знаю кто такой гематолог. Тебе для этого нужна была моя кровь?

– И для этого тоже.

– А ещё для чего?

– Глеб убьёт меня, если узнает, что я тебе сказал.

– Не убьёт.

В дверях стоял Глеб с браслетом в руках, это был тот самый – с изумрудами.

– Твоя кровь может мне помочь.

– Тебе? Моя кровь?

– Это очень сложно Катенька, когда-нибудь я тебе всё расскажу…

Самуил как-то засуетился, стараясь выйти из положения.

– Позже я расскажу сам.

Глеб остановил Самуила, подошёл ко мне и надел браслет на руку.

– Он твой. Старайся его не снимать, он не даст возможности прослушать твоё сердце. Это посильнее зеркал Самуила.

Я решила пока не спрашивать, какая женщина носила этот браслет, но задала другой вопрос, который волновал меня с того момента, как пришла в себя:

– Почему вы все так стояли возле меня?

– Они делились с тобой энергией, чтобы ты быстрее пришла в себя.

Видимо, Самуил решил уже от меня ничего не таить, раз сам Глеб обещал мне когда-нибудь что-нибудь рассказать. Я вся похолодела, вспомнив Анну:

– Это после всех разборок, а если…

– Ты была без сознания больше двух суток, и мы решили тебе немного помочь. Ты потеряла слишком много крови, а мы все уже восстановились.

Как восстановились, я тоже не стала спрашивать. Улыбнувшись, Глеб спросил:

– Торт помог?

– Да. Женщина и сладкое – две нераздельные субстанции.

– Самуил, сколько понадобится времени на полное восстановление?

– Пару дней и пару тортов.

Самуил уже пришёл в себя, раз мог шутить.

– Хорошо. Из этого времени и будем исходить. Отдыхай, Катя.

Я ещё долго думала о том, куда и зачем мы будем исходить через два дня, и о том, что он первый раз так меня назвал – обычно Катерина или никак.

Два дня я пила всякие гадости, которыми меня пичкал Самуил, ела и спала. Глеб приходил и садился в кресло в углу комнаты, почти всё время молчал, очень редко участвуя в общих разговорах. Андрей, Виктор и Олег приходили по очереди, брали меня за руку, и я крепла с каждой минутой, как будто силы действительно вливались в меня через их пальцы. Вечером первого дня Самуил вышел куда-то, и Глеб подошёл ко мне.

– Теперь моя очередь.

И положил ладонь мне на солнечное сплетение, не дав возможности даже удивиться. Удар был такой силы, что я задохнулась, и какое-то время не могла дышать. По моим венам пронёсся огненный вихрь и взорвался где-то в голове. Потом всё затихло, и я почувствовала прилив силы, исходящей уже из меня, из моих клеток.

– Глеб, ты не поторопился?

Оказалось, что Самуил вернулся и стоял бледный как тогда – во время нападения.

Глеб ответил каким-то бесцветным голосом:

– Всё получилось… Катя почувствовала.

А потом медленно добавил:

– И я тоже.

Самуил почему-то очень удивлённо переспросил:

– Ты почувствовал?

– Да.

Это «да» прозвучало совершенно безнадёжно. Мне естественно никто ничего не собирался объяснять. Самуил лихорадочно стал кому-то звонить и долго говорил сначала на английском, а потом на итальянском языке. Глеб сел в кресло и замер как статуя. Догадавшись, что спрашивать бесполезно, я уснула.

На следующий день всё повторилось. Только удар от прикосновения Глеба был ещё сильнее, и огненный вихрь метался по венам дольше и хаотичнее, он проникал во все мельчайшие сосуды моего организма и встряхивал их как ниточки. А потом просто утих, будто испарился. Я осталась лежать как оболочка, казалось, вихрь унёс с собой всё, что возмутил в моём организме. Наверное, так себя чувствует муха, из которой паук высасывает переработанное его ядом нутро. А мой паук стоял рядом, на его лице даже появился лёгкий румянец и глаза сверкали ярким, удивительно синим цветом.

– Получилось.

Самуил повторил это слово несколько раз и погладил меня по руке. Прикосновение я почувствовала, как сквозь ткань, словно моя рука была в перчатке. А зачем ему, собственно, пить мою кровь, если можно вот так – прикоснулся и всё… жизни нет? Я закрыла глаза и решила ни о чём не думать. Пока.

Но прошло какое-то время, совсем недолго, и мне стало лучше, даже захотелось чего-нибудь поесть. Рядом со мной уже сидел Олег, и я попросила его помочь мне встать. Однако он неожиданно для меня сказал:

– Попробуй сама.

От удивления я привстала на кровати и поняла, что двигаюсь легко, даже голова не кружится. Олег надел мне на руку браслет, который Глеб снял, прежде чем коснуться меня.

– Всё действительно получилось. Теперь не снимай браслет никогда, даже в ванне. Никогда.

– Олег, ты здесь один нормальный, можно мне что-то поесть, иначе я умру не только от информационного, но и от физического голода. Мало того, что никто ничего не объясняет, так ещё и не кормят. Учти, что в моём преклонном возрасте совершенно нельзя голодать, всякие диеты противопоказаны. Вдруг похудею, вся красота пропадёт. И ещё бы переодеться во что-нибудь, а то я устала от всяких халатов больничных.

Олег, улыбаясь, смотрел на меня, но было понятно, что думает он совсем о другом.

Все эти дни я лежала в небольшой комнате, очень похожей на палату и не знала, где эта палата находится. Интересно, сколько у Глеба дворцов? Может он современный Монте-Кристо и где-то в море стоит остров, заполненный сокровищами?

Это был Версаль, хотя говорят, что Версаль меньше Зимнего дворца, но всё-таки комнат в нём много. Я переходила из комнаты в комнату и поражалась красоте и изяществу, какой-то воздушности во всём. Окна были высокие, укрытые наполовину светлыми шторами, иногда с витражами из цветного стекла. Вся мебель очень светлая, с тонкой резьбой и позолотой. Даже на картинах, иногда занимавших почти всю стену, изображены только весёлые сцены, чаще всего с эротическим намеком. Версаль одним словом – весёлый и полный любви. Однако, решив выглянуть из окна, я обнаружила, что стекло бронированное и имеет зеркальное отражение. Что было за окном, я так и не смогла рассмотреть: в стекле виднелось только собственное отражение. Так меня и обнаружил Глеб, внимательно рассматривающую себя в окне.

– С таким стеклом невозможно рассмотреть никого в здании.

– А из здания хоть что-нибудь где-нибудь можно увидеть, может из бойницы какой?

– Мы видим, а тебе я покажу на мониторе. Ты ела?

– Да, Олег водил меня в то, что называется столовая, с золотыми колоннами. Глеб, ты тайный олигарх?

– Нет, не тайный и не олигарх. У вас есть люди значительно богаче меня. А этот дворец я купил в совершенно разрушенном состоянии и восстановил. Были найдены гравюры почти всех комнат. У которых не обнаружили, создавали по подобию.

А я ремонт в своей квартирке всё собиралась сделать, всё денег не хватало. Теперь вот по дворцам разгуливаю, как у себя дома.

Глеб так и стоял рядом, разглядывая меня в отражении. Я встретилась с ним взглядом и чего-то испугалась, сама не понимаю – чего. Его глаза уже не были такими холодными как раньше, по крайней мере, мне так казалось, но в них появилась какая-то безнадёжность. Как у Самуила, когда он думает, что его никто не видит. И меня опять охватило страшное желание обнять его, как тогда. Но единственное, на что я решилась, это слегка коснуться его руки, лежащей на подоконнике. Глеб вдруг порывисто обнял меня и сильно прижал к себе. Мои рёбра тут же вспомнили, что их когда-то помяли, и я непроизвольно охнула.

– Прости, я сделал тебе больно.

Он тут же отодвинулся от меня, практически отлетел.

– Прости.

Глеб повернулся, чтобы уйти. Но не могла я его так отпустить! Один раз в жизни решилась сама проявить инициативу и вот рёбра помешали. И я сказала совсем не то, что собиралась:

– Не уходи. Я одна совсем запутаюсь в этих комнатах. И ты обещал показать мне виды на мониторах.

Он как-то грустно улыбнулся и взял меня за руку.

– Тебе как, длинным или коротким путем?

– Длинным.

Я шла рядом с ним, делала вид, что слушаю его объяснения, и думала о том, что на самом деле всё просто. Надо лишь позволить себе. Не задумываться о разных «нельзя», которыми нас пичкают с рождения, если послушать, как разговаривают взрослые, бедному ребёнку «нельзя» ничего. И это «нельзя» преследует нас всю оставшуюся жизнь: «нельзя» дома, в садике, в школе. На работе «нельзя» ещё больше. А некоторые, как я, рождаются с этим «нельзя». Уже все говорят, что можно, но ведь это «нельзя» у меня внутри и оно решает всё. Я не знаю, насколько у меня хватит этого решения, и когда это «нельзя» опять возьмёт верх надо мной – может быть на день, может дольше, может до конца коридора.

Всё встало на свои места в зеркальном зале. Зеркала были везде: на стенах, потолке, межоконных проемах, даже как вставки на полу. Одни были простыми как вставки, круглыми и овальными, другие – отделанными воздушной золотой вязью, стояли на изящных ножках или вставлены в стену. И удивительным образом отражали неизвестно как поступающий в зал свет и свет, отражающийся от других зеркал.

А потом я увидела себя рядом с Глебом. Мы в обычной жизни не очень обращаем внимания на свою внешность, занимаемся разными делами и просто знаем, что мы есть. Осознание своей внешности наступает в сравнении с кем-нибудь. Я взрослая женщина и давно знаю, как выгляжу, но я никогда ещё не видела себя рядом с Глебом в полный рост. Он рассказывал о каком-то итальянском зеркальщике, который восстановил технологию создания неаполитанских зеркал в средние века, а я смотрела на его отражение в большом зеркале, стоявшем рядом со мной, и ничего не слышала. Глеб был одет в джинсы и такую же рубашку и этот наряд только подчёркивал его мужскую красоту. Очень высокий и широкоплечий, он был сложен совершенно пропорционально, практически по золотому сечению Да Винчи. К этому добавить лицо с правильными чертами, властным подбородком и глазами цвета льда, обрамленное густой шевелюрой тёмных волос. Красивый мужчина лет тридцати пяти, может чуть старше.

Зачем он повёл меня в этот зеркальный зал? Я, наверное, дольше бы оставалась в иллюзии о возможности каких-то наших отношений. А сейчас я стояла перед этим зеркалом и понимала – этого не может быть, потому что быть не может никогда. Всё-таки до этого дня я даже в своих самых смелых мечтаниях никогда не представляла нас вместе. То, что увидела сейчас, не то чтобы повергло меня в шок, но очередной раз вернуло в реальность. Даже то, что он совсем недавно обнимал меня в каком-то странном порыве, сейчас выглядело как шутка или кадр из фильма. Итак, только литры крови, или что там ещё из меня достали после удара.

И опять он почувствовал моё состояние, взял за плечи и повернул лицом к себе:

– Что-то случилось?

– Нет… всё хорошо. Пойдём отсюда, здесь красиво, но я хочу посмотреть, что за пределами дворца.

Я пыталась сохранить твердый голос, но он предательски дрожал. Глеб поднял моё лицо ладонями и долго смотрел в глаза, до тех пор, пока из них не полились слёзы.

– Катя, это только оболочка, самое страшное внутри. Ты не можешь себе даже представить, что ты значишь для меня с первой минуты нашей встречи.

Всхлипывая, я прошептала:

– Не могу…

– Я должен тебе многое рассказать.

Он подхватил меня на руки и куда-то пошёл. Я уже привыкла к тому, что мой вес для них ничего не значит, судя по тому, как меня переносил в пространстве Олег. Но Глеб нёс меня

как тонкий хрусталь, который может разбиться от дуновения ветра. И он не проносился как вихрь, а шёл спокойным шагом из комнаты в комнату, как будто оттягивал момент разговора. Я положила голову ему на грудь и не услышала биения сердца. Самое страшное – внутри.

Мы сидели в небольшом кабинете с одним окном, но здесь вся мебель была массивной и какой-то очень благородной. Наверное, раньше принадлежала богатому аристократу. Глеб налил мне стакан воды, сел напротив и предупредил:

– Если ты устанешь или не захочешь слушать, останови меня.

Я только кивнула головой, наконец-то мне хоть что-нибудь объяснят. Усмехнувшись, он начал свой рассказ:

– В начале веков человечество поразил мор. Тогда, естественно, никто не занимался вирусологией, но люди заметили, что, если выпить свежую кровь животного, можно выздороветь. Но только совсем свежую, когда животное ещё живое. Часть людей выжила, но в них сохранился вирус. У них не появился иммунитет, просто вирус ослабевал от компонентов крови. С течением времени климат на земле менялся, люди переходили в другие места и рассеялись на большом пространстве. И вирус начал мутировать. Неожиданно стали рождаться дети с врождёнными патологиями тела – длинными ногами или руками, большой головой и повышенной агрессией. Будучи крупнее своих сверстников, соответственно сильнее физически, они могли убить любого. Обычай выпить крови своего врага остался почти у всех народов после большого мора и сыграл свою трагическую роль. Получая время от времени свежую, уже человеческую кровь, вирус адаптировался к ней и у некоторых людей – вождей племён, например, которые больше всех получали свежей человеческой крови – стали рождаться дети с ещё большей агрессией. Появился обычай съедать уже части тел врагов, сердце и печень. Вирус получил строительный материал и начал экспериментировать. До сих пор находят множество останков, в основном детей, с такими патологиями тела, что не каждый специалист может определить в них человека. Это продолжалось столетиями. Даже когда появились государства и обычай поедать части тела врага исчез, не считая всяких аборигенов-каннибалов, мутации продолжались. И в некоторых государствах родители были вынуждены убивать своих младенцев, чтобы не растить монстров.

– Спарта, у них был такой обычай.

– Да, Спарта. Она видимо располагалась в благоприятном для вируса месте, так как именно там было много мутаций и повышенная агрессивность. Но мутации происходили везде, так как человечество расширяло ареал своего обитания, и гены смешивались.

– Александр Македонский и татаро – монголы.

– Да. Ещё римляне и викинги, племена Центральной Америки.

– А у аборигенов-каннибалов, если я правильно поняла, не было мутаций?

– Они готовили своих собратьев на костре, варёная кровь не страшна. Ты же ешь варёное мясо.

Лёгкая ирония в голосе и едва заметная улыбка на губах.

– Викинги, завоеватели и мореходы, в чести сила и жестокость, но они очень быстро сошли со сцены. Почему?

– У них упала рождаемость. Перестали рождаться дети, и они вынуждены были ассимилироваться с другими народами, у которых вирус отсутствовал. От викингов генетически почти не осталось ничего, и соответственно от агрессии, кроме названия государств и территории. То же самое произошло со всеми наиболее агрессивными народами. Что осталось от римлян, викингов, монголов? Дело не только в ассимиляции с побеждёнными народами, у них не стало генетического продолжения, и естественно, стало меньше людей с вирусом. Чем выше процент вируса в крови, тем выше агрессия и тем меньше вероятность продолжения рода. А потом пришла чума. Она практически на треть уничтожила население мира и добавила силу вирусу. До сих пор неизвестно, почему наиболее поражённые вирусом люди выживали, заболев чумой,

Самуил это подтвердил неоднократно. Мало того, у людей с вирусом, переболевших чумой и оставшихся в живых, в основном это были женщины, появились новые способности. Они стали более тонко чувствовать эмоции других людей, видеть поражения человеческого организма и лечить кровью.

– И их сжигали на кострах. Охота на ведьм.

Он кивнул головой, закуривая сигарету. Моя, забытая, прогорела до фильтра.

– А в России этого же не было!

– Почему не было? Только там больше были поражены мужчины, и они успевали погибнуть в различных войнах, прежде чем успевали передать вирус своим детям. Кстати, в ваших былинах сохранились имена людей с наибольшим процентом содержания вируса в крови.

– Неужели Илья Муромец?

– И ещё Алёша Попович, Добрыня Никитич, и, конечно же – Пётр Первый.

Всё сходилось. Мы же не знаем, какие на самом деле были способности у Ильи Муромца. Судя по былинам, как я их помнила, он не очень отличался от моего собеседника. Да и Пётр Первый тоже, говорят, немало голов сам оторвал, а не только бороды, а его фигура – длинное тело и короткие ноги – чистый образец мутации. Слухов ходило тогда, судя по воспоминаниям современников, великое множество, кто знает, может быть, они и были правдой. Да и кровопийцей, всего скорее, его называли не только за жестокость. Глеб продолжил:

– Ну а то, что Иван Грозный изменился после того как выпил крови сына одного из казанских ханов, ты, наверное, знаешь.

– Я думала, что это просто миф.

– У Грозного не было вируса, он его получил от мальчика. Когда человек получает вирус во взрослом состоянии, могут произойти непредсказуемые изменения организма, иногда человек погибает. Иван Грозный практически сошёл с ума.

– Поэтому ты не хотел, чтобы меня обратили, то есть, чтобы я получила вирус?

– И поэтому тоже.

– А ещё почему?

Он так долго молчал, что я решила, что он уже не ответит мне на вопрос и просто исчезнет. Но он заговорил:

– Давай по порядку… так тебе легче будет понять. Чума уничтожила много людей, потом была инквизиция, которая тоже убирала тех, кто хоть чем-то отличался от общей массы. Носителей вируса становилось всё меньше. Но выжившие уже понимали, что именно человеческая кровь может их спасти. И они полностью отказались от человеческой пищи, благо исторический период был таков, что исчезновение людей не замечали, и стали питаться только кровью… кровью людей. Смесь вируса, чумы, резко увеличившегося за короткий период генетического разнообразия и привела к созданию… нас.

Глеб замолчал. Вопросы, которые появлялись у меня по ходу рассказа, мгновенно испарились, когда я увидела его глаза. Он смотрел на меня с какой-то смесью тоски и надежды.

В комнату постучали.

– Входи, Олег.

– К нам гости. Главы двух кланов, они знают.

Глеб посмотрел на меня и глаза уже были стального цвета.

– Катя, Олег тебя проводит в твою комнату.

Моей комнатой оказался бронированный сейф с удобствами. Там меня встретил Виктор, широким жестом пригласил присесть на диван и обрадовал:

– Вот теперь мы можем вдоволь наговориться о внутренней политике в России.

– О нет, можно о чём-нибудь другом, я в этой политике прожила всю сознательную жизнь и меня от неё уже тошнит.

– Хорошо. О чём?

– Кто для тебя Глеб?

– Лучше о внутренней политике.

Но я молча смотрела на него, давая понять, что тогда он будет говорить один.

– Он меня спас, когда от меня уже мало что осталось, и отбил от всех кланов. Теперь я свободен, поэтому я с ним.

Коротко и ясно. Подробности можно не спрашивать.

– А Самуил, он же человек?

Виктор опустился радом со мной на диван и взял за руку.

– Он спас нас всех когда-то от чего-то. Поэтому мы за него убьём кого угодно, и умрём за него. И за тебя.

Вот это уже лишнее. А почему за меня? Вопрос стоял в моих глазах, но Виктор сделал вид, что его не заметил, несмотря на размеры вопроса. И я решила подойти с другой стороны:

– Виктор, кланы – это ваши объединения? Или семьи как в итальянской мафии?

– Ни то и ни другое. Это временные союзы по интересам и возможностям.

– По возможностям?

– У нас разные физические возможности. Но кланы объединяют не всех. Мы не входим ни в один клан.

– Эти главы кланов, они как вожди?

– Что-то вроде этого, хотя всё значительно сложнее.

– В общем – как у нас политические партии. Там тоже всё сложно.

Виктор рассмеялся и подал мне сигарету взамен опять погасшей.

– Ты схватываешь на лету.

– В какой-то книжке я читала, что вы бессмертны. Это правда?

– Мы действительно можем прожить значительно дольше, чем человек, но не тысячи лет, так, пару-тройку сотен. Только не спрашивай, сколько мне лет – не скажу.

И опять засмеявшись, добавил:

– Ты среди нас самая молоденькая.

А вот это мне понравилось, приятно чувствовать себя юной девушкой в преклонном возрасте, особенно, когда это говорит красавец-мужчина.

– Катя, я всё думаю… почему ты тогда в санатории сразу поняла – кто мы? Ведь такое представление могли устроить и люди, бандиты какие-нибудь?

– Булава Любочки. У неё не получался бросок, и она очень переживала, так как не успевала сделать движение, пока летит булава. Поэтому тогда я следила за булавой и вдруг она просто исчезла у потолка и оказалась в руках… ну и началось. Такое человек сделать просто не мог физически. А всё сложилось по дороге на переговоры, когда я увидела мальчиков из охраны. Я, конечно, не специалист, но представить, что их так быстро всех поубивали без единого выстрела, а они даже не успели оказать сопротивление, было сложно. Обычные бандиты просто расстреляли бы всех.

– Кстати, они живы, их просто вырубили по дороге.

Немного успокоившись от радостной новости, я спросила:

– Значит, Глеб не убил никого, это была просто акция устрашения?

– Только тебя похитил. Кстати, ты поражала нас всех своим спокойствием в совершенно неясной для тебя ситуации, и мы с Андреем получали истинное удовольствие от встреч с тобой. Такое бывает не часто. Особенно когда ты дала отпор Анне.

Вспомнив Анну, он помрачнел. Я, наконец, решилась спросить у него то, в чём сама уже не сомневалась:

– Она любила Глеба?

Виктор долго молчал, прежде чем ответить:

– Глеб тебе расскажет, если захочет, историю Анны.

– Как она?

– Все уже закончилось.

– Она уже умерла?

– Всё происходит быстро. От первых признаков проходит лишь несколько недель. Организм выключает все функции.

Наши пикировки показались такой мелочью, что мне даже стало стыдно за своё поведение на ужинах.

– Если бы не было истории с моим похищением, она бы осталась жива.

– Дней десять, возможно пару недель. Самуил сказал, что процесс уже был запущен. Не думай об этом, она не могла поступить иначе. Ты же бросилась на защиту девочек-гимнасток. Ведь Анна понимала – ты нужна Глебу.

Да что же во мне такого? Ну, вытянул тогда Глеб из меня какую-то энергию, но ведь они могут сделать это с любым человеком. А может не с любым? Вот что от меня нужно Глебу! Вот что получилось! Видимо, удар по голове что-то во мне открыл, и он теперь может забирать мою энергию, а потом кормить тортиками. Но ведь и других можно иногда бить по голове? Что-то не вяжется.

– Меня всегда пугает, когда женщина так задумывается.

Я подняла глаза на Виктора, но сказать ничего не успела – вошёл Глеб.

– Виктор, свободен. Олег тебе всё объяснит.

Как только Виктор ушёл, Глеб сел рядом со мной.

– Мне нужно уехать на несколько дней. С тобой остаются Виктор и Андрей, и ты всегда можешь позвать Самуила. Но не выходи из дома и не снимай браслет. Внешняя охрана не должна тебя видеть.

Он говорил это мне тем же тоном, как и Виктору. Всё просто, очень просто – хрустальный сосуд с энергией надо сохранять. Ну что ж, будем себя беречь. По крайней мере, можно не переживать, что зажуют на обед. И вдруг Глеб задал вопрос уже другим голосом, с лёгкой тревогой:

– Что тебе наговорил Виктор?

– Я пытала его всякими способами, но он устоял. Мы просто болтали.

Глеб мне не поверил.

– Я приеду, и мы продолжим наш разговор.

Он взял меня на руки и слегка прижал к себе.

– Не придумывай себе ничего. Я отвечу на все твои вопросы.

А голову, значит, я на это время выключу, только бы кнопку найти. Боюсь, её просто нет. Глеб отнёс меня совсем недалеко, всего через несколько комнат. Видимо, чтобы, если что – бежать было ближе.

Когда он ушёл, не сказав больше ни слова и не обернувшись, я улеглась на кровать и стала думать – всё равно кнопки нет. Но спокойно думать не получалось. За сегодняшний день столько произошло, что мои эмоции не давали возможности на чём-нибудь сосредоточиться. Они бушевали во мне так сильно, что я вынуждена была встать, и стала ходить по комнате.

Наверное, в моей прошлой жизни так не хватало чувства защищённости, как бы странно это не звучало в данной ситуации, что объятия Глеба казались мне самым безопасным местом на земле. Сейчас, сама перед собой, я в этом призналась. Дело даже не в моём чувстве к нему. Это было что-то другое, очень глубоко спрятанное в моей душе. В нашей обычной жизни стало нормой быть сильной – благо физической силы прилагать особо нигде не надо – всё решать и делать самой, даже тем, у кого были мужья. Мужчины могут нести тяжёлые сумки из магазина, что-нибудь поделать на даче, какую-нибудь мелочь отремонтировать в квартире, но нет с ними ощущения безопасности, потому что решать глобальные вопросы семьи приходиться женщинам. Хотя, может быть, это просто мне не повезло. И я сразу вспомнила тренера, как

он спрятался за спины девочек там, в гимнастическом зале, как только осознал, что опасность реальна. Атрофировалось в современных мужчинах чувство ответственности за женщину, старика, ребёнка. Наверное, сами женщины во многом виноваты в этом, взяв на себя решение всех проблем, глупышки эмансипированные. Но берут тогда, когда отдают, или вручают торжественно вместе с революцией. Именно здесь впервые я ощутила себя просто женщиной – слабой, капризной, глупой, наконец. И мне всё прощается, не важно, по каким причинам. Здесь я ничего не решаю, ни за что не отвечаю, а меня всё равно оберегают, холят и лелеют, а не упрекают во всех смертных грехах и не требуют какого-то действия. Видимо, понимание этого и помогло выглянуть откуда-то из океанских глубин души маленькой девочке, на которой нет брони, внутренней и внешней. Именно тогда, когда Глеб нёс меня на руках, эта девочка действительно ощутила себя хрустальной вазой, которую никогда не уронят, не бросят между делом, потому что нести тяжело. Я почему-то в это верю. Или хочу верить.

И вспомнила слова Анны, что я не только за девочек гимнасток согласна умереть. Действительно ли я готова отдать жизнь за Глеба? Вдруг это «получилось» потребует от меня всех жизненных сил? Я понимала, что, если его сейчас принесут умирающего от чего-то, я отдам всё, что во мне есть не задумываясь. А с холодной головой, где бы мне её остудить только, соглашусь ли я? Правда, кто моего согласия спрашивать-то будет.

Рассуждая так, я вдруг осознала: ведь больше всего боюсь именно этого – его принесут умирающего, а моих сил не хватит спасти. Я ведь даже представить себе не могу, какие опасности его подстерегают в этих отлучках. Раз он не входит ни в один клан, значит, противостоит всем кланам – это я знаю на собственном опыте. Человек всегда должен быть сосчитан. Состоишь где-нибудь кем-нибудь, и ты уже в кучке, которая тебя защитит от других кучек. Ну, ты, по крайней мере, так думаешь. Противостоять всем кучкам очень опасно, ведь они могут объединиться против тебя, хотя бы по тому, что ты такой наглый против всех пошёл. Чаще всего объединяются как раз против, а не за кого-то. Постулат – если ты не с нами, то против нас – работает везде.

Я больше догадывалась о возможностях Глеба, но из слов Самуила поняла, что он самый сильный и быстрый среди всех в этом доме, и, всего скорее, самый старший. А за пределами? Ведь даже сверхчеловек с уникальными возможностями может не устоять против толпы, тем более, если они все сверхчеловеки.

Наконец я успокоилась. Опять совершенно нелогично. Надумала всяких опасностей про Глеба и успокоилась. Видимо, маленькая девочка во мне решила – большие и сильные дяденьки сами разберутся со всеми опасностями и спасут меня. Когда тебя носят на руках, постоянно интересуются твоим здоровьем и кормят тортиками, то начинаешь ощущать себя центром вселенной. Мне пока непонятно, почему я превратилась в этот самый центр, но обещал же Глеб ответить на все вопросы. Один вопрос, значит, уже есть – почему я? Вот и надо об этом подумать, какие ещё вопросы задавать, вдруг действительно что-нибудь скажет. Но ничего больше не придумалось, и я понадеялась в очередной раз, что утро вечера мудренее.

А на следующий день Андрей с Виктором решили, что думать мне очень вредно для здоровья, их в частности, потому, что когда я думаю, то начинаю задавать вопросы, а отвечать на них им или запретил Глеб, или я пока это переварить не смогу. Меня развлекали по программе гостя королевской крови. Виктор торжественно провёл меня по комнатам дворца, при этом выдал столько информации и про бывших хозяев, и про реставрацию, и про назначение некоторых предметов, что в мою голову уже нельзя было положить ни одного слова.

После обеда Андрей повёл меня в аппаратную смотреть виды вокруг замка. Профессиональным шпионам, наверное, и было понятно, что проявилось на мониторе, но я никак не могла соединить кусочки леса, каких-то скал и моря в одну, пока он не показал мне панораму. С этого и надо было начинать! Видимо дворец стоял на одном из уступов скалы, так как с одной стороны было море, с другой – глухой лес с высоченными деревьями, а с третьей – голая

без трещин каменная стена. Даже если бы меня не охраняли как царицу Савскую, и я всё-таки решилась на побег, то или бы утонула, или упала со скалы, или потерялась в лесу. Но и напасть на нас тоже было невозможно. Не зря Глеб решил восстановить именно этот дворец.

Весь следующий день мной занимался Самуил. Он приехал рано утром, сразу разбудил меня, и начался очередной медицинский кошмар, который продлился весь день. Так как он привёз с собой много разной медицинской аппаратуры – а может быть она и была здесь – просвечивал, взвешивал, о, ужас, брал анализы, что-то в меня вливал и так далее и тому подобное. И опять к концу дня, я не то, что вопросы задавать – разговаривать не могла. Я решила, что это заговор.

6

Глеб вернулся вечером третьего дня. Мы сидели в столовой и слушали рассказы Самуила о разных медицинских казусах при выполнении косметических операций, явно он ими тоже занимался как хобби. Когда он не пытался что-то скрыть, как в случае со мной, то рассказчик оказался отменный. И, естественно, в большинстве случаев пострадавшими в этих ситуациях были женщины. Чего только они не хотели изменить в себе: про черты лица даже говорить не стоит, руки, ноги, естественно талия, но даже форму внутренних органов.

– Ты представляешь, Катенька, она хотела изменить себе форму желудка и сделать его как тюльпан!

– И ты сделал?

– Я убедил её, что форма в виде ореха кешью более модна в этом сезоне.

Андрей сидел лицом к двери и первым увидел Глеба, а потом и мы обернулись. Глеб держал в руках огромный букет васильков. Где он их взял в такое время года, да ещё в Италии – неизвестно. Он сказал, вручая мне букет:

– Добрый вечер. Это тебе, дорогая. Я вижу, вы весело проводите время.

В буре своих эмоций я не сразу поняла, как он меня назвал. Дорогая? Андрей с Виктором никак не отреагировали на это слово, а вот Самуил, так же как я, широко раскрыл глаза и как-то оцепенел. Видимо, это была чисто человеческая реакция.

– Всё хорошо, я встретился почти со всеми главами кланов. Катя, ты можешь не волноваться – на нас больше никто не нападёт.

По тому, как переглянулись Виктор и Андрей, это было что-то из серии очевидного, но невероятного. Интересно, Глеб это сказал только, чтобы я действительно не волновалась, или что-то случилось очень важное, или он обманывается. В последнее верится с трудом, значит, действительно что-то произошло. Чем же он заплатил за это спокойствие? Раз решился вопрос о моей безопасности, то меня он никому не отдаёт. Тогда – что?

Настроение у Глеба было тоже веселое, если можно так назвать редкие улыбки на его лице, когда я рассказывала о заговоре Андрея с Виктором против меня. О медицинских экзекуциях Самуила я решила не говорить, вдруг Самуил совершил их по собственной инициативе, хотя это сомнительно. Мне хотелось спросить, где Олег, но я почему-то не решалась, видимо меня уже отучили задавать лишние вопросы. Вот так и перевоспитаюсь – в другое время, в моей прошлой жизни я бы эти дни изводила себя и других своим беспокойством, а сейчас задавала бы массу вопросов по поводу и без повода. Самуил молчал, и это молчание начало меня тревожить, так как такого не было на моей памяти никогда. Он даже не смотрел на Глеба, наверное, понял, что стоит за его словами. Неожиданно Самуил встал и сказал ему:

– Нам нужно поговорить.

– Завтра, Самуил, завтра. Вот приедет Олег, и мы всё обсудим. А сейчас всем доброй ночи.

Глеб ушёл так стремительно, что мы не успели ничего сказать.

– Самуил, ведь ты знаешь, что произошло.

Я не спрашивала, а констатировала факт.

– Ты слышала – завтра он сам всё скажет.

Всю ночь мне казалось, что Глеб стоит у кровати и смотрит на меня, однажды даже было ощущение, что он коснулся моей щеки пальцами, но открывала глаза, и никого не было. Я смотрела на букет васильков и всё пыталась понять – что же случилось?

Утром я проснулась вся разбитая и долго не могла заставить себя встать с кровати. Лежала и думала о себе: о своём отношении к Глебу и всем, кто меня окружал эти дни, о маленькой девочке, которая пытается ожить во мне, пробираясь между любовью и куском льда. Лёд то подтаивал, то снова покрывался слоями каких-то обид и непонимания. Причем обиды я сочиняла сама, и это были те самые попытки всё решать самой, а значит опять взять на себя ответственность, и потом страдать от этого и мечтать о твёрдом плече. Да вот оно – плечо, опирайся. Я призналась себе, и не только себе, что люблю Глеба, готова умереть за него, и при этом постоянно его в чём-то подозреваю. Объявляю во всеуслышание, что в любви самое главное – это счастье любимого человека, а не своё, и тут же требую от него признаков внимания именно к себе, в которые сама же и не верю. Если я его люблю, значит должна принять любое его решение, если это ему нужно. И тут вспомнила Анну. Она любила Глеба, это я заметила почти сразу, презирала меня и не понимала, зачем я ему. И отдала свою жизнь только потому, что я ему была нужна.

За этими размышлениями я провела всё утро. Как сложно признаваться самой себе, что, прожив почти всю жизнь в твёрдой уверенности, что вся такая правильная, хотя бы в мыслях, думаю, оказывается на самом деле только о себе любимой. Значит так – любое слово Глеба радостно принимаю и делаю всё, что от меня зависит. Вот только бы скотч не забыть, рот заклеить. За этими грустными мыслями меня и застал Виктор. Я очнулась только тогда, когда услышала его голос:

– Не пугай меня так, Катя. Доброе утро.

– Доброе утро. А чем же я тебя так напугала?

– Нельзя так часто думать – женщине это вредно.

– Золотые слова, больше не буду.

– Ну, это вряд ли возможно, хотя… попытаться надо.

– Надо?

– Это тебе решать.

Опять он меня поразил. Вроде бы ничего не сказал, но я поняла, что мне нужно попытаться что-то принять совершенно бездумно, просто принять. Значит, он что-то уже знает.

Завтракала я в обществе абсолютно безмолвного Самуила. Он даже на моё приветствие только кивнул головой. Ну что ж, бездумно принять. Виктор прав, мне вредно думать, а то надумаю всяких глупостей про молчание Самуила и буду нервничать. Что всё-таки случилось? Глеб сказал, что мы всё обсудим, может быть, мы – это без меня? Они уже всё обсудили и решили мне ничего не говорить. Так, не забыть бы своего решения всё принимать бездумно. Обсудили и обсудили, решили и решили. Принимаю как слон, как удав, как рыба-кит.

Вошёл Глеб и пожелал нам доброго утра. Одетый в чёрный костюм и голубую рубашку, он выглядел как-то торжественно, а в руках держал маленькую коробочку, обвязанную красивой блестящей ленточкой. Я почему-то решила, что это подарок для меня, но он положил коробочку на стол перед собой.

– Самуил, я обещал тебе всё обсудить сегодня, потому что ждал Олега. Теперь я готов.

Я решила, что им надо поговорить вдвоём и встала, но Глеб меня остановил:

– Катя, не уходи, это касается тебя.

– Глеб, неужели ты хочешь ей рассказать?!

Самуил даже привстал, не то от удивления, не то от возмущения.

– Да. И очень надеюсь, что ты мне поможешь. У нас появился шанс, и я хочу поступить правильно – сначала всё Кате объяснить. Всё. Прошу тебя, в память о Саре.

Самуил побледнел и упал на стул. Именно упал, как будто у него подкосились ноги. Сара – вот кто связывает их, вернее память о ней. Мне кажется, что я даже не дышала, такая наступила тяжёлая тишина. Голос Самуила оказался неожиданно спокойным:

– Хорошо, наверное, ты прав.

Глеб облегчённо вздохнул и посмотрел на меня.

– Я обещал ответить на твои вопросы, но прежде хочу завершить свой рассказ о том, кто мы. Переход на питание человеческой кровью привёл к очередным мутациям. Кстати, подобные процессы проходили не только в Европе, но и в Центральной Америке, вспомни человеческие жертвы во славу богов, у народов востока, по всему миру. Носители вируса всегда отличались физически от обычных людей: ростом, силой, способностью быстрее восстанавливаться после ранений, лучшим зрением и обонянием. С переходом на питание только кровью эти способности не только усилились, но и позволили жить значительно дольше и долго не меняться внешне. С момента появления вируса были и те, у кого дети остались в живых и передали его почти в неизменном виде дальше другим поколениям. Именно у них проявились самая удивительная для обычного человека способность – возможность забирать жизненную энергию, а также отдавать её. Ты понимаешь, о чём я говорю. Сейчас об этом много пишут, всякие экстрасенсы даже лечат приложением руки, то есть делятся своей энергией.

– Они носители вируса, поэтому и могут это делать?

– Да, чем больше вируса в крови, тем выше способности.

– Они, что, тоже питаются кровью?

– Нет, его у них не так много, просто он есть. Им нет необходимости пить кровь, их организм не претерпел слишком сильных изменений.

– То есть, чем больше вируса в крови, тем выше способности?

– У некоторых кровь состоит практически из вируса. И тогда нет необходимости иметь такой орган, как сердце.

Вот что он хотел мне сказать. Самое страшное – внутри. Значит, у Глеба вместо крови вирус и сердца у него нет… за отсутствием необходимости. Хорошо, что Виктор меня предупредил и думать я об этом не буду. Я даже потрясла головой, чтобы не думать.

Всё время, пока Глеб говорил, я посматривала на Самуила: он сидел, закрыв лицо руками, видимо, воспоминания были слишком тяжёлыми. Я не выдержала, подошла к нему и положила руки ему на плечи.

– Самуил, если тебе это тяжело, то не надо мне ничего рассказывать о Саре. Я приму любое ваше с Глебом решение без всяких объяснений.

Он не сразу мне ответил, только положил свою ладонь на мою руку.

– Катенька, всё правильно… Глеб прав, нужно объяснить тебе всё, и я ему в этом помогу. Ты должна полностью осознавать, на что идёшь. И решать будешь ты, а не мы с Глебом, потому что это очень опасно.

– Не хочу слышать никаких объяснений. Вы увезли меня за тысячи километров, ничего не объясняя, потом меня похищали, били по голове, пытались обратить и, вообще… много чего интересного было. Я уже закалилась, тем более, ты сделал мне новые зубы. Самуил, Глеб я действительно согласна на всё без объяснений. Может быть, я и буду потом задавать вопросы, кричать и кидаться предметами, но от своих слов не откажусь. Глеб, ты ведь это теперь знаешь. Самуил, а ты сам расскажешь мне о Саре, когда захочешь сделать это, без необходимости что-то объяснять.

Говоря это, я не смотрела на Глеба, даже когда обратилась к нему, так и стояла – слегка поглаживая плечи Самуила и опустив глаза. И вздрогнула, услышав его совершенно спокойный, ничего не выражающий голос:

– Ты согласна на всё, действительно на всё?

– Глеб, я готова умереть, что может быть страшнее?

– Выйти за меня замуж.

Просто интересно, сколько может выдержать женское сердце? Хорошо некоторым бессердечным, у них его просто нет, и переживать нечем. Из состояния столба меня вывел возглас Самуила:

– Глеб, ты прав, только так, у нас будет время и возможности, и никто не сможет вмешаться. Катенька, дорогая моя, это действительно выход. Мы всё выясним, почему это так происходит.

Он вскочил, стал бегать вокруг стола, размахивая руками и что-то бормоча про себя, а потом выбежал из столовой. А я так и осталась стоять возле его стула.

– Ты не ответила мне.

Глеб стоял рядом и смотрел на меня глазами цвета льда. Молчала я долго. Просто моё горло не могло произнести ни звука. Окаменело и всё. Единственное, что я смогла сделать, это медленно кивнуть головой. Тогда он положил коробочку на стол передо мной. Не дождавшись от меня никакого движения, медленно развязал ленточку и открыл. В ней лежало удивительной красоты кольцо с большим камнем цвета утреннего неба, обрамлённым в серебристый металл. Рассматривая его, я не сразу заметила, что на камне вырезаны какие-то буквы. Чтобы лучше разобрать их, мне пришлось взять кольцо дрожащими пальцами. Это были даже не буквы, а какая-то надпись на непонятном языке. Глеб взял мою правую руку и надел кольцо на безымянный палец, оно оказалось впору.

– У тебя есть время подумать. Церемония состоится в полночь. Ты можешь отказаться, только громко скажи, и я услышу.

Он отпустил мою руку на стол и ушёл. Когда я смогла двигаться и пришла в свою комнату, первой мыслью было сожаление об отсутствии бассейна. Здесь была большая ванна, но в ней утопиться нельзя. Да и Олег, наверное, где-то рядом.

Почему судьба сразу проверяет меня на прочность? Изреку какую-нибудь мысль и пожалуйста – исполняй! Конечно, как любая нормальная женщина, я всегда хотела выйти замуж, родить детей и жить обычной жизнью, со всеми вытекающими. Но сложилось так, как сложилось. И теперь, когда я уже совсем отказалась даже от мысли о замужестве, встречаю мужчину своей мечты – и не просто так, а сверхчеловека с кровавыми привычками – прилюдно признаюсь ему в любви, совершенно безответно, кстати, он меня зовёт замуж. Без всякого намёка на чувства, так, для чистоты эксперимента. Обещала с утра молчать и принять любое решение Глеба, молчи и выходи за него замуж. Думала я так, сидя на полу в углу между кроватью и тумбочкой. Как туда поместилась – неизвестно. Видимо теснота помогла мне сложить мысли в относительный порядок, потому что я вспомнила тот вечер, когда впервые призналась себе, что не хочу уходить от Глеба. И что изменилось? Я только сильнее в него влюбилась, и поменялось направление его интереса ко мне, вернее к моей крови и энергии.

Замуж так замуж, решила я. Будем думать только о том, что это за церемония. А платье? Надеюсь, не голышом же. Надо уточнить этот вопрос, если замуж, то в красивом платье. Я громко спросила:

– Глеб, где свадебное платье?

Тут же открылась дверь, и вошёл Андрей с большой коробкой в руках. Вот он был счастлив – глаза сияли, улыбка просто как у чеширского кота. Он помог мне встать и сказал:

– Я надеюсь, тебе понравится.

Это было не платье, а королевский наряд для особо торжественных случаев. Белоснежное, украшенное крупным жемчугом, рукава практически состояли из жемчуга, от края лифа до подола в пол пришито тончайшее кружево с маленькими прозрачными камешками. Бриллиантами? Когда Андрей достал его из коробки, у меня зарябило в глазах от такого велико-

лепия. Но это было ещё не всё. Положив платье на кровать, он достал из коробки длинную накидку, или как там, у королей – мантию, совершенно алого цвета, обрамлённую по краю белоснежным мехом. В центре накидки вышита надпись золотом на неизвестном языке. Та же, что и на кольце? Как я ни пыталась понять, что это за язык, у меня ничего не получилось. Это не было латынью, кириллицей, даже не похоже на восточную вязь, тем более иероглифы.

– Андрей, а меня не задавит это великолепие?

У него слегка вытянулось лицо, но потом он улыбнулся и ответил:

– Мы поставим кресло. Здесь ещё есть коробочка.

То, что было в коробочке, я даже в кино не видела. Огромное ожерелье из кроваво-красных камней: от самых маленьких у крепления, до размеров с перепелиное яйцо в центре. В шесть рядов по нарастающей длине. Мне нужны костыли, а ещё лучше переносная подпорка для шеи.

– А туфли?

– Тебе придётся быть босиком.

Это уже хорошо, если бы к этому наряду прилагались туфли на высокой шпильке, то я бы просто рухнула рядом с Глебом, или пришлось отказаться от замужества из-за физической невозможности выдержать вес свадебного одеяния. И ещё один вопрос у меня возник, когда я увидела шнуровку на спине:

– А как я его смогу одеть?

– Придёт Глеб и оденет тебя в платье. Это часть церемонии.

Он опять улыбнулся и ушёл. Я села на кровать, потом подвинула платье и легла под одеяло. Голову я засунула под подушку.

А что мне, собственно, терять – подумала я через пару часов, почти задохнувшись под подушкой – голой меня он уже видел, представление имеет. А в моём возрасте уже должно быть не страшно показать свои телеса будущему молодому мужу, даже если ему пара-тройка сотен лет. И пошла в ванну, надо же умыться невесте.

Практически не спавшая прошлую ночь, я просто уснула в ванной от нервного перенапряжения и поэтому не поняла, почему меня кто-то достает из воды. Глеб обернул меня в полотенце и стал тщательно обтирать от воды. Я сразу проснулась и схватила его за руки. Это называется – сопротивление бесполезно. Он даже, мне так показалось, не заметил моих рук, как я ни старалась сжать пальцы. И я решила не сопротивляться – замуж, так замуж. Сам напросился, пусть привыкает ухаживать за молодой невестой. Я такая, какая есть, будьте добры любить и жаловать. Это я себя так уговаривала, плотно закрыв глаза и стараясь не замечать рук Глеба. Но сделать это было очень, даже очень сложно. Вот мужики, все такие, даже бессердечные, даже когда тело совсем не похоже на модель 90-60-90, и это всего лишь сосуд какой-то там энергии и какой-то там крови. И всё, что-то щёлкнуло в голове – я успокоилась, ничего не осталось от неги женского тела под сильными мужскими руками.

Мужчины всегда чувствуют состояние женщины, что бы они ни говорили, дело только в том – хотят ли они это замечать и как-то реагировать. Руки Глеба на секунду остановились, но только на секунду, больше никакой реакции. Так же тщательно он высушил мои волосы и сам причесал. Интересно, и где он этому научился? Я стояла перед ним, совершенно обнажённая, как статуя Венеры Милосской, ну почти. Глаза открыть я смогла, только когда почувствовала едва уловимое касание губ. Он что, поцеловал меня?! Но касание было таким легким, что я через мгновение уже сомневалась – а было ли оно? И увидела, что Глеб стоял передо мной совершенно голый! Пока я приходила в себя от этого зрелища, он одним движением накинул на меня платье, а вот шнуровал так медленно, стоя за моей спиной, будто распутывал узелки через сантиметр. А когда надел ожерелье, оно придавило меня, казалось, камни впивались всеми гранями в мою кожу и разрывали её. Поэтому я даже не заметила, как оказалась на моих плечах алая накидка. Вот теперь точно статуя каменная, зашнурованная и забетониро-

ванная. А вдруг теперь мне придётся одевать Глеба? Я же двинуться не могу, не то, что брюки ему одеть! Мои опасения были напрасны – из-за моей спины вышел полностью одетый Глеб. В костюме такого же алого цвета, как моя накидка, расшитом золотом какими-то значками или буквами.

– Ты сможешь идти?

– Не очень, всё такое тяжелое.

С таких слов началась моя свадебная церемония.

Это напоминало какой-то религиозный обряд. В зале, куда меня принёс Глеб, вокруг большого прямоугольного стола стояли Олег, Виктор, Андрей и ещё какой-то незнакомец огромных размеров. Самуила не было, всего скорее, людей на такие мероприятия не приглашают. Освещён был только стол, остальное пространство терялось в полной темноте. Глеб остановился у входа в зал, поставил меня на ноги, и мне пришлось идти к столу, неся все килограммы свадебного наряда. Я чувствовала себя как участник какого-то спектакля, правда, как исполнительница главной роли и не знавшая текста этой самой роли. В одном я была абсолютно уверена – мое лицо оставалось совершенно спокойным, я это знала, так как тяжесть платья и ожерелья оттягивали плечи, и мне вынужденно пришлось идти с гордо поднятой головой.

Глеб подвёл меня к краю стола напротив незнакомца и сказал длинную фразу на неизвестном языке. Незнакомец ответил короткой фразой и подошёл к нам. Он взял наши руки, у Глеба оказалось такое же кольцо, какое он дал мне, и нажал пальцами на камни. Я почувствовала лёгкий укол в палец и в камне кольца появились красные волны, наверное, моя кровь каким-то образом попала в него. То же произошло и с камнем в кольце Глеба. Потом незнакомец снял кольца с наших рук и соединил их, вставив камень в камень. И они сложились в один большой, который как будто и не был двумя частями, узоры на камнях оказались пазами, соединяющими обе половины в одну. Наша кровь смешалась внутри этого большого камня, образовался небольшой вихрь, который быстро успокоился, камень стал светлеть и вновь приобрёл цвет утреннего неба, каким был изначально. Разъединив оба кольца, незнакомец передал их Глебу и уже он надел кольцо мне на палец. Потом Глеб подвёл меня к большому креслу и, церемонно поддерживая за локоть, усадил, а сам встал с правой стороны.

Неожиданно включился свет, и оказалось, что в зале рядами стоят молодые мужчины и всего несколько женщин, одетые в невообразимые костюмы разных эпох: от камзолов до современных платьев. Они стали подходить ко мне и молча брали за правую руку с кольцом, слегка пожимали её и так же молча выходили из зала. Всё происходило в полной тишине. Олег, Виктор и Андрей продолжали стоять по разным сторонам стола с каменными лицами, а незнакомец внимательно смотрел на меня, откровенно разглядывая с ног до головы. Я уже знала назначение этой процедуры и тоже сидела с невозмутимым лицом, стараясь удержать руку на весу. Когда всё закончилось, незнакомец опять что-то сказал и ко мне подошёл Олег. Я немного удивилась, так как он уже был знаком с моей энергией, но решила, что может это просто часть ритуала. Однако Олег встал на колено и положил мою руку себе на голову, а когда вставал, поцеловал её, то же совершили Виктор и Андрей. И только незнакомец так и не подошёл больше ко мне. Он видимо подозвал Глеба и тот быстро подошёл к нему. Они обменялись несколькими фразами на том же языке, и незнакомец передал Глебу небольшой свёрток, а потом, слегка наклонив голову в мою сторону, просто исчез. Мы с Глебом оказались одни в зале. Вот и закончилась моя свадьба.

– Ты не жалеешь?

Вопрос застал меня врасплох. О чём я могу жалеть, если сейчас меня почти короновали, правда, неизвестно на что. Я пожала плечами:

– Нет, я ни о чём не жалею. Только устала немного.

– Ещё пять минут и два документа.

– Нужно что-то подписать кровью?

Он вдруг улыбнулся:

– Нет, простыми чернилами. Андрей, входите.

На этот раз вошли все, и Самуил тоже. В руках Андрей держал папку с документами.

– Я подготовил всё. Свидетельство о вашем браке в муниципалитете Неаполя и брачный контракт. Правда, на итальянском, но я тебе потом переведу. Их нужно подписать здесь и здесь.

И подал мне ручку. А вот этому я была поражена больше, чем ритуалу коронования. Официальный брак? По-настоящему? Оглядывая всех изумлённым взглядом, я пыталась понять: зачем, а вот это зачем Глебу? Выручил Самуил:

– Катенька, дорогая моя, нужны ведь тебе деньги на булавки всякие, не будешь же каждый раз у мужа просить.

Засмеялись все, даже Глеб. Мне ничего не оставалось делать, как подписать в указанных Андреем местах.

Свою первую брачную ночь я проспала. Уснула сразу, как только Глеб взял меня на руки, сказалось нервное напряжение дня.

Наверное, я просто сошла с ума, и всё это происходит в моём воспалённом мозгу, а вокруг только обшарпанные стены больничной палаты и санитарки в старых грязных халатах – думала я, проснувшись утром лёжа в кровати опять совершенно голая, из одежды на мне было только кольцо. Но на ощупь простыни были шёлковые, да и комната не изменилась. Ладно, пусть будет сумасшествие, в нём как-то приятней, чем в больничной палате. Может, не надевать рубашку на ночь, так и спать голой. Тем более, что это совершенно никого не волнует. Интересно, а чего ты хочешь? Страстной ночи любви? Остынь. Захотел тебя Глеб защитить, пусть даже в своих целях – уже хорошо. А уж каким способом, пусть даже фиктивным браком, не важно. Для тебя ничего не меняется, ты просто хрустальный сосуд энергии, сказал же Самуил, что теперь у них есть время и возможности чего-то там выяснить. Вот из этого и будем исходить, а вчера была церемония передачи моего тела в собственность частной клиники – владельцы Глеб и Самуил – для использования моих органов в медицинских целях, чтобы другие не воспользовались.

Вставать не хотелось, да и не знала я как себя теперь вести со всеми обитателями дома. Вроде как бы жена, но фиктивная, а я не знаю, как себя должна вести жена, не важно, фиктивная или нет.

– Доброе утро, дорогая.

Как мне теперь к нему обращаться? Здравствуй, дорогой муженек?

– Доброе утро.

Глеб был одет в светлый лёгкий костюм и казался ещё больше и выше. И в руках держал букет ослепительных белых роз. Он встал на колени, облокотившись о кровать, и положил букет у моего лица. А вот сказать уже ничего не смог, не придумал, наверное. Я гладила лепестки, даже коснулась их губами, они были бархатными на ощупь и от них шёл очень тонкий, едва ощутимый аромат. Я так боялась посмотреть ему в глаза, что даже прикрыла их рукой.

– Глеб, мне нужно с тобой поговорить.

Он отвёл мою руку от лица и попытался посмотреть в глаза, я тут же их зажмурила.

– И что ты себе надумала?

Голос оставался весёлым. Я просила, не открывая глаз:

– Что значит наложение моей руки на голову Олега?

– Ты ведь не это хотела спросить.

– Нет. Но ответь.

– Буду молчать, пока не откроешь глаза.

Я открыла сначала один глаз и сразу другой, потому что на меня в упор смотрели два ярких синих весёлых глаза, совершенно ясных, без намёка на лёд. Я даже приподнялась на подушке, забыв, что совсем голая. Глеб, продолжая смотреть в глаза, неожиданно коснулся

пальцами моей щеки, потом стал опускаться ниже, к шее и я быстро накрылась одеялом до подбородка. Моё сердце готово было выскочить из груди и стучало так, что его было слышно, наверное, по всей Италии. Глеб как-то лихорадочно вздохнул и быстро встал.

– Пойдём, за завтраком я тебе объясню значения ритуала свадьбы.

Хриплым голосом я сказала, продолжая удерживать одеяло у подбородка:

– Мне нужно одеться.

Глеб спросил, открывая шкаф:

– Что тебе подать?

– Глеб, я хочу сначала принять ванну.

– Ванну?

Он схватил меня вместе с одеялом, отнёс в ванну и поставил на ноги, одним жестом сорвал одеяло и включил воду. Всё это произошло так быстро, что я не успела даже открыть рот и прикрыться. Наклонившись ко мне и удерживая за плечи, не отрывая своего взгляда от моих глаз, Глеб сказал:

– Не бойся меня, я клянусь всегда беречь тебя от любой опасности, от себя тоже.

В горе и в радости. Больше ничего мне не приходило на ум, пока я лежала в ванне. Но голод заставил вылезти из воды и пойти одеваться. У нас на второй день свадьбы тоже празднуют, и что же мне одеть? Всё-таки, кто же покупает для меня одежду, он не просто знает мой размер, но и мой вкус. Я выбрала легкую свободную тунику тёмно-зелёного цвета и накинула на плечи прозрачный белоснежный шарф. Замужняя жизнь началась.

7

Когда я вошла в столовую, все уже сидели за столом и что-то весело обсуждали. Самуил первым обратился ко мне:

– Катенька, дорогая моя, как ты прекрасно выглядишь!

Все обернулись ко мне и встали, Глеб подошёл, взял за руку и подвёл к столу.

– Пока ты будешь завтракать, я расскажу, почему только Олег, Виктор и Андрей положили твою руку себе на голову. Теперь их жизни принадлежат тебе, ты наравне со мной можешь отдать им любой приказ, и они его выполнят даже ценой собственной жизни.

Я тут же поперхнулась чаем. А вот этого допустить никак нельзя, мало ли что я могу наговорить!

– Глеб, ты же понимаешь, что это только ритуал, и мне это совсем не нужно.

– Это их выбор.

Я посмотрела на них и по глазам поняла, что это действительно очень серьёзно и они готовы на всё ради меня. Вот, теперь думай, прежде чем истерики устраивать, несёшь полную ответственность за все слова, что из тебя вылетят. Надеюсь, что всё-таки слово Глеба будет первым, и он успеет меня остановить.

– А кто был тот незнакомец, который руководил церемонией? И все остальные гости?

– Это были главы кланов, не всех, но большинства, они теперь не могут напасть на тебя и встанут на защиту в случае нападения на нас. Это договор, который никогда не нарушается. Аарон не руководил церемонией, она прописана дословно, он вел её как самый старший и значимый глава среди этих кланов.

– На каком языке вы говорили?

– Это искусственный язык, он был создан ещё воинами ассасинами для передачи секретной информации. Мы им пользуемся уже многие столетия, а так как больше его никто не знает, даже ученые-лингвисты не смогли его расшифровать, то считаем его своим языком. Надпись на твоем плаще означает «общая кровь во спасение», то есть за того, на ком этот плащ, в случае опасности должен отдать жизнь любой воин. Кольца тоже созданы ассасинами. Таких колец

всего несколько пар на весь мир. Как кровь попадает в камень и что на самом деле происходит в кольце, не знает никто, даже мы. Тебе нет необходимости носить кольцо постоянно, его печать теперь останется на пальце навсегда.

Я сразу же сняла кольцо с пальца. Действительно, на пальце остался след, похожий на татуировку, только не тёмную, а красную цвета крови – отображение надписи на кольце.

– И вы всегда проводите такой ритуал, когда женитесь?

Я спросила это почти скороговоркой, так как не ассоциировала себя с этим словом.

– Нет, только когда один из пары – человек.

Меня просто подмывало спросить, как часто это бывает, но подумав, решила, что вряд ли часто, это Глебу понадобилось, чтобы спокойно продолжить эксперимент.

– Куда теперь это кольцо?

– Мы будем хранить кольца в нашем банке, но их всё равно никто не сможет использовать, они будут помнить нас, пока мы живы.

Я отдала кольцо Глебу, он положил его рядом со своим в маленькую шкатулку и отдал её Виктору, и он попрощался со мной, так как ему нужно уехать на пару дней. Потом ушли Андрей, Самуил и Олег, мы остались вдвоём с Глебом.

– О чём ты хотела спросить меня?

– Глеб, почему я? То есть я хочу спросить… там, в санатории, почему ты забрал с собой именно меня? Ведь мы для вас все одинаковые, может быть кровь немного другого вкуса, но вряд ли мы чем-то отличаемся друг от друга.

Наверное, не надо было именно сегодня спрашивать об этом, когда он весел и у него не ледяные, а синие-синие глаза. Но меня слишком долго волновал этот вопрос, и я решилась, может быть, именно поэтому. Я ошибалась – он ждал его и был готов ответить.

– Впервые за несколько лет я почувствовал эмоцию человека. Даже не эмоцию, а только намёк, но почувствовал.

– Микрон.

– Что?

– В один момент у тебя поменялись глаза, на микрон, но поменялись.

– И ты это заметила?

– Если ты помнишь, ситуация была такова. А если бы я не вернулась?

– Я знал, что вернёшься, иначе ты бы не бросилась защищать гимнасток. А потом в самолёте, пока мы летели, и уже в доме, пока ты была без сознания, я чувствовал тебя.

– Поэтому ты сразу решил вернуть меня в то состояние страха и ужаса, показывая записи из санатория?

– Да. Я боялся, что ниточка восприятия твоих эмоций просто исчезнет, но они были так сильны, что я чувствовал тебя всё лучше.

– Тогда зачем ночной Неаполь и мелодия моря? Ведь можно было просто меня пугать каждый день, и эмоций вполне достаточно, причем очень сильных.

– Когда ты смотрела записи, в тебе не было страха, это я понял сразу. А мелодия моря вызвала эмоции значительно сильнее, чем от просмотра событий в санатории.

Следующий вопрос я очень боялась задавать, но от ответа на него зависело всё. Нет, я не перестану его любить, это я знаю, но ответ я должна услышать. Все эти дни и ночи среди них я всегда помнила: кто они и чем питаются, и как эту пищу добывают. Я это видела сама. Но надо отдать должное – за всё время нигде не было даже намёка на кровь. И я решилась:

– Глеб, а ты бы убил нас там, в санатории? Если бы я не кинулась к тебе и не эти переговоры, и если бы ты меня не почувствовал?

Он продолжал смотреть на меня и его глаза не изменились, видимо, и на этот вопрос был готов ответ.

– Я мог убить вас всех.

Ну вот, я и получила ответ. Он мог сказать мне что угодно, я бы поверила, но не стал обманывать, сказал правду. Ту правду, которую я ожидала и очень боялась услышать. Может быть, он действительно хочет быть честным передо мной или ему всё равно, что я об этом подумаю. Всё, на сегодня у меня вопросы закончились. Мой мозг кипел и думать уже не мог, а сердце готово было разорваться на мелкие кусочки. Я сидела, уткнувшись взглядом в стол и сложив руки на коленях, ничего не слышала и не видела, всё померкло.

Глеб подошёл ко мне, присел на корточки, взял мою руку и стал перебирать пальцы, как это делают маленькие дети. Эти движения вернули меня из моего состояния нигде и никак, и я посмотрела на него. Лицо его было спокойно, и глаза оставались синими. Наверное, в хрустальном сосуде ещё оставалась энергия, или энергию дают любые эмоции, не важно – от радости или горя, любви или ненависти?

– Пойдём, тебе лучше погулять по воздуху.

Мы стояли на балконе где-то на невообразимой высоте и смотрели на море. Есть оказываются в этом дворце места с открытым пространством. Я опять удивилась тому, что Глеб вышел на солнце, стоял со мной уже достаточно времени и ничего не происходило. И чтобы хоть что-то произнести, спросила:

– Я заметила, что вы избегаете солнца, но сейчас ты спокойно стоишь, и ничего не происходит. Солнце чем-то для вас опасно?

– При попадании прямых лучей солнца некоторые компоненты нашей крови начинают сгущаться и движения замедляются. Для меня солнце не представляет опасности.

Потому что в венах не кровь, а вирус и сердца нет, за отсутствием необходимости. Опять виновата я сама в своих разочарованиях, напридумывала себе разных мыслей, а ему просто не дано чувствовать. Я обманываюсь, потому что сужу по внешности и забываю, что они не люди. Давая им эти сверхспособности, вирус отнял у них все чувства, любви в том числе, и все мои попытки обречены на провал. Виктор прав, мне просто надо это принять как данность, не просто какую-то очередную ситуацию, замужество, например, а – всё, и превратиться в хрустальный сосуд, не требуя больше к себе другого отношения. Жива, кормят, выгуливают, и будь довольна. А эмоции они из меня и так достанут, слово скажут и пожалуйста – буря эмоций, бери, сколько хочешь. Только где ту кнопку найти, чтобы не только голову отключить, но и сердце.

Глеб, видимо, тоже думал о чём-то, разглядывая морскую даль.

– Я поняла, что раньше ты чувствовал эмоции людей, что же произошло?

– Чем больше вируса, тем сильнее его воздействие на организм. Увеличение физических возможностей имеет обратную сторону, что-то происходит с нервной системой и начинают пропадать сначала физические ощущения, а потом эмоциональные. Чем ниже болевой порог, тем меньше нервных окончаний по всему организму и соответственно физических и эмоциональных восприятий. Я уже несколько лет не чувствовал никого.

– А остальные? Олег, Виктор?

– У них понижены только физические восприятия. Это уже Самуил постарался.

– А ты?

– Я старше и вируса во мне значительно больше.

– Но это не имеет отношения к болезни Анны?

– Нет. То, что произошло с ней это даже не болезнь, просто в организме отключаются все функции, и он погибает. Никто не знает, почему это происходит.

– Это может случиться с любым из вас?

– Зависит от определенной степени концентрации вируса в крови и с теми, кто питается только кровью. У меня вируса больше.

Я решила задать ещё один вопрос, очень страшный для меня, но лучше уже сразу, лучше пережить всё за один раз. Я изо всех сил вцепилась руками в поручень балкона и спросила:

– Это происходит… как тогда с тренером? Ваше питание кровью.

Он резко обернулся ко мне, почему-то удивился:

– Ты всё время об этом думала?

– Как видела, так и думала.

– Олег был прав, когда предлагал тебе всё сразу объяснить. Прости.

Глеб сделал движение обнять меня, но руки остановились на полпути, даже закрыл глаза на мгновение. Он повторил:

– Прости. Все, кто со мной, не питаются живой кровью. А в санатории были бойцы разных кланов.

Во мне что-то немного отступило и стало легче дышать.

– Под моей протекцией работает несколько институтов крови по всему миру, в России, кстати, тоже. А Самуил, ты знаешь, что он талантливый ученый, гематолог, разработал способ сохранения и перевозки, который позволяет получить кровь с любого конца земли, как будто её только что взяли у человека. Но об этом он сам тебе расскажет.

– Ты из-за трагедии с Сарой постоянно спрашивал меня, как я себя чувствую?

Лицо Глеба сразу изменилось, будто закаменело.

– Да, я решил, что история может повториться.

Но я не стала выяснять, что тогда случилось, пусть Самуил сам расскажет, когда захочет, если захочет. Глеб вдруг опять повеселел:

– Пойдём, Андрей ждёт тебя, будет знакомить с брачным контрактом. Если тебе что-то не понравится, скажи мне, его можно будет изменить.

Интересно, если я ему скажу, что главным пунктом моих требований будет любовь? Начнет любить? Приходить каждую ночь и исполнять супружеский долг, именно как долг, добиваясь от меня эмоций? Где кнопка в голове, срочно выключить!

Впервые я увидела, так сказать, личные покои одного из тех, с кем живу в одном доме. Андрей сидел за гигантским столом, уставленным самой различной техникой, назначение которой я даже не пыталась понять, кроме нескольких компьютеров. Больше никакой мебели в комнате не было. Он сразу вскочил и, взяв папку в руки, спросил:

– Итак, Катя, тебе прочитать весь документ или просто перечислить, чем ты теперь владеешь?

– Владения можешь опустить, прочитай остальное.

Так как я не могла объяснить, что именно меня интересует, поэтому пусть зачитывает всё.

– А там только пункты о собственности и счетах, которые тебе передает Глеб и пункт о том, что он обязуется быть верным тебе.

Он обернулся к Глебу, а тот смотрел на меня ясным, синим взором и улыбался:

– У тебя есть вопросы или предложения?

Я даже не успела подумать, прежде чем спросить:

– А я что, ничего не должна по брачному контракту?

– Нет, можем внести твоё предложение.

Ну да, меня ищет весь мир, некоторая часть этих, со сверхспособностями, языков я не знаю, двигаюсь с трудом. Чего бояться, всё равно никуда не денусь. Я только отрицательно покачала головой.

– Пойдём, я тебе ещё кое-что покажу.

Глеб взял меня за руку и повёл в свой кабинет. На столе лежал свёрток, который дал Аарон.

– Это тебе.

Сверток оказался тяжёлым. В шкатулке лежало ожерелье из какого-то металла, переливающегося всеми цветами радуги, состоящее из узких звеньев и маленьких капелек. Глеб взял

его из коробки и надел на меня. Сразу же охватило ощущение тепла и уюта, спокойствие растеклось по всему телу.

– Что это за металл?

– Аарон создал его в память своей жены, она была человеком.

– Была?

– Её убили, уже много лет назад.

– Кто?

– Люди, его они не смогли убить, а её нашли и сожгли в доме.

Руки Глеба, после того как он надел на меня ожерелье, остались на моих плечах, он как бы обнял меня со спины. Может быть, мне так хорошо и спокойно от его рук, а не от ожерелья? Стоп, сказала я себе, это ожерелье подарок от того, кто любил свою жену-человека, а может быть любит до сих пор. К Глебу это отношения не имеет. Я спросила первое, что придумала, снимая его руки со своих плеч:

– А бассейн здесь есть? Поплавать хочется.

Он подхватил меня на руки и мгновенно перенёс к бортику небольшого бассейна под стеклянным куполом.

– Мне бы переодеться.

– Купайся спокойно, никто сюда не придёт, я тоже.

И исчез. Я постояла в недоумении минут пять, не зная, что делать. Оглянувшись, увидела на изящной скамейке полотенце и халат, и ещё стойку для одежды. Всё было готово для того, чтобы я купалась. Только купальника не было. Надо было записать в брачный контракт пункт об обязательном наличии купальника в бассейне. Да что я всегда себя стесняюсь? Моему мужу хочется, чтобы я купалась обнажённой в бассейне, значит – будем. Дольше всего я возилась с ожерельем, но оно хотело оставаться на моей шее, пришлось оставить. Сцена была ещё та – я со своим любимым телом, обнажённая и с шикарным ожерельем на шее. Какой-нибудь авангардист-фотограф в обморок бы упал от этой картины. Плавала я с удовольствием, и действительно никто не пришёл.

Я едва нашла дорогу обратно в свою комнату, гуляла по дворцу и рассматривала картины на стенах. Весёлыми были хозяева, всё так светло и радостно, видимо они были здесь счастливы. Надо и мне этому научиться, принимать всё просто, а то я везде найду, о чём переживать. А всё от того, что я не верю в себя, в то, что кто-то может полюбить, что-то сделать просто так, потому что это я. И в этом доме я тоже никому не верю, постоянно жду какого-то подвоха. От Глеба в особенности, хотя он ни разу меня не обманул, и даже замуж взял совершенно официально, и даже честно объяснил, почему он это делает. Сама заявила громогласно, что согласна с любым решением и тут же изображаю невинность и прикрываюсь одеялом. Муж ведь со вчерашнего дня, вернее ночи, имеет полное право. Тем более, что сама первая объявила, что люблю его. Может, тогда мне было легче объявлять о любви, потому что была абсолютно уверена, что скоро всё закончится и ответственности за свои слова не несла никакой. Виктор прав – голову выключить, оставить одни инстинкты, и тогда все будут довольны.

Надо чем-то себя занять, иначе опять придумаю какую-нибудь мысль, и она помешает мне быть правильной женой, правда я совсем не знаю, как это. И, конечно же, пошла в библиотеку. Что я надеялась там найти? Взять книгу и на такой-то странице обнаружить совет как себя вести во всех жизненных ситуациях? С такими мыслями я перебирала корешки книг, стоящих на полках, увы, они все были на иностранных языках. Потом я увидела альбомы на изящном столике у окна. Несколько альбомов с зарисовками природы, видимо они принадлежали молодой девушке, которая училась рисовать, судя по неровным мазкам кисти. Ещё один в большом и красивом переплете содержал какие-то записи, всего скорее стихи. А остальные альбомы оказались посвящены любви. Профессионально выполненные зарисовки весёлых сцен свида-

ний на лоне природы, у реки, в комнатах, может быть даже этого дворца. Сцены, мягко говоря, фривольные.

– Интересные картинки, мне очень нравятся.

Самуил стоял в дверях и широко улыбался. Я быстро захлопнула альбом, как будто меня застали за чем-то неприличным.

– Катенька, почему ты опять грустная? Всё хорошо, Глеб всё так продумал и организовал, что у нас не будет больше никаких проблем, и мы сможем спокойно во всём разобраться.

– В чём разобраться? Мне пока никто ничего не объяснил, кроме того, что Глеб меня почувствовал.

– Это уникальный случай, второго раза никогда и ни у кого ещё не было.

– Самуил, я ничего не понимаю, объясни подробнее. У Глеба уже было такое?

И сразу поняла:

– Это была Сара.

– Сара. Моя дочь.

Он замолчал, а я проклинала себя за этот вопрос, ведь сама же сказала ему, что он может рассказать о ней, когда захочет сам, без необходимости что-то объяснять.

– Самуил, прости, ты не должен мне ничего говорить.

– Я сам хочу тебе рассказать. Глеб прав. Ты должна всё знать, мы и так перед тобой виноваты, что не объяснили сразу.

Он долго молчал, прежде чем начать свой рассказ.

– Глеб, наверное, уже тебе сказал, что он потерял чувствительность, физическую и эмоциональную. Это происходит со всеми, у кого процент вируса в крови очень высок, они превращаются практически в роботов. Остаются только инстинкты выживания и повышенная агрессивность, а это уже опасно для всех, при их силе и подготовке.

– Подготовке?

– Да, таких как Глеб, с их физическими возможностями, кланы ищут по всему миру с детства и готовят как воинов. А если к этому добавить многолетний опыт, сто, сто пятьдесят лет, можешь себе представить, в какую боевую машину они превращаются. Поэтому при проявлении признаков потери чувствительности их сразу стараются убить.

– Но Глеб сказал, что он уже несколько лет как потерял чувствительность, почему его не убили сразу?

– Он сумел обуздать свою агрессивность, хотя как он этого добился, осталось тайной для меня и, собственно, для всех. А так как он довольно давно не входит ни в один клан, а только иногда участвует в подготовке бойцов, да и влияние его на кланы очень велико, его никто не смел тронуть. Ну а сейчас, при появлении тебя и его преображении, которое видели главы кланов, всё решилось. Не малую роль в этом, я так думаю, сыграл и Аарон своим появлением на ритуале свадьбы.

– А как же он, ведь он старше Глеба?

– Ты понимаешь, девочка моя… ведь Глеб рассказал тебе его историю? Но это только моя гипотеза, именно любовь Аарона, такая сильная и такая трагичная, сохраняет его эмоции и физическое восприятие. Я подозреваю, что он до сих пор, через столько лет, продолжает любить свою погибшую жену.

– Ты сказал, что главы кланов видели преображение Глеба, но он ничего не делал на ритуале, да и внешне он продолжает выглядеть как обычно. Как они поняли, что он изменился?

– Катенька, ты забываешь, что они видят всё иначе, чем мы, и кольцо. Оно бы не приняло его кровь, если бы агрессия была повышенной, это известно всем, так как именно им проверяют в случае подозрения. Но главное здесь – это ты.

– Самуил, вот это я совсем не могу понять. Была бы я юной красавицей, с ногами от ушей, ну и так далее, куда ни шло, можно было понять эмоциональную реакцию, но это ведь совсем не так.

– Дорогая моя, ты совсем не права, твоя внешность здесь совсем не причём. Как оказалось, на тебе сошлось всё. Это очень редкий случай, практически невозможный. Ты не знаешь, но Глеб долго не соглашался участвовать в акции. Убедить кланы отменить её он не смог, оказалось слишком много желающих громко заявить о себе, видимо решил хоть кого-то спасти, но это мои домыслы.

– Мне он сказал, что мог убить всех нас.

Самуил тяжело вздохнул, подошёл ко мне и легонько похлопал по плечу:

– Ты не думай об этом, девочка моя, всё-таки мне кажется, что он решил вас спасти, ведь – мог, это не значит – сделал. Он просто хочет быть честным перед тобой.

В комнате повисла напряжённая, до звона в ушах, тишина. Во мне опять всколыхнулись воспоминания тех событий, и я сжалась в кресле.

– Катенька, а ты знаешь, кто тебе подбирал одежду? Ведь ты к нам попала в грязном, да-да, грязном спортивном костюме.

Я подняла на него глаза, но не сразу поняла вопрос, настолько ушла в свои страшные воспоминания.

– Глеб.

Если Самуил хотел меня отвлечь от тяжёлых мыслей, то у него получилось. Моё удивление было таким красочным, что Самуил радостно засмеялся.

– Он первый день твоего бессознательного состояния, это я постарался для твоего же блага, просидел у твоей постели, а на следующий день объездил все магазины Неаполя, покупая тебе наряды.

Глеб мне покупал одежду? Эта мысль никак не укладывалась в моей голове.

– Но как он смог, да и размер…

Он хитро улыбнулся:

– Про размер не знаю, но всё что он купил, удивительно тебе идёт, просто красавица!

– А свадебное платье… тоже он?

– Конечно! Его сделали за один день!

Значит, когда он приехал вечером, он уже решил, что я выйду за него замуж. Платье куплено, главы приглашены, кольца в наличии.

– Девочка моя, а вот этот взгляд мне совсем не нравится. Что-то ты думаешь совсем неправильное.

Правильное, очень даже правильное. Только думать мы об этом не будем, ведь я сама сказала, что принимаю любое решение, чем и облегчила ему дело. Он небось и представить себе не мог, что я ему сама себя предложу на блюдечке с голубой каёмочкой – берите, на всё готова. Неожиданно для себя я развеселилась, вспомнив свои мысли в первый день, когда Глеб показывал мне дом.

– У него действительно хороший вкус.

Теперь настала очередь удивляться Самуилу.

– Хорошо, оставим мои наряды в покое, что всё-таки такого сошлось во мне?

– В тебе сошлось всё. У тебя в крови нет вируса, и не было в течение как минимум трёх поколений, может быть даже дольше, то есть твоя кровь чиста. Видимо, твои предки практически не смешивались с представителями других, пришлых народов, у которых мог быть вирус. У тебя совершенно не повреждена генетическая линия, несмотря на браки твоих предков в пределах одной местности и одной народности. Так как у тебя не было детей, соответственно нет нарушений энергетики, которые неизбежны при родах. Ты оказалась очень эмоциональной, не просто нервной или истерического склада, а именно эмоциональной! Это очень важ-

ное уточнение. Виктор не зря донимал тебя разговорами о политике и экономике, он доказал Глебу, что ты эмоционально реагируешь и на информацию, иногда очень чуждую тебе лично. Но даже если совпадает всё то, что я тебе перечислил, совершенно необязательно, что будет реакция. Нужно ещё что-то, что никто до сих пор не понял и не вычислил, и это что-то всегда решающее. Многие годы можно ездить и искать себе, так сказать, эмоциональную пару, а это может быть кто угодно: женщина или мужчина, старик или ребенок, что многие и делают, иногда совершенно безрезультатно. Уже сотни лет они пытались вычислить параметры этого что-то, чтобы можно было хотя бы сузить круг поиска, но ничего не получилось. Всегда эти встречи были совершенно случайными. Просто появляется чувство связи именно с этим человеком, и только этот человек может вернуть чувствительность и передать свою жизненную энергию.

– Но почему тогда пытались меня похитить? Если эта связь возможна только с Глебом?

– Здесь могут быть две причины. У Глеба достаточно врагов, и они готовы на всё, чтобы он уже никогда не смог восстановиться, ведь неизвестно, как долго бы он смог сдерживать свою агрессивность. А уж тех, кто разобрал бы тебя на молекулы, только чтобы узнать это что-то, что почувствовал Глеб, ещё больше. Ритуал свадьбы решил очень многие проблемы с точки зрения безопасности.

– А теперь на молекулы меня будешь разбирать ты?

Я смотрела на Самуила и понимала, что поступаю очень жестоко, задавая этот вопрос.

– Самуил, пойми меня правильно, я не отказываюсь от своего решения и сделаю то, что от меня потребуется, просто я хочу определить для себя ситуацию. Только не говори мне об опасности, это для меня не имеет никакого значения уже давно, с того дня в санатории.

– Катенька, дорогая моя…

Он не успел ответить. Вошедший в библиотеку Глеб был бледен как полотно.

– Кате уже давно пора обедать, давайте перенесём ваши научные беседы на завтра.

Глеб говорил спокойным голосом, но взгляд выдавал недовольство.

– Да, да, конечно, пойдёмте обедать.

Обед прошёл в весёлых разговорах с Виктором. Оказалось, что он вернулся раньше и развлекал меня рассказами о смешных случаях в дороге. Я была абсолютно уверена, что он всё придумал, но смеялась каждый раз, когда этого требовала ситуация. Самуил как-то растерянно молчал, лишь изредка улыбаясь, а Глеб просто смотрел на меня, почти не участвуя в разговоре. Иногда я мило улыбалась ему, однако ни разу не посмотрела в глаза. Когда женщина чего-то хочет, она может многое, но ещё больше она может, когда чего-то не хочет. Пообедав, я объявила сиесту и пошла к себе, мне нужно было обдумать полученную информацию.

Значит я – уникальное создание и во мне сошлось всё, даже Глеб смог чего-то там во мне почувствовать, думала я, расхаживая по комнате. Я знаю, что это. Трусливый кролик, который лучше всего чувствует себя, лежа в своей норке, не двигаясь даже в ней, то есть – идеальная жертва. Конечно, и кролик может укусить, если его очень достать, но чаще всего он прячется. Прячется от всего, что его пугает, а пугает всё, даже просто необходимость выйти за пределы своей норки. И от страха кролик создаёт вокруг себя броню, причём больше изнутри, чем снаружи. С годами эта броня настолько врастает в организм, что даже когда он наконец-то осмелится на какой-нибудь малюсенький поступок, броня не позволит ни полностью осознать значимость этого поступка, ни его последствия, ни тем более что-то запланировать исходя из этих последствий. Большинство моих поступков по жизни были или реакцией на внешние раздражители или уступкой на чьё-то давление. Я только в университете поступила на тот факультет, который действительно меня интересовал, благо никто особенно на меня не давил, потому что это никого не волновало. И при всём при этом я училась неплохо, могла общаться с различными по характеру людьми, всегда хорошо выполняла свою работу, иногда лучше других, могла даже продумать и организовать какой-то её участок и называла себя хорошим исполнителем. Наверное, кролик боялся, что его накажут.

Даже то, как я вела себя в этой совершенно невообразимой ситуации, было лишь маханием лапками, и недоверие моё ко всем, кто меня окружал все эти дни, тот же страх. А маленькую девочку, которая время от времени пытается выглянуть, он скоро задавит с моей же помощью. Видимо моя броня изнутри уже настолько крепка, что даже Глеб не почувствовал мой страх, видите ли эмоции от мелодии моря были сильнее. Ошибаетесь молодой человек, сильно ошибаетесь. Я и лапками-то махала, будучи уверенной, что не придётся долго бороться, всё равно скоро съедят, в буквальном смысле. Всё действительно сходится: есть идеальный хищник и ему для продолжения существования нужна идеальная жертва. А любовь Аарона лишь домыслы Самуила, на самом деле – это тоска по идеальной жертве, а тоска это тоже эмоция, химические реакции организма.

Ну что ж, из этого и будем исходить, кажется, так выразился Глеб. Хвала моему кролику, благодаря ему я осталась жива, да и другие тоже. Теперь будем исполнять свой долг идеальной жертвы, то есть делиться этими самыми эмоциями с полным пониманием, надеюсь, Самуил объяснит технологию. И я решительно направилась на его поиски.

Но нашла только Олега, он сразу встал с дивана при моём появлении. За последние дни я его видела мало, он как бы ушёл в тень, и мне было приятно встретить его.

– Олег, ты не знаешь, где Самуил?

– Они с Глебом уехали и будут через несколько часов.

– Тогда придётся отдуваться тебе, в смысле отвечать на мои вопросы.

Он отложил книгу, которую читал, и внимательно посмотрел на меня.

– Я слушаю тебя.

– Олег, объясни мне, зачем этот ритуал с клятвой верности? Ты же понимаешь, что она мне совсем не нужна, я и так верю, что вы меня спасёте от всего на свете.

– Это неправда. Ты нам не веришь. Никому.

Он, что – сидел рядом и читал мои мысли? И я решилась. Встала перед ним, мне пришлось высоко поднять голову, и заявила:

– Не верю, ты прав. Твоя клятва мне, означает клятву Глебу, что ты меня спасёшь ценой своей жизни для него. Поэтому я считаю, что она была совсем необязательной.

Я опустила голову и добавила:

– Мне не нужны ничьи клятвы. Я сделаю для Глеба всё, что потребуется и без них. А верю я вам или нет… не важно.

– Важно, очень важно.

Опять подняв голову и посмотрев ему в глаза, я ехидно уточнила:

– Неужели вкус моих эмоций от этого меняется?

А вот этого он от меня не ожидал, потому что побледнел до синевы. Видимо, у меня сегодня день такой – всех в шок вводить.

– Олег, не нужно меня ни в чём убеждать. Я же обещала – всё сделаю. Кстати, Глеб сказал, что ты предлагал мне сразу обо всём рассказать, но это бы ничего не изменило, это не ваша вина… это я такая.

Совершив этот героический поступок, я ушла и спряталась в маленьком зимнем садике, который случайно обнаружила, гуляя по дворцу. Под стеклянной крышей разместились всякие экзотические растения, было очень влажно и жарко, но мне понравилось сидеть под какой-то небольшой пальмой. Наверное, потому, что она скрывала меня своими ветвями. Скоро я была совсем мокрая, но продолжала сидеть, размышляя о своей неправильности, и вспомнила Юлию. Вот у кого всё было бы просто: красавец мужчина в мужьях, денег куры не клюют, а нужно всего лишь быть самой собой – всегда радостной и сексуальной. Съесть что ли чего-нибудь сладкого, вдруг это поможет стать хоть немного похожей на неё. А может Глеб приводил Юлию, чтобы показать мне, какая жена ему нужна? Но ведь он должен понимать – со мной это просто бесполезно, можно даже не пробовать. Я тяжело вздохнула и пошла переодеваться.

Пересматривая свой гардероб, я никак не могла понять, не то, что Глеб попал с размером – это на самом деле не так сложно с моей фигурой – а почему, совершенно не зная меня, он подобрал именно ту цветовую гамму и те фасоны, которые я купила бы сама. Конечно, имея соответствующую сумму и возможность попасть в бутики Неаполя. На ужин я выбрала бежевый брючный костюм с оранжевой отделкой, немного ярко для вечера, но я решила хоть так попытаться поднять себе настроение и сыграть требуемую роль. В обед меня развлекали Андрей с Виктором, сейчас моя очередь.

В столовой присутствовали все. Я мило улыбнулась и, проходя мимо Глеба, прежде чем сесть, чуть коснулась рукой его плеча. Задачу свою я выполнила – весь вечер все дружно смеялись над моими рассказами из студенческой жизни, особенно о моём бригадирстве на картошке на первом курсе и работе поваром в археологической экспедиции. Даже Самуил, сидевший в начале ужина мрачнее тучи, заулыбался. Глеб тоже смеялся со всеми, но глаза жили своей жизнью настороженности. Не повезло тебе, думала я, мило улыбаясь ему, вот почувствовал бы Юленьку и никаких проблем. Но долго эту пытку я всё-таки выдержать не смогла. Эти самые эмоции захлестывали, и я решила бежать, хватит ему на сегодня.

8

Всю ночь я опять ощущала присутствие Глеба, открывала глаза, но никого не было. К утру не выдержала, села на кровати и стала ждать, ведь я была в ночной рубашке, не страшно. Он не приходил, и я решилась его позвать, раз вчера была такая сильная, то надо действовать, пока не начала думать:

– Глеб.

Он зашёл сразу, видимо стоял за дверью. Моя решимость тут же испарилась, но одеяло я не стала поднимать до подбородка, а спросила почти ровным голосом:

– А где цветы?

Он улыбнулся, исчез на мгновение и вернулся с букетом незабудок. Я протянула руки, взяла букет и спрятала лицо в голубую пену. Сердце колотилось, руки дрожали, а ведь сама позвала – и что теперь делать? Вопросы задавать, и спросила единственное, что смогла придумать:

– Откуда в Неаполе незабудки?

– В саду Самуила, у него там много интересного растёт, даже грибы ваши… кажется сыроежки.

Он стоял рядом с кроватью, а я не смогла заставить себя посмотреть ему в глаза, поэтому сказала, перебирая цветы и опустив голову:

– Глеб, ты можешь быть здесь… ты ведь теперь официальный муж.

Он не сделал никакого движения, стоял и молчал. Мне казалось, что прошли часы, а он молчал. Наконец, я не выдержала и посмотрела на него. В его глазах, как когда-то после танца, полыхал вихрь, цвет глаз менялся ежесекундно, и он видимо никак не мог с этим вихрем справиться. И я сделала то, на что не могла решиться раньше – встала и обняла его. Удар энергии был таким, что я отлетела к стене.

Когда я пришла в себя, вокруг меня суетился Самуил, а в углу комнаты стоял Олег.

– Где Глеб?

Самуил как-то испуганно оглянулся на Олега, но тот никак не отреагировал ни на мой вопрос, ни на взгляд Самуила.

– Катенька, он уехал… надолго.

Несмотря на то, что у меня страшно кружилась голова, и сильно тошнило, я позвала:

– Олег, подойди. Найди его, передай, что я прошу его вернуться.

Он не двинулся с места. Тогда я, схватившись за края кровати, и оттолкнув Самуила, подняла себя и крикнула:

– Ты поклялся! А то я сейчас умру, и тебе будет некого охранять!

И потеряла сознание.

Первое, что я почувствовала, придя в себя – тёплые лучи солнца. Они были именно тёплыми, а не жгучими. Свет проникал сквозь веки и рисовал разные цветные картинки, за которыми невозможно уследить, пришлось открыть глаза. Оказалось, что лежу на кушетке на балконе, укрытая пледом, рядом стоял Виктор.

– Виктор, а тортика мне теперь уже не дадут?

– Ну, наконец-то, теперь всё хорошо, раз тортик значит – оживаем!

– Глеб здесь?

– Нет, он отказался вернуться.

Свет померк, как будто солнце выключили. Ну, уж нет, подумав немного, решила я – если не шевелить головой, то, думать, оказывается можно – не позволю на третий день своего замужества сбежать молодому мужу!

– Виктор, а Олег вернулся или тоже от меня сбежал?

– Вот он, торт несёт.

Действительно, ко мне подходил Олег с подносом в руках.

– Помогите мне подняться. Сейчас броуновское движение головы остановим, сладкого поедим и подумаем, что делать.

Виктор смотрел удивлённо, но с какой-то затаённой надеждой, Олег на меня даже не посмотрел. Съев совсем маленький кусочек торта, чисто символически, я попросила позвать Андрея и Самуила. Совет в Филях, в смысле в Неаполе, или где-то там в Италии, должен состояться в полном составе. Когда все собрались, я обратилась к Самуилу:

– Самуил, если я ошибусь, поправь меня. Повышенная агрессивность Глеба, которую он давил годами, не могла исчезнуть за несколько недель, она копилась в нём энергией и когда эмоции возродились, они подняли всю эту энергию. Это я в чём-то повела себя неправильно… хотя почему… я знаю в чём, но это сейчас не важно. Он не виноват в том, что произошло, и я ему не позволю просто сбежать и дать себя убить. Раз женился на мне, то теперь пусть и несёт ответственность, терпит мой характер, а не сбегает… даже если считает, что это мне во благо.

Тяжело вздохнув, я добавила:

– А как жить дальше, мы подумаем вместе.

Самуил вскочил, подбежал ко мне и схватил за руку:

– Катенька, ты совершенно права! Ты даже не представляешь себе, как ты права!

Олег смотрел на меня совершенно безумными глазами, Андрей с Виктором, впрочем, тоже.

– И ещё… я верю, что он сможет совладать с этой энергией и никогда не причинит мне никакого зла. Главное – личико целое, а головку мы подлечим, правда, Самуил?

Тот радостно закивал, а потом я обратилась уже к Олегу:

– Олег, пусть Глеб сам мне в глаза скажет своё решение.

Он уехал сразу. А все оставшиеся начали меня лечить, кто уколами, а кто своей энергией, второе мне нравилось больше. И на следующий день приехал Глеб.

Весь вчерашний день я думала о себе. Как же я боюсь всего нового, я много чего боюсь, но этого больше всего. Очень хочу изменений, и делаю всё, чтобы этих изменений избежать, найду тысячу объяснений и виноватых. Этот внутренний страх давит во мне даже намёки на попытку что-то изменить в собственной жизни. Легче всего лежать на диване и ничего не делать, ведь если встать и сделать, то вдруг действительно что-то произойдёт, и тогда мне придётся меняться самой. И то, как я веду себя с Глебом из этой же серии. Когда я ждала, что меня зажуют на обед, всё было значительно легче – стой на постаменте и жди! Можешь

немного лапками помахаться, но это тот же диван, действия никакого – я ведь даже за жизнь не боролась! Теперь буду бороться за мужчину! Только бы в этой борьбе с собой не порушить всё вокруг. Ну вот, опять этот страх, где бы ещё одну кнопочку в себе найти.

Всё утро я приставала к Самуилу с вопросами о физических возможностях Глеба, и он спросил меня:

– Катенька, ты боишься его? Может быть…

– Самуил, я его не боюсь, просто хочу понять, как себя вести, не причиняя ему лишних неудобств.

– Неудобств?

Это уже спросил Олег, подошедший к нам.

– Олег, если он не позволит себе выплеснуть эту накопившуюся энергию, то она навредит ему ещё больше, и кто знает… чем может закончиться для него. Тем более, что это второй шанс и никто не знает, как всё происходит. Самуил, прости меня, я опять нарушаю свое слово, но тебе придётся рассказать мне о Саре.

– Я убил её.

В дверях стоял Глеб, за его спиной стояли Виктор и Андрей.

– Нет, это не совсем так, просто никто не знает процесса.

Голос Самуила был тихим, но твёрдым, видимо он говорил слова, которые обдумал уже давно.

– Глеб, привет.

Я сказала это совершенно спокойно, как будто он просто уходил погулять.

– А где цветы? Или ты забыл заглянуть в сад Самуила? Кстати, Самуил, из солёных сыроежек очень вкусные пирожки, я испеку когда-нибудь.

Цветы мне вручил Андрей, бледно – голубые фиалки гигантских размеров, я такие даже в кино не видела. А Глеб продолжал стоять у косяка, только пропустил Андрея.

– Пахнут удивительно, говорят у нас в Карелии такие же растут. Глеб, ты теперь будешь границу вычерчивать, чтобы не подойти ближе, и за тобой всегда будут ходить Виктор с Андреем, чтобы, если что, они успели надеть на тебя смирительную рубашку?

Я смотрела ему в глаза и улыбалась. Но улыбаться было трудно, потому что на меня смотрели опять глаза полные льда.

– Ты правильно догадалась.

– Я вообще умная не по возрасту. Кстати, о возрасте, я себя стала значительно лучше чувствовать. Замужество пошло мне на пользу.

Встала и пошла к нему. Он стал отодвигаться в проем двери.

– Не нужно, я почувствую границу сама.

Это было странное ощущение – как сначала мягкая, а потом всё жёстче, невидимая оболочка окружает его. В полуметре от него я остановилась.

– Вот видишь, это совсем не больно.

Облегчённо вздохнув, Андрей спросил:

– А если она изменится?

– Для того, чтобы Глеб не разнёс здесь всю замечательную мебель и зеркала, опять восстанавливать, вам придётся время от времени заклеивать мне скотчем рот и вообще следить за мной больше, чем за ним. Главный виновник всего здесь – я, вы как-то забыли об этом.

– Катя, пойми, меня никто не сможет удержать.

– Я знаю. Самуил мне объяснил, что ты Илья Муромец и Змей Горыныч вместе взятые, можно ещё кого-нибудь добавить. Поэтому будем удерживать меня, а это сам понимаешь, совсем не легче. И вообще, вы всё время говорили о моей значимости, пора доказывать.

Все смотрели на меня, а Самуил подбежал ко мне, обнял и поцеловал в щёку.

– Дорогая моя, ничего не бойся, у нас всё получится.

– Она ничего не боится.

Ко мне подошёл Олег и взял за руку. Я повернулась к Глебу:

– Если это уже Олег говорит, то значит, я действительно ничего не боюсь. С вами ничего не боюсь.

Он только кивнул головой, в его глазах замелькали цвета, но он не двигался. Я опять решила подойти к нему.

– Не подходи!

Но я продолжала медленно идти и остановилась только тогда, когда почувствовала давление невидимой силы. Теперь уже на расстоянии около двух метров.

– Вот видишь, у страха глаза велики, у моего страха всегда были очень большие… а теперь я не боюсь.

Я стояла и смотрела ему в глаза до тех пор, пока не заметила, что вихрь успокаивается. А потом стала подходить всё ближе, по мере ослабления давления неведомой силы. Те же полметра. И тут меня осенило – ожерелье!

– Самуил, где ожерелье Аарона?

Он непонимающе посмотрел на Олега, а тот мгновенно исчез, видимо, сразу понял, о чём речь. Когда он вернулся и надел его на меня, я подошла к Глебу почти вплотную и ничего не почувствовала. И вихря в глазах Глеба не было, он хриплым голосом сказал:

– Надо поговорить с Аароном.

А у меня закончились силы, и я упала на его руки.

Без сознания я была всего несколько минут, но страху на всех нагнала много. Как мне рассказал потом Самуил, Глеб почти поверил, что я умерла, но расслышал слабое биение сердца и успокоился, однако его сразу вывел из комнаты Олег, на всякий случай. А Виктор с Андреем стали меня лечить энергией, не дав Самуилу даже подойти ко мне.

– Оказалось, что ты просто устала. Катенька, я прошу тебя, будь осторожна, сегодня всё получилось, но кто знает, что будет с Глебом завтра и насколько хватит твоих сил.

– Хватит, насколько нужно, настолько и хватит. Если чем-нибудь накормят, есть хочется ужасно.

А потом я спала почти сутки. Меня разбудил Самуил.

– Катенька, проснись, уже пора вставать.

Я открыла глаза и сладко потянулась:

– Доброе утро.

– День, дорогая моя, уже давно день.

– А где Глеб?

– Наматывает километры вокруг. Зрелище напоминает торнадо, скоро будет глубокий ров, и можно будет запускать морскую воду.

Самуил даже покачал головой.

– Вставать действительно надо, скоро приедет Аарон.

Во мне вдруг всё замерло, я почему-то решила, что Глеб поговорит с ним без меня. Опять этот страх, почему вчера была так спокойна и уверена в себе, а сегодня опять испугалась? Испугалась от одной мысли встретиться с чужим человеком, который, между прочим, может помочь Глебу. Итак, где флаг? Примем ванну и пойдём искать в гардеробе.

Когда у тебя пара брюк и пара блузок, выбирать легче, чем в полной одежды гардеробной. Я перебирала платья и одно из них, наконец, привлекло моё внимание. Это была так называемая двойка, состоящая из прямого удлиненного с низким вырезом платья цвета шампанского, и широкой безрукавки тончайшего кружева до подола того же цвета. Такие наряды носили великосветские дамы тридцатых годов двадцатого века, не хватало только длинной нити жемчуга. Волосы я тщательно убрала и заколола жемчужной заколкой. Пришел Олег и вместо нити жемчуга надел на меня ожерелье Аарона, смотрелось тоже неплохо.

Мы с Олегом ждали, когда придут Глеб и Аарон в столовой.

– Олег, а как вы чувствуете состояние Глеба?

– Мы всегда можем определить, насколько силён любой из нас. Глеб и раньше был сильнее всех, кроме Аарона, а сейчас он как сгусток энергии, совершенно нам непонятной, но очень мощной. Даже странно, что ты осталась жива, видимо он смог сдержаться в последний момент.

Олег, как всегда, был со мной предельно откровенен. Вошли Глеб и Аарон. Я уже привыкла к тому, что они все очень высокие, но Аарон был выше Глеба почти на голову, настоящий гигант. Олег сразу встал и отошёл к двери. Глеб представил мне гостя:

– Катя, познакомься, Аарон.

Пока он говорил, Аарон уже встал передо мной и смотрел на меня как на привидение. Я даже не успела испугаться, только широко открыла глаза и непроизвольно приложила руку к груди на ожерелье. И вдруг Аарон наклонился ко мне и провёл рукой по щеке, едва коснувшись кожи. У меня перехватило дыхание, но краем глаза я увидела Глеба рядом и успокоилась. А вот то, что я сделала потом, логике не поддается – я взяла его руку и приложила к щеке. Аарон побледнел до синевы, а глаза стали совершенно чёрными. Очень медленно он освободил свою руку и, повернувшись к Глебу, сказал глухим голосом:

– Ты прав. Я знаю, что делать. Вернусь завтра.

И исчез. Что это было? Только сейчас я смогла вздохнуть.

– Почему ты выбрала это платье?

Глеб уже опять стоял у двери.

– Я не знаю, оно мне просто понравилось. Что-то не так?

– В нём ты стала похожа на его жену, Элизабет. И повторила её жест.

Поэтому он смотрел на меня как на приведение. Наверное, это очень жестоко, вот так неожиданно встретить женщину, похожую на свою любимую через много лет после смерти. Помолчав, я спросила:

– А в чём ты прав?

– Я сказал ему, что ты сможешь мне помочь, и у тебя хватит сил остаться в живых.

– Ты действительно во мне так уверен?

– В тебе да.

– А я верю в тебя, ты сможешь обуздать в себе это буйство энергии. За тобой должок, между прочим.

Он даже смог улыбнуться:

– Какой?

– Мой сон, он действительно тебе помог?

– Да, именно там, где ты указала, меня ждал наёмник с оружием. Какой же ты потребуешь кураж?

– Давай съездим когда-нибудь ещё раз послушать мелодию моря.

Он сделал несколько шагов от двери, но потом остановил себя, вздохнул и сказал очень тихо:

– Когда всё закончится. Олег, уходим.

Я опять в одиночестве ходила по залам дворца, стараясь не думать о происходящем, но так как кнопки не нашла в голове, то всё равно думала. Почему Глеб так уверен во мне, ведь никаких предпосылок этому сама я не видела. Только упрямство и страх, страх, что он действительно уйдёт, и его убьют, или его разорвёт эта сумасшедшая неведомая никому энергия. Мысли о том, чем это может закончиться для меня, даже не возникало.

То, что мне сегодня рассказал Самуил о физических способностях Глеба, в действительности очень меня поразило. В своей прошлой, обычной жизни я и представить себе не могла, что такое может быть. И опять у меня закралась глупая мыслишка: как такой невообразимой силы и, куда от женского – красоты, Глеб может зависеть от меня, моих эмоций и настроения?

Природа пошутила очень неудачно. В присутствии Глеба и всех остальных я старалась выглядеть уверенной в себе, но сама перед собой этой уверенности совсем не ощущала. Как тогда в санатории. Вот придёт завтра Аарон, и придётся что-то делать, а я это сделать просто не смогу или не сумею. А ещё я вспоминала моменты, когда Глеб брал меня за руки, обнимал или просто смотрел в глаза, наш единственный танец, который я сама же и испортила. И именно сейчас, когда Глеб и на пушечный выстрел добровольно ко мне не подойдёт, мне очень хотелось снова ощутить его объятия.

Ужинали мы вдвоём с Самуилом. Куда делись остальные, он тоже не знал, но было понятно, что сам он что-то хочет у меня спросить, но не решается. Я решила ему помочь:

– Самуил, что ты хочешь знать?

– Катенька, только прости меня за этот вопрос… что тогда произошло ночью? Ты сказала, что знаешь, что ты сделала не так.

Я ждала этого вопроса, но смутилась и не сразу смогла сформулировать ответ:

– Глеб иногда приходил ко мне в комнату… так, чтобы я его не замечала. Но я чувствовала его присутствие, а в ту ночь… я его попросила остаться и обняла… вернее попыталась.

Сказав это, я почувствовала, что лицо горит и заливается краской как у девочки-подростка. Но я зря стеснялась – Самуил вскочил и забегал вокруг стола.

– Это чувство, настоящее чувство! Ты его действительно любишь, и он это почувствовал! Вот что подняло волну энергии!

Как всё сложно в жизни. Я публично призналась в любви к Глебу, официально вышла за него замуж и покраснела, рассказывая, как пыталась его обнять в своей спальне. А теперь вот выяснилось, что моё чувство самое настоящее и он его почувствовал, правда у него от этого все тормоза снесло и надежда на счастливую семейную жизнь опять под сомнением. И это при том, что у него самого чувств ко мне нет. Как я там говорила в своей тронной речи? Счастлива счастьем любимого. Я, наверное, только теперь поняла эту свою фразу. Ничего не требовать, а только отдавать, отдавать всё, что потребуется ему, даже без всякой надежды на ответное чувство. Не смотреть ни на что, отсечь все сомнения и всеми способами помочь ему. Только как это сделать, если моё чувство настоящее и любой мой поступок, даже слово может спровоцировать неизвестно что неизвестной силы. И я придумала.

– Самуил, а помнишь, ты брал мою кровь? Она ещё осталась?

– Конечно, я исследовал совсем немного, она слишком ценна.

– А Глебу ты её давал?

– Катенька, нам не нужно это обсуждать, это для тебя слишком…

Но я не дала ему договорить:

– Самуил, так давал или нет?

– Он отказался.

– А тогда, с Сарой?

– Тоже отказался.

– Значит, надо попробовать.

Я смотрела на него и понимала, как ему сейчас тяжело. Когда-то у него погибла дочь в попытке помочь Глебу, и, несмотря на это, он для него помогает мне выжить в подобной ситуации, хотя мог просто проклясть его, и даже не просто не помогать ему – а погубить. Почему?

– Самуил, нам нужно попытаться убедить Глеба принять мою кровь. Будем считать это переливанием.

В столовую вошёл Виктор.

– Опять научные разговоры ведёте?

– Виктор, тебе легко было убедить Глеба в моей эмоциональности только на основании разговоров о внутренней и внешней политике России?

Он совершенно не ожидал такого вопроса и даже остановился на полпути к столу.

– Глеб выслушал мои доводы.

– Нам нужна твоя помощь.

И я пересказала ему идею с кровью. Виктор слушал очень внимательно и время от времени посматривал то на меня, то на Самуила.

– Это практически невозможно.

– Почему?

– Кровь для него уже давно не еда, это вынужденное принятие лекарства для сохранения жизни. Как таблетка.

– Тогда всё легче, он даже не будет знать, что это моя кровь.

– Ты не права, Катенька, я уже пытался, кровь Сары он почувствовал, он всегда знает – чья это кровь.

– Значит, он должен сделать это осознанно.

Оба посмотрели на меня как… скажем так, не совсем в уме.

– Виктор, где он?

– Они с Олегом тренируются.

– Пошли, должна же я посмотреть, на что способен мой муж.

Виктор предупредил:

– Это зрелище не для слабонервных.

– А у меня нервов с вами уже нет давно, закончились.

То, что я увидела, сложно было назвать тренировкой в обычном смысле. Хорошо, что мы стояли на балконе и смотрели сверху. Два вихря носились по площадке и время от времени сталкивались так, что трещины веером расходились по бетону.

– Это они что, пытаются поймать друг друга?

– Они сражаются на саблях.

Видимо Глеб услышал голоса, так как один из вихрей неожиданно преобразовался в него, а другой в Олега. Точно, не для слабонервных – оба были в крови, правда, Олег ранен значительно сильнее, а у Глеба лишь несколько порезов, в руках окровавленные сабли, с которых падали красные капли.

– Глеб, можно с тобой поговорить?

– Пять минут.

И оба исчезли. Я не знала, что буду ему говорить, но любым способом надо его убедить. Если бы мне сказали в первый день моего появления в Неаполе, что я сама буду уговаривать Глеба принять мою кровь, то сошла с ума сразу.

Ровно через пять минут он поднялся на балкон в джинсах и футболке, без единой раны и остановился в паре метров от меня. Я попросила Самуила и Виктора оставить нас вдвоём. Когда они ушли, Глеб отошёл в дальний угол балкона.

– Глеб, когда ты меня похищал, ты ведь ещё не знал, что может получиться?

– Нет, это был только намёк на ощущения. Почему ты спрашиваешь?

– Ты ведь тогда даже представить себе не мог, что будешь настолько зависеть от человека, от его эмоций… моих эмоций. Я думаю тебе это очень сложно принять. Тем более, что результат неизвестен, и сколько это продлится тоже неизвестно.

Он ничего не ответил, а только внимательно посмотрел на меня.

– Мне это тоже даётся нелегко. Я не боюсь тебя, потому что совершенно в тебе уверена, но думаю, что надо воспользоваться любой возможностью и попробовать все способы освободить тебя от этой неизвестной энергии.

– Что ты придумала?

– Самуил перельёт тебе мою кровь.

Я ещё не договорила фразу, а Глеб уже ответил:

– Нет.

– Я не сказала, что ты её будешь пить, я сказала – перельёт, как при заболевании, ведь ты сейчас болен. И я не сказала – всю, она ещё мне самой понадобится… можно попробовать каплями. Если ты боишься реакции, то это можно сделать не здесь, хотя я считаю, что нужно делать прямое переливание. И на мне будет ожерелье Аарона.

Глеб стоял, опустив глаза и сжав кулаки.

– Глеб, верь мне. История с Сарой не повторится, потому что я другая. Я сама отдаю тебе свою кровь, как донор отдает её больному.

А потом я сказала то, что, наверное, и помогает мне любить его таким, какой он есть:

– Любовь отдает всё, когда она любовь, не задумываясь ни о чём. В любви нет условностей.

Наконец, Глеб поднял на меня глаза, и они были чистыми, без вихря.

– Хорошо. Завтра приедет Аарон, и мы обсудим это с ним. А теперь уходи.

Я шла на негнущихся ногах, руки дрожали, и я почти ничего не видела перед собой. Наверное, я бы упала, но меня подхватил Олег и перенёс в столовую. Там ожидали Виктор и Самуил. Самуил сидел, сильно сжав руки, увидев меня, он сразу встал и подбежал ко мне.

– Девочка моя, тебе это удалось… ты действительно другая.

– Виктор всё слышал… Самуил, ты должен убедить Глеба сделать прямое вливание, мне почему-то кажется, что так будет лучше.

– Мы этого не знаем, лучше начать с капелек.

– С капелек так с капелек. Олег, можно мне чашечку твоего изумительного чая?

– С тортиком?

– Нет, будем худеть.

Виктор так и не сказал ни слова за весь вечер, только внимательно рассматривал меня, как будто увидел в первый раз.

Когда я проснулась утром, на столике у кровати стоял букет каких-то неизвестных мне цветов с огромными бутонами яркого синего цвета. Такими были глаза у Глеба в первый день после свадьбы.

Аарон прибыл к обеду. Я, наверное, уже двадцать раз обошла весь дворец, пять раз переоделась и три раза искупалась в бассейне. Никакие уговоры Виктора с Олегом не могли меня успокоить, пока Олег не взял меня на руки и не посадил на стул в столовой:

– Если ты не возьмёшь себя в руки, Глеб нас всех перебьёт.

Виктор ехидно добавил:

– На тебе плохо сказывается отказ от сладкого.

Эти два аргумента возымели действие. Когда Аарон и Глеб вошли, я сидела как египетская статуя сфинкса. А почему нет Самуила? Да и Андрей куда-то подевался, я видела его в своей беготне по комнатам, а может их и не позовут. Виктор с Олегом уже стояли у двери.

Аарон подошёл ко мне и спросил:

– Почему ты решила отдать Глебу свою кровь?

– Я надеюсь, что она поможет обуздать эту энергию. Если мои эмоции её разбудили, то может моя кровь обуздает или выведет из организма Глеба.

– А если её понадобится много?

– Сколько нужно.

– Ты его действительно любишь. Я привёз то, что нужно для этого.

Значит, он это же хотел предложить Глебу? И я права – только моя кровь может помочь? Я посмотрела на Глеба, он стоял, опустив голову у самого порога столовой. Уже уходя, Аарон повернулся ко мне:

– Ничего не бойся, всё получится.

Они с Глебом ушли. Виктор подошёл ко мне, взял мою руку и сказал:

– Тебе понадобятся силы.

Потом подошёл Олег. Пока он держал меня за руку, я попросила его:

– Что бы ни случилось со мной, вы должны его спасти.

Он кивнул и ответил:

– Глеб утром сказал то же про тебя. Чей приказ выполнять?

И широко улыбнулся. Первый раз за последние дни.

Олег привёл меня в помещение, напоминающее зал медицинского института. Масса какой-то аппаратуры и запах, характерный только для таких помещений. И Самуил с Андреем в белых халатах. Самуил понятно, но Андрей? Всё стало ясно, когда меня уложили на стол. Андрей облепил меня какими-то проводками, которые были присоединены к компьютеру. Глеб уже лежал на столе рядом, так же облепленный проводами. Но ничего не происходило, пока не пришёл Аарон. Он принёс обруч из такого же металла, как моё ожерелье и надел его на голову Глебу, а потом подошёл ко мне и положил ладонь на голову со словами:

– Спи, всё будет хорошо.

И опять меня будили, хотя казалось, что я только уснула, а перед этим не спала много лет. Каждая клеточка хотела спать, тело было ватным, мозг не выдал никакой мысли, которая бы помогла проснуться. Но мне не давали возможности снова провалиться в сон, всё время трогали за руки, и кричали громко-громко:

– Катенька, просыпайся, открой глазки.

Плотно сжала веки и хотела вернуться в сон, но кто-то сильно тряхнул меня за плечи и потребовал:

– Немедленно открой глаза.

И я открыла. Мутная пелена не давала возможности ничего рассмотреть, и я их закрыла. Меня снова будили, а я снова проваливалась в сон. Так до бесконечности. Но вдруг в этой бесконечности кто-то произнёс:

– Глеб.

И что-то во мне изменилось, это слово оказалось знакомо, я ещё не знала, чем, но оно стало беспокоить. Это слово носилось во мне и мешало снова вернуться в сон, оно что-то требовало от меня, а я никак не могла понять, что же ему нужно – этому слову. Надо открыть глаза и посмотреть, может так пойму.

Я увидела огромные синие глаза, они занимали собой всё пространство. Потом глаза стали меньше и появилось лицо. Я хотела крикнуть, но получился только хрип:

– Глеб…

– Глеб, она пришла в себя, теперь отойди и не мешай.

Меня опять взяли за руку, и что-то полилось через пальцы как волна, и эта волна заполняла собой всю меня и поднималась всё выше, пока не достигла головы. Я проснулась.

Они опять все окружили меня, а Аарон держал за руку. Рядом с ним стоял Самуил, который был ему почти по пояс, и это зрелище выглядело настолько комично, что я улыбнулась. Самуил повторял:

– Ну вот, всё хорошо, девочка моя, всё хорошо.

Все облегченно улыбались. Глеба среди них не было.

На этот раз я восстановилась быстро: уже на следующий день встала с кровати самостоятельно и пошла на балкон. С того момента, как я пришла в себя со мной был только Самуил, даже Олег ни разу не зашёл. Все дружно порадовались и разошлись. А Глеб, между прочим, мог зайти хоть спасибо сказать. На мой вопрос, как прошло, Самуил уклончиво ответил, что всё получилось даже лучше, чем ожидали, но в подробности не вдавался. Больше ни о чём я спрашивать не стала. Ты хотела подвига ради любви – тебе судьба дала такую возможность. Сама же заявила, что любовь отдаёт, не задумываясь ни о чём, а теперь спасибо захотела. Глеб всё получил, полностью восстановился и, небось, уже далеко-далеко, ещё на пару-тройку сотен

лет. А ты стой на балконе и смотри на море как Пенелопа. Только станка нет, ковёр плести. Стоп, а то ведь принесут, и придётся плести.

Я решила быть мудрой и не думать о таких мелочах, как благодарность. А причём тут подвиг, вдруг поняла я – а владения? Подвиг, это когда действо бесплатно, по велению души. А тут тебе замужество и брачный контракт! Глеб мне заплатил за все мои будущие подвиги. Зачем указывать мои обязанности, если и так понятно, что я всё сделаю сама, а благодарность указана во владениях, счетах и недвижимости, на булавки хватит. Главное – получилось, как сказал Самуил, и теперь он может спокойно разбирать меня на молекулы, поэтому он и здесь. Ничего не изменилось с первого дня моего пребывания. Это я по своей наивности придумала всякие глупости, и сама же на них очередной раз попалась.

И вообще-то, если подумать трезвой головой, подвига не было. Ведь Аарон предложил то же, и они бы это сделали, с моего согласия или без оного. А тут я со своим подвигом: море эмоций, кровь ручьем. Мои чувства облегчили всю процедуру, они же не знали, что может быть при втором шансе, а тут тебе и агрессивность энергией проявилась, и энергию эту высвободили. Шницель был – шницель и остался. Но видимо всё-таки что-то изменилось во мне самой за эти дни. Все эти мудрые мысли в другое время довели бы меня до нервного срыва и истерики с утоплением, а сейчас я думала обо всём с каким-то внутренним спокойствием, медленно прогуливаясь по балкону, даже в обморок не грохнулась. Всё проходящее, только музыка вечна. А ведь обещал ещё когда-нибудь сводить послушать мелодию моря. Ага, лет через сто, если доживу, могут успеть на молекулы разобрать и над морем развеять, вот и буду слушать.

А ведь я действительно спокойна, поражалась я себе, возвращаясь в свою комнату. Может быть, наконец, умнеть начинаю, возраст соответствующий, уже пора. Я не сразу заметила букет, только когда уже легла на кровать и повернулась к тумбочке. Незабудки в невысокой хрустальной вазе. Все моё спокойствие рухнуло в один момент, вся мудрость развеялась лёгким дымком и сразу испарилась, сердце забилось и руки задрожали. Незабудки, как в ту ночь. Я долго лежала и пыталась успокоиться, прежде чем пришла единственно верная мысль – попросить Самуила дать каких-нибудь сильнодействующих успокоительных таблеток, эмоции мои им ведь уже не нужны. И я решила сразу идти к нему, пока ещё помню мысль.

Самуил оказался в своей гигантской лаборатории и о чём-то весело разговаривал с Андреем. Они стояли у мониторов и рассматривали какие-то диаграммы, указывали в них пальцами и веселились. Как только я увидела Андрея, меня посетила ещё одна умная мысль – может быть, этот букет принес Андрей и Глеб здесь совсем не причём?

– Привет, Андрей.

– Здравствуй, Катя, очень рад тебя видеть. Мы с Самуилом один опыт разбираем.

– Представляешь, Катенька, Андрей заставил меня проводить анализы, навесив на меня проводов, и теперь показывает, когда я думал напряжённо, а когда не очень.

– И каков диагноз?

– Самуил думал всего три минуты, а остальные десять не думал ни о чём.

– Это не правда, я думал всё время!

– Но думал ты не о том.

Ну и дальше в том же духе. Почему-то при Андрее я не решилась просить у Самуила таблетки и, подумав, перенесла разговор на ужин. Не смогла я у Андрея и про букет спросить, а если это не он? Тогда кто, Глеб по почте послал? Ну и пусть, хоть кто, хоть президент, хоть садовник, мне это совсем не важно, и хоть незабудки, хоть кактусы! Я глубоко вздохнула и пошла обратно к себе.

Всё-таки на кровати уютнее думается. Я смотрела на незабудки и очередной раз доказывала себе, что нельзя даже пытаться как-то объяснить со своей колокольни их поступки, они совсем другие. Если они так кардинально отличаются от нас физически, а в этом я уже

неоднократно убеждалась, то не могут думать и чувствовать, как мы. У людей ближайшие родственники не понимают друг друга, муж с женой много лет живут вместе и вдруг выясняется, что они почти враги, не говоря уже про отцов и детей, друзей и знакомых. А это почти представители другой планеты, которые переходят из века в век, выживая в невообразимых ситуациях, и короткая человеческая жизнь не может иметь для них никакого значения, не говоря уже о том, что значит для них человек – то есть источник питания. И пусть Глеб и не пьет живой крови, а лишь как таблетку из пакетика, что для него может значить моя жизнь? Кроме как средство восстановления функций организма. И это только моя проблема, что я восприняла его как человека и поддалась своим эмоциям. Между прочим, такое среди людей встречается на каждом углу без всяких там сверхспособностей: просто использование одного другим, вплоть до членовредительства и смертоубийства. Я одна из очень многих и не будем об этом переживать. Не все во дворцах живут и не всех итальянской пищей потчуют. Пора идти на ужин, таблеток у Самуила просить.

Когда я пришла в столовую, там сидел Аарон. Не то чтобы я испугалась, но какая-то тревога сразу поселилась в душе. Ничего плохого мне он не сделал, наоборот, его ожерелье помогло мне, но, как и в истории с Анной, я почувствовала угрозу. Он встал и предложил мне стул рядом с собой. Я спокойно отказалась и села напротив него, объяснив это тем, что мне так удобнее с ним разговаривать. Он поднял бровь и спросил:

– Почему?

– Вы, конечно, привыкли к себе и не замечаете, что я несколько меньше вас, примерно в половину. Это мелочь, но моя голова может не выдержать такой высоты, с расстояния удобнее.

Я смотрела прямо на него и улыбалась. Впервые у меня появилась возможность подробно рассмотреть Аарона. Он выглядел лет на сорок пять, очень высокий и широкий в кости, пропорционально сложен, как Глеб, но в нём явно присутствовала негритянская кровь. По чертам лица и цвету кожи, не совсем тёмному, но смуглому именно тем оттенком, который определяет наличие африканской крови. И хотя черты лица были не такими явными, в них всё-таки больше европейского – предки угадывались. Только глаза выделялись своим почти жёлтым цветом, как у кошки или тигра. Ещё бы вертикальные зрачки, и образ получился как в кино, но они были нормальными. Одет в дорогой костюм тёмно-синего цвета и голубую рубашку без галстука. А на безымянном пальце правой руки такое же кольцо, как у нас с Глебом. Как он тогда сказал – оно будет помнить нас, пока мы живы.

Аарон тоже внимательно наблюдал за мной. Самуил так и не пришёл. Только после того, как я поела и закурила, началась светская беседа. Аарон расспрашивал о моей прошлой жизни, его интересовали самые мельчайшие подробности, вплоть до моих взаимоотношений на работе и с друзьями. Вспомнив разговоры с Виктором, я этому не удивилась и отвечала, тщательно просеивая информацию и рассказывая только то, что считала возможным. Это я умею, незачем ему знать, как на самом деле я жила в своей прошлой жизни, и не важно, по какой причине его это интересует. Беседу я решила закончить сама, это была демонстрация того, что не он решает – когда и что мне делать. Поблагодарив за приятно проведённое время, я встала и, пожелав ему спокойной ночи, ушла. За весь вечер я так и не спросила где Глеб.

9

Удивительно, но в последующие дни Самуил не доставал меня никакими медицинскими процедурами. Появились Виктор с Олегом и по очереди выводили меня на прогулки по окрестностям дворца: Олег, молча, а Виктор, развлекая историями из жизни обитателей ближайших деревень. Про Глеба никто не сказал ни слова, а я гордо не стала спрашивать. У меня сложилось ощущение, что они исполняют чье-то указание насыщать мой организм кислородом

в определенное время, всегда после обеда, видимо, чтобы калории не откладывались, или им просто мешало солнце. А после завтрака я продолжала вести светские беседы с Аароном. Из-за такого времяпровождения я едва находила силы поужинать и падала на кровать. Каждое утро на столике появлялся новый букет незабудок.

И я, в конце концов, не выдержала. Иногда во время прогулок мы встречали незнакомых молодых людей, похожих на тех, кто был в санатории. Мне стоило большого труда делать вид, что я их не замечаю: каждый раз цепенела и покрывалась корочкой льда. Однажды после такой встречи я спросила у Виктора:

– Это что – внешняя охрана?

Он помолчал, оглянулся вокруг и ответил мрачным голосом:

– Это бойцы Аарона.

– Они его всегда сопровождают? Зачем? Вряд ли кто-то посмеет на него напасть.

Виктор как-то грустно на меня посмотрел и долго молчал. Потом вздохнул и признался:

– Они охраняют тебя. Так он решил.

– От кого они могут меня охранять?

Он только пожал плечами. И я решилась.

– А что думает по этому поводу Глеб? Ведь это его дом и его территория.

Мой вопрос остался без ответа. Виктор долго смотрел на меня, а потом взял под локоть и повёл дальше.

Видимо, всё-таки есть цена всему. Мне не хотелось думать, что Глеб просто отдал меня Аарону, не хотелось и всё. В другой, прошлой жизни я бы сочинила массу разных ситуаций, как Глеб пытается меня вырвать из рук Аарона и, наконец, победив, мы с ним обнимаемся на фоне заката. Но сейчас, пережив многое сама и узнав об их способностях, я смотрю уже совершенно иначе. Даже если предположить, только предположить, что Глеб не хотел меня отдавать Аарону, возможности просто не было. Выстоять против него и его бойцов, которых, всего скорее, сам Глеб и готовил, шансов нет. Мне захотелось как-то передать ему, что я всё поняла, не важно – правильно или нет. А может, протянуть тоненькую ниточку к нему, даже если эта ниточка ему самому не нужна – она нужна мне. И я придумала, как это сделать.

На следующий день я надела светлое платье и приколола к нему цветок незабудки из свежего букета. Со мной пошёл Олег, и это усложнило задачу, потому что он всегда просто молча сопровождал меня. Пришлось изобразить, как я оступилась, и у меня появился повод попросить его взять меня на руки, потому что идти я сама не могу. Когда он принёс меня к Самуилу для осмотра ноги, я в благодарность отдала ему цветок. Олег посмотрел на меня как-то уж очень внимательно, но цветок взял. На следующее утро на столике появился букет белых роз. Меня поняли! По крайней мере, мне так хотелось думать.

Утренние разговоры с Аароном всё больше приобретали оттенок душевных бесед о жизни. Я сама ввела долю кокетства в наше общение – это помогало уходить от неудобных для меня вопросов. Иногда я даже позволяла себе игнорировать некоторые из них, переводя разговор на какую-нибудь другую тему, вроде красот Неаполя и итальянской музыки, которую он хорошо знал и с удовольствием о ней говорил, чем я и пользовалась. На наших встречах больше никого не было, видимо Самуила кормили отдельно. Уходила я первой, всегда в разное время: иногда мы разговаривали пару часов, иногда пятнадцать минут. Ни разу он меня даже не попытался остановить, только вставал и желал доброго дня.

В очередной раз собираясь на завтрак, я остановила взгляд на том наряде, в котором была на нашей первой встрече, не считая свадебного ритуала. А почему бы и нет? Должна же я, наконец, узнать, что ему от меня нужно, ведь не только душевные разговоры по утрам.

Аарон замер, увидев меня, встал и не сразу смог поздороваться. А я специально остановилась перед столом, чтобы он смог меня лучше рассмотреть.

– Доброе утро, Аарон.

Наконец, он выдавил из себя:

– Доброе утро.

Я села за стол напротив и сразу спросила:

– Что тебе от меня нужно?

Он молча сел за стол. Его огромное тело сжалось, а в глазах плескалась боль.

– Я не Элизабет, тебе это нужно понять и принять. Прошлого не вернуть, Аарон. О нём можно только помнить.

Сквозь спазм Аарон прошептал:

– Ты действительно не Элизабет.

– Она любила тебя, помни эту любовь.

– Я убил её.

– Нет, это не ты, Глеб мне рассказал.

Аарон уже справился с собой и ответил совершенно спокойно:

– Он сказал неправду… её убил я, а потом поджёг дом. И убил всех, кто был в пределах досягаемости.

Со временем привыкаешь ко всему. Если долго сидеть в камере, привыкаешь к её стенам, если долго общаешься с убийцами, привыкаешь к убийству. Я даже не удивилась словам Аарона, не то чтобы ждала его признания, но была готова к нему. Мои размышления не прошли даром: они подготовили меня к тому, что Аарон убил Элизабет, и к тому, что Глеб меня обманул. Только не сметь думать об этом, потом, всё потом.

– Тогда тем более непонятно, зачем я тебе.

– Я смотрел на тебя и удивлялся как спокойно и уверенно ты себя ведёшь, несмотря на то, что понимаешь ситуацию. Я не могу чувствовать тебя, мне это не дано, но я прожил долгую жизнь и многое вижу. Ты сама отдала Глебу кровь, а с ней и часть своей жизни, а после ни разу о нём не спросила… хотя сама объявила, что любишь его. Я пытаюсь тебя понять.

– Значит, ты сам не любил. Я сделала это именно потому, что это я люблю, и это нужно мне. Конечно, это счастье, когда любовь взаимна, но заставить любить нельзя, можно добиваться её, а можно просто любить и сделать всё для этой любви. Глеб совершенно свободен в своих поступках… и если я его больше не увижу, буду помнить то, что было и благодарить судьбу, что он был в моей жизни. Если ты действительно сам убил Элизабет, то ты её не любил никогда, и я не помощник в твоих страданиях. А если это произошло случайно, или по независящим от тебя обстоятельствам, ведь бывает и так, то опять же это горе можешь пережить только ты сам. Любовь даёт невероятную силу и видение, она не слепа, как говорят, она всё видит, но продолжает любить… несмотря ни на что. Если ты не любил, то тебе меня не понять никогда.

Высказавшись, поняла, что это я себя уговариваю принять поступки Глеба и отпустить его на свободу. А помочь Аарону я ничем не могу, эту ношу он может нести только сам. Да о чём я вообще говорю! Какая любовь, если они даже просто физические ощущения теряют в этой своей мощи! На этой не совсем оптимистической мысли я и решила закончить наш разговор. Но Аарон остановил меня, когда я встала и собралась уходить:

– Подожди. Я должен тебе всё рассказать.

Я снова села за стол и закурила, так как весь наш разговор мне было не до сигарет.

– Ты не знаешь, как происходит… встреча. Это действительно может быть любой человек: мужчина, женщина, юноша, девушка, старик или ребёнок. Ты просто чувствуешь его. И находясь рядом с ним, вбирая его эмоции, его энергию, восстанавливаешься. Организм начинает жить полной жизнью. А потом приходит страшная жажда его крови, она горит в тебе пламенем и почти всегда побеждает. Я не понимаю, как Глеб удерживал эту жажду, находясь рядом с тобой во власти замкнутой в нём агрессии. И когда ты сама предложила ему свою кровь, ты не только его спасала, но и себя.

– Но почему тогда он не соглашался?

– Потому что в этот момент наша сила увеличивается в десятки раз и становится совершенно неуправляемой, а жажда требует всей крови именно этого человека. Он боялся, что не сможет остановиться.

– Ты сказал, что почти всегда побеждает, значит, кто-то преодолел эту жажду?

– Таких случаев очень мало, единицы… но они были. Тогда погибали наши, отказавшись от человека. Я не смог сдержать жажду. Ты права – я не любил Элизабет, и она не любила меня… только боялась.

– Но память о ней ты хранишь столько лет, почему?

– Я сам этого не понимал до встречи с тобой. Наверное, это утраченная возможность добиться отношения к себе, а не просто использование как источника энергии.

Он долго молчал, глубоко задумавшись. Мне тоже нечего было сказать, я и так опять изрекла мудрую мысль, теперь осталось только её исполнить. Думаю, судьба скоро заявит мне: сама Глеба объявила свободным – отпускай. И преподнесёт станок Пенелопы в подарок. Наконец, Аарон поднял на меня глаза:

– Однажды я был свидетелем того, как один из наших отказался от человека потому, что это был ребёнок. Он растил его, сколько позволило отпущенное ему время, обеспечил защиту, в том числе и от себя, и состояние. Он его даже не обратил. То же пытается сделать Глеб для тебя.

– Подожди, так ему не хватило моей крови?

– Почему? Вполне достаточно, ведь и у Самуила была в запасе.

Он что-то ещё хотел сказать, но в последний момент передумал и встал, провожая меня.

Уже у двери меня осенило, я обернулась к Аарону и спросила:

– Так это от Глеба меня защищают твои бойцы? Ты думаешь, он придёт меня убивать, не выдержав жажды?

– Это его просьба.

К себе в комнату я шла, не замечая ничего вокруг. Полежала на кровати совершенно бездумно. Какое хорошее слово – бездумно. Дум никаких. Потом встала и пошла искать Самуила. Он, как обычно, был в своей лаборатории и занимался переливанием чего-то во что-то, как эта посуда называется, я не знала никогда, даже в школе запомнить не могла. Увидев меня, он радостно поздоровался:

– Катенька, доброе утро.

– Самуил, я всё знаю, Аарон рассказал.

Он тяжело вздохнул и сел на стул, как будто ноги его не держали.

– И что ты хочешь знать?

– Всё.

– Хорошо, пойдём.

Самуил тяжело встал и повёл меня к двери, противоположной входной. То, что я увидела, наверное, называется погром, даже стены в трещинах. От техники остались только мелкие детали, а от мебели щепки.

– Мы едва успели вынести тебя, пока Аарон с Олегом и Виктором удерживали Глеба. Вернее, пытались.

– Но я же видела его, я помню глаза… они были чистыми, без вихря!

– Это уже потом, ты на самом деле была без сознания три дня. Глеб просил ничего не менять здесь и показать тебе… чтобы ты… поняла.

Теперь уже у меня начали подгибаться ноги, и мы вернулись в лабораторию Самуила.

– И как долго может продлиться эта жажда?

– Никто не знает, у всех по-разному. Если учесть, что Глеб очень долго сдерживался и напичкан энергией по горло, то даже предположить сложно. Катенька, Олег чай свой коронный заварил, пойдём, попьём?

И мы пошли пить чай в небольшую кухню рядом, там ждал Олег. Он поздоровался со мной и сразу дал понять, что всё слышал:

– Ты знаешь.

Кивнув головой, я почувствовала себя опять старой, уставшей и больной, даже чай не помогал.

– Я передал Глебу твой цветок, ты ведь этого хотела?

Опять кивнув, я неожиданно для себя покраснела. Что за ужас, в молодости никогда этим не страдала, а сейчас краснею как благородная смолянка. Самуил сразу встрепенулся:

– Какой цветок?

И мне пришлось рассказать. Он развеселился как мальчишка, а потом посмотрел на меня и сказал:

– Для него это очень важно – знать, что ты думаешь о нём.

Интересно, а он-то обо мне хоть вспоминает в своих бегах? Олег как услышал мои мысли:

– Ты посмотрела сегодня цветы?

Новый букет, как обычно, утром стоял на моём столике. Но я его не рассматривала, готовясь к разговору с Ааароном. Я подняла на Олега глаза, что мне ждать от этих цветов? Но спросила о другом:

– Я всё поражаюсь, как ты вкусно завариваешь чай. Где ты этому научился?

Он улыбнулся какой-то очень мягкой, совершенно не характерной для него улыбкой.

– Меня этому научил один старый китаец, но рецепт я обещал никому не говорить.

Самуил рассмеялся:

– Это как в анекдоте – заварки побольше.

Олег опять улыбнулся.

– Не совсем, но близко.

Помолчал, а потом решился рассказать:

– Когда я ушёл из клана, пришлось уехать как можно дальше, чтобы меня не почувствовали. Я выбрал Китай, поселился сначала в Пекине, там в это время было много беженцев из России и Европы, было легче затеряться. Тогда я выучил русский язык и стал Олегом. Но потом пришлось бежать дальше, меня спрятал в своей пещере старик китаец. Он научил меня многому из жизни людей… и знал кто я.

– Ты ему открылся?

– В Китае мутации вируса происходили несколько иначе. Люди получали не физическую силу, а энергию. Некоторые одним взмахом руки сдвигали скалы и меняли движение рек, но не могли передать возможности своим детям, как и в нашем случае. Старик, приютивший меня, тоже владел энергией и умел многое, летать, например, и, естественно, почувствовал мою силу. Он питался различными кореньями и чаем, по тому самому рецепту… правда, ещё кое-что добавлял.

Олег таинственно улыбнулся, но не стал объяснять:

– И научил меня многим секретам существования таких как мы. Нас обнаружили, когда мы искали себе новое место обитания после разрушительного землетрясения, уничтожившего не только нашу пещеру, но и всю гору. Почувствовав приближение землетрясения, он меня спас, перенеся в безопасное место. Тогда я ещё не мог передвигаться с большой скоростью, это уже Самуил постарался. Мы проходили через город…

Олег что-то произнёс на китайском.

– …где меня и нашли наёмники. Пещера не давала возможности чувствовать мой мозг, а на равнине это было сделать легко. В том городе до сих пор ходят легенды о неожиданном

вихре, разрушившем половину домов. Это старик пытался освободить меня от энергетического ошейника, но не получилось.

Он замолчал. Мне очень хотелось услышать продолжение истории, и я уже была готова задать вопрос, но меня опередил Самуил:

– Глеб же его потом нашёл?

– Да, я долго считал, что он погиб, но Глеб нашёл его и мы ещё раз встретились.

Олег опять замолчал, и я не выдержала:

– А как ты оказался с Глебом?

– Глеб тоже меня искал. Когда он узнал, что меня поймали… пришёл и освободил.

Сказано это было таким тоном, что у меня пропало всякое желание спрашивать, как он его освободил.

– Катенька, когда Глеб его привёл, это был худенький бледненький мальчик, совершенно как тростинка, а теперь посмотри – какой красавец вырос!

– Твоими стараниями, Самуил. Если бы не ты, я так бы и остался худеньким и бледненьким.

И оба рассмеялись. Смотрелось это действительно весело: Самуил был Олегу значительно ниже плеч.

Вернувшись в свою комнату, я сразу подошла к букету. В глубине среди листьев что-то сверкало. На золотых нитях очень тонкого плетения поблёскивали маленькие капельки прозрачных бриллиантов: украшение выглядело как роса на золотой паутине. Я перебирала камешки пальцами, и мне казалось, что касаюсь рук Глеба. Опять эта тоска о несбыточном, скоро в моих глазах она будет так же видна как Ностальгия Самуила. Я надела ожерелье и спрятала под ворот платья ближе к сердцу, где бы Глеб ни скрывался – он теперь со мной.

Прогуливаясь после обеда по уже знакомому маршруту, я спросила Олега:

– Прости за вопрос, но почему ты решил уйти из клана?

– Я больше не хотел заниматься тем, на чём специализировался наш клан.

Уже открыв рот, чтобы спросить о специализации клана я тут же его закрыла. Если бы он хотел мне это сказать, то уже бы сказал, теперь спрашивать бесполезно – всё равно ничего не скажет. Но я могу спросить о другом.

– А Глеб далеко уехал?

Олег остановился на полушаге и повернулся ко мне:

– Почему ты спрашиваешь? Ты боишься его?

– Олег, если бы я его боялась, всё уже давно было по-другому. Я его не боюсь. Просто мне интересно.

Он долго думал, прежде чем ответить:

– Глеб сейчас смотрит на тебя.

Вздрогнув, я стала осматриваться вокруг, но, конечно же, ничего не увидела. Немного успокоившись, достала ожерелье поверх платья, и камешки сразу заиграли своими гранями в лучах заходящего солнца.

– Поэтому прогулки после обеда?

– Да.

– Олег, передай ему, что мне понравился подарок.

– Глеб его видит сейчас на тебе.

И я подняла руки и помахала.

«Ну, вот, почему так – думала я, очередной раз завернувшись с головой в одеяло – я только начала верить, что Глеб действительно что-то чувствует ко мне, и сама делаю маленький шажок навстречу, как ему сносит голову, и он, может быть, уже никогда не подойдёт ко мне и не обнимет, потому что если подойдёт – то уже снесёт меня». Думать о том, что он меня обманул, рассказывая историю Аарона, я себе запретила. Будем пытаться правильно относиться

к мужским поступкам, мало ли по каким причинам он не захотел говорить правду, может быть, он хотел, чтобы я продолжала верить Аарону и не боялась его. А может быть, не хотел, чтобы я испугалась своего возможного будущего. Главное – это ожерелье из капелек, которое греет мою кожу. И вообще, я ведь делаю выводы об отношении Глеба ко мне по своим домыслам, по тем редким моментам, когда мы встречались и ещё реже, когда разговаривали. Как обычная женщина я ношусь со своей любовью, совершенно не понимая процессов, которые происходят с Глебом. Сочиняю обиды, что-то требую, а он в это время борется с собой и пытается при этом просто сохранить мне же самой жизнь. Он в первый день после свадьбы поклялся, что защитит меня от всего, в том числе и от себя и слово держит. А от меня-то требуется только попытаться понять и не мешать. Я снова коснулась пальцами паутины ожерелья. Думала ли я в своей прошлой жизни, что буду носить бриллианты и жить во дворцах? Наверное, мне надо действительно успокоиться и просто ждать, и верить в то, что он всё сможет и придёт ко мне. А уж как будет дальше – время покажет. Подумаешь, устрою ему пару разборок, а он мне ещё что-нибудь подарит, только чтобы я замолчала. Мечта любой женщины. Перевоспитываюсь, пожалуй, или это маленькая девочка выглядывает из меня и говорит, что всё хорошо, они же большие и сильные, они всё смогут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.